

love_sf
love_sf

Виолетта
Стим
ViolettSteam
<https://www.litmir.me/a/?id=302651>
<https://coollib.net/a/184059>

Часовой механизм (СИ)

Молодая девушка, дочь сельского ученого и аристократка, бежит из дома в столицу, чтобы найти своего брата–близнеца. Демиан пропал несколько лет назад, не сказав ни слова. Все давно считали его мертвым, но Абигейл получила от него письмо, которое не смогла проигнорировать. Путь до Кору, столицы империи, только с виду кажется простым. Великолепнейший поезд «Виктория», на котором совершит путешествие девушка, таит в себе много опасностей. Да и как иначе, если поезд представляет собой целый город, поделенный на классы–сословия? В это время, в столице, укутанной смогом, нищий парень по имени Дэй Ридд расшифровывает дневник, который должен привести его к невероятному изобретению, задача которого — спасти мир от неминуемой гибели. Часовой механизм уже запущен, и стрелки отмеряют оставшиеся минуты. Чтобы разгадать все тайны и загадки, встретившиеся на пути, героям придется объединиться. И противостоять целой корпорации промышленников, которые любой ценой хотят скрыть страшную правду.

ru

OOoFBTools-2.55 (ExportToFB21), FictionBook Editor Release 2.6.6
09.06.2019
<https://www.litmir.me>
B4F29957-3DF8-4481-B52F-449001668719
1.0

Часовой механизм

Глава 1. Последний поезд

О том, что брат жив, Абигейл знала всегда. Она знала это каждый раз, когда писала ему письма в никуда, когда отказывалась погасить свет перед сном, и когда возлагала с отцом цветы на его пустую могилу. Близнецы связаны между собой неразрывной связью, они чувствуют друг друга даже на очень далеком расстоянии. Если бы он на самом деле умер, она бы узнала об этом первой. Но никто ей не верил.

Странное письмо, которое она получила больше недели назад, в день похорон матери, только подтвердило догадки. И тогда Абигейл решила взять все в свои руки.

Узкая тропа среди ржаного поля, ведущая прочь от деревни Лан–Лаин, была плохо освещена, и то и дело петляла. Оттого запряженная старой клячей повозка, в которой ехала Эбби, сильно тряслась и подсакивала на незамеченных в темноте кочках. Извозчик, восседавший на козлах — старина Джон из местного трактира, был невозмутим.

— Сейчас свернем на Ротчел–роуд, там, кажись, попроще будет, — не оборачиваясь, сообщил он, посасывая еле дымящую трубку. — До станции уже и рукой подать!

Абигейл нашла в себе силы только кивнуть, прижимая ко рту кружевной платок, надушенный настоем мелиссы. Ее мутило, и она пожалела о том, что разрешила Рине плотно накормить себя ужином. Путешествие только начиналось, а ей уже хотелось домой, в мягкую постель.

Наверное, сейчас домашние слуги заканчивали вечернюю уборку, и готовились ко сну, не подозревая о том, что молодая хозяйка сбежала.

Нет уж, решила быть твердой до конца, так нечего отлынивать! Все учтено, план расписан до мелочей, новая личность выдумана. Назад поворачивать слишком поздно.

На широкой Ротчел–роуд фонари были выше и мощнее, на столбах имелись таблички, отсчитывающие ярды до станции. Дорога, покрытая мелким гравием, и вправду стала ровнее. Эбби спрятала платок обратно в крошечную сумочку на тонком ремешке, и в который раз убедилась в том, что билет на месте. От этого прямоугольного клочка бумаги сейчас зависело слишком много. «Мадемуазель Абигейл Шерри, от станции Лан–Лаин до станции Кора, вагон Д№21, место №38» — значилось на нем золотыми буквами с завитками. Вагон Д-класса, прозванный «деревенщиной» — решение для бедноты. Но когда покупаешь на карманные деньги билет на последний поезд в столицу, выбор невелик.

— Пятнадцать минут, Джон, — негромко напомнила Эбби, взглянув на круглые часы–подвеску из латуни, покачивающиеся на тугом корсете «под грудь». Волнующий момент приближался, и не замечать противное ноющее чувство в животе становилось все труднее. — Почти полночь.

— Поспеем, мадемуазель, — обнадежил кучер и от души хлестнул кобылку кнутом, отчего та поплелась немного быстрее.

Поправив съезжавший набок кожаный цилиндр, Абигейл поежилась от внезапного холодного ветра. Он продувал тонкую ткань ее белоснежной блузы насквозь. Повозка выезжала на открытую местность перед станцией, и высокой ржи, защищавшей от ветра, здесь уже не росло. Для конца мая погода стояла на редкость промозглая, а в воздухе запах гари чувствовался еще сильнее, чем всегда.

Эбби даже не оглянулась на скрывающуюся за холмом родную деревню. И на поля обращала внимания не более чем обычно — это дела простых фермеров, не касающихся леди. Но даже не глядя можно было сказать с уверенностью — урожай в этом году совсем плох. Стебли и листья казались серыми, словно покрывшимися толстым тяжелым слоем пыли. Никто, включая отца Абигейл — ученого, не мог придумать спасения от напасти — Эбби не раз слышала, как он убеждал в этом расстроенных работяг. Со всем миром творилось что–то неладное, и исчезновение ее брата пять лет назад — еще одно тому подтверждение.

Повозка остановилась на небольшой площади перед покосившимся от старости деревянным зданием железнодорожной станции, одноэтажным, с треугольной крышей и угловатыми колоннами на крыльце. Абигейл сухо поблагодарила мужчину и отсчитала ему несколько медных монет.

— Удачного пути! Я никому не выдам вашу тайну, мадемуазель, — улыбнулся извозчик, приподнимая соломенную шляпу на прощание.

— Мне все равно, Джон, — пожалла плечами Эбби. Когда поезд тронется, никто уже не сможет ее догнать. Она достала из–под сиденья старый потертый чемоданчик, обклеенный этикетками из разных городов. Он был верным другом ее отца во всех путешествиях, в которых ему

довелось побывать в молодости. Раньше Абигейл ему завидовала, но теперь, и сама того до конца не осознав, ввязывалась в нечто опрометчивое.

Неловко придерживая кринолин одной рукой, она спрыгнула на землю, подняв вокруг легкое облачко пыли. Светлые волосы, тщательно завитые и уложенные в прическу всего час назад, трепыхались на ветру, грозясь вот-вот растрепаться. Мысленно попросившись с уютной голубой спальней под самой крышей, Абигейл поднялась на крыльцо станции. Джон как будто бы ждал, что она передумает, а потому не торопился уезжать. Эбби мысленно усмехнулась. Этого не произойдет. Поезд прибудет с минуты на минуту, и она не свернет с намеченного пути.

Сколько бы она не думала, выбор оставался только один — нужно образумить брата и вернуть его домой. Абигейл даже злилась — как можно было не давать о себе знать целых пять лет! Полученное письмо не оставляло сомнений в том, что он жив, хотя содержание было довольно странным.

Эбби толкнула тяжелую дверь с треснувшим стеклом, и вошла в скромно обставленный вестибюль. Дощатый пол давно не подметали, и пыль скопилась в углах, под лавками, и около единственной кассы, окошко которой было наглухо забито. Одинокая лампа накаливания под потолком дребезжала, тускло освещая небольшое помещение. Справа, у доски объявлений и расписания, горел свет за дверью станционного смотрителя, который не давал себе возможности заснуть, прослушивая радиопередачу. Впервые за два месяца прибывает поезд — такое событие! Наверняка он готовился к этому дню не одну неделю. Но этот поезд, к тому же, был самым последним поездом, проходящим в столицу через эту станцию. А это значило, что бедняга за дверью уже потерял свою работу.

Когда-то поезда проходили через Лан-Лайн каждую неделю, и каждый день, но в последние годы все изменилось. Стране было не по карману содержать деревенские станции типа этой, и они закрывались одна за другой, ради новых заводов и фабрик. Абигейл не уставала удивляться тому, как вовремя пришло письмо. Неделей позднее, и она бы уже не успела купить билет, а кроме как на поезде, до столицы не добраться. Путь был слишком далек и невероятно труден. Не говоря уже о том, что на дорогу потребовалось бы целое состояние. Эбби сверилась с часами — три минуты! — и поспешила войти в арку напротив.

На поросшей мхом и сорняками платформе было ветрено и слишком уж тихо. Абигейл находилась тут одна, больше никто не желал покинуть деревню. Так даже лучше, не возникнет неловких вопросов об отъезде. Она надеялась, что ее пропажу обнаружат не раньше утра, а тогда уже будет слишком поздно. Все было продумано. На кровати осталось упакованное в желтоватый конверт письмо, в котором она подробно объясняла причины своего исчезновения. Эбби не собиралась пропадать без вести, как брат.

Со вздохом Абигейл присела на единственную, пыльную скамейку неподалеку от кованого фонаря с часами, а чемодан поставила рядом.

Высокой стеной впереди возвышался древний лес — клочок, нетронутый лесозаготовочными предприятиями. Тьма в нем, казалось, была непроницаемой, и Эбби, находясь рядом с такой громадиной, поежилась, чувствуя себя неудобно. Легко можно было бы представить, как кто-то наблюдает за ней из-за листвы или вот-вот собирается напасть.

Но Абигейл не хотела даже думать о том, что ей может угрожать опасность. Разумные мысли застилали воспоминания о тех счастливых детских годах, когда они с Демианом были вместе. Никто другой не понимал ее так хорошо, как брат. Ему она могла доверить все свои мысли и страхи, и знала, что он-то уже точно ее поймет. Они родились с разницей в несколько минут двадцать лет назад, и с тех пор были неразлучны. С его исчезновением она потеряла половинку себя и сейчас рвалась к ней навстречу.

Его письмо, точнее записку, надежно спрятанную в потайном кармашке под корсажем, вместе с геротипом (*фотографией), Абигейл помнила наизусть. «Милая Эбби, не хочу вмешивать тебя в это, но без твоей помощи не обойтись. Найди меня в столице, в старом центре. Остерегайся людей Вестона, они действительно опасны. Обещаю, что объясню все при встрече. Доверяй только нам. Люблю тебя, Демиан».

Текст напечатан на машинке, а потому невозможно было сравнить почерк. Если бы Эбби рассказала о письме гувернантке или отцу, то они бы назвали его подделкой. И, возможно, были бы правы. Но Абигейл сердцем чувствовала, что это не так, и что живой Демиан сейчас где-то один в большом городе ждет ее помощи.

О какой опасности он писал? Эбби знала только одного человека с таким именем — Норманда Вестона. Корпорация «Фабрики и мануфактуры Вестона» была самой известной в стране, и это неудивительно — с легкой руки императора все производство принадлежало ей. Что же могло связывать брата и этого человека?

Прорезавший тишину механический гудок отвлек внимание девушки, и скоро она смогла различить за деревьями свет ламп и рассеивающиеся клубы дыма. Равномерно приближающийся гул означал скорое прибытие поезда, и Абигейл совсем разволновалась. На ум пришли все предостережения, когда-либо звучавшие из уст гувернантки. Эбби впиалась ногтями в ладони, покрывшиеся липким потом.

Что же она делает?! Предаёт все свое воспитание, не иначе. С момента исчезновения брата Рина трудилась не покладая рук, высекая из неформившейся девочки изящную статую строгой, благовоспитанной леди. Обучение было почти окончено. Совсем скоро Эбби планировала выйти замуж за приличного юного джентльмена, живущего по другую сторону озера (она видела его раз или два), и заботиться о своей новой семье.

«Заберу брата, и сразу же обратно», — старалась успокоить себя Эбби. — «Моя репутация не может сильно пострадать из-за какой-то небольшой поездки». Тем более что отец тут же простит ее, как только увидит Демиана.

Руки сами нащупали в сумке надушенный платок и прижали его к лицу — запах гари на платформе становился невыносимым. Абигейл соскочила со скамейки и, подхватив чемодан, поспешно отошла под арку здания, как только увидела приближающийся исполинский паровоз. Это был настоящий монстр из стали, точно сошедший со страниц фантастического романа; он содрогался, ревел и рвался вперед. Массивная четырехгранная решетка, защищавшая носовую часть, острием рассекала воздух подобно тому, как нож разрезает мягкое масло. Эбби же она показалась настоящей скалой, высотой с трехэтажный дом, которая надвигалась на нее с одной единственной целью — раздавить и уничтожить. Разгоняемый поршнями паровой машины, дым стремительно вырывался из трубы где-то наверху, окутывая всю станцию непроглядным облаком. Только по душераздирающему скрежету механизмов и свету прожекторов можно было понять, что он все еще продолжает движение.

Заслышав сигнальный свисток, от которого у Абигейл заложило уши, из своей каморки выбежал смотритель. Он оказался смешным мужичком лет сорока, с усами-щеточкой, и низкого роста; одетый в форменный мундир железных дорог. Панически оглянувшись, он оттолкнул девушку от арки, и выбежал на платформу, размахивая руками. Кажется, он и сам не знал, как поступить с подобной махиной.

Когда поезд остановился, и дым немного рассеялся, Абигейл осторожно выглянула из своего убежища и даже подошла поближе, чтобы его рассмотреть. Тот, кто проектировал паровоз и вагоны, не поспешил на витые медные украшения. На каждом вагоне красовался механический гигант в пламени — герб империи Реган.

«Виктория». Этот поезд являлся дворцом на колесах, предназначенный в основном для высших чинов знати. Были, впрочем, здесь и бедные, не такие красивые вагоны, они плелись в самом конце.

Два этажа высоких окон занавешивались пурпурными занавесками из дорогого бархата. За некоторыми из них различалось пестрое движение внутри вагона; из других выглядывали, и с любопытством смотрели на Абигейл ухоженные лица богачей. Эбби неуверенно улыбнулась им в ответ, и вдруг получила легкий толчок в предплечье.

— Ваш билет, барышня! До утра тут стоять собралось? Поезд отходит через несколько минут!

— набросился на нее смотритель, который, как оказалось, стоял рядом и ждал.

— Простите, он был где-то здесь, — спохватилась Абигейл, извлекая из сумки помятую бумагу. — Вот, пожалуйста.

— Ну, наконец-то. Дочь Бена Шерри, хм? — с подозрением спросил мужчина, рассматривая билет с помощью треснутого пенсне. — Одна, без провожатого?

— Моя тетьа с мужем едут в этом же поезде, — соврала Эбби, с легким усилием забирая билет. Смотритель пожал плечами, делая вид, что его это не касается.

— Ваш вагон второй с конца. Счастливого пути.

Абигейл натянуто улыбнулась и бросила взгляд вдоль состава, туда, где тянулась казавшаяся бесконечной вереница вагонов. Конечно, он ей не поверил. Даже не зная этого мужчину, она предполагала, что он пожалуется ее отцу еще до рассвета. Путешествие незамужней девушки в

одинокку считалось преступлением чуть страшнее, чем убийство. Особенно для ценящих вековые традиции жителей Лан–Лаин.

То, что смотритель узнал ее, немного портило продуманный план, но Абигейл запретила себе думать об этом. Подумаешь, об исчезновении дочери ученого станет известно на пару часов раньше. Но впредь стоит быть осторожной и не допускать таких ошибок.

Чтобы добраться до нужного вагона, Эбби пришлось спуститься с платформы и продолжить путь по пыльной земле — скромная сельская станция была неспособна вместить столичный поезд. Путаясь в юбке, Абигейл шла быстрыми шагами, и чемодан, который еще несколько минут назад не казался ей тяжелым, больно бил по коленкам.

Кондуктор, должно быть, был предупрежден о пассажире на этой станции. Стоило Абигейл поравняться вагоном №21, как дверь с круглым окном приветливо распахнулась. Эбби неуклюже забралась внутрь по высоким кованым ступеням и поблагодарила молодого человека в форме, который помог поднять чемодан. Кондуктор оказался лопухим юношей, несколько старше ее. Окинув новую пассажирку удивленным взглядом, он попросил еще раз показать билет, чтобы прокомпостировать его.

— Время в пути составит семь дней и пять часов, — волнуясь, сообщил он. Отчего–то казалось, что ему важно было понравиться собеседнице. — Ваше место на нижней лавке, в конце вагона. Если вам что–нибудь будет нужно, обращайтесь ко мне лично.

— Благодарю, — сказала Эбби, и, кое–как протиснувшись мимо, пошла по узкому коридору. Кондуктор захлопнул дверь за ее спиной, и в ту секунду Абигейл поняла, что отныне отрезана от привычного ей мира. На целую неделю, а может быть и дольше.

Казалось, что колокол зазвонил где–то очень далеко, хотя и находился не больше чем в четверти мили отсюда, на станции. Можно было представить себе пухлого смотрителя, подпрыгивающего, чтобы дотянуться до шнурка. Его взволнованный, усиленный механическим рупором голос звучал приглушенно:

— Поезд на Кору отправляется от станции Лан–Лаин! Поезд на Кору отправляется!..

Отозвавшись на голос мужчины, заработали паровые машины «Виктории», и поезд покачулся, начав свое неспешное движение вперед, постепенно разгоняясь. Абигейл прикинула к мутному стеклу, наблюдая, как мимо проносится железнодорожная станция, унося с собой смешного смотрителя и огни родной деревни.

Вот и все. Обратного пути нет. Не разрешая жалеть о своем поступке, Эбби приказала себе сосредоточиться на цели. Уже совсем скоро она будет рядом с братом.

— Помочь вам найти свое место, мадемуазель? — раздался у нее за спиной смущенный голос юного кондуктора. Эбби сообразила, что слишком задержалась в тамбуре — уже давно следовало зайти в вагон. Она поспешно поблагодарила юношу и толкнула следующую дверь. Для таких невероятных поездных составов, как «Виктория», деление на традиционные три класса вагонов было расширено, и разница между богатыми и бедными еще никогда не бросалась в глаза так сильно. Добавленный четвертый класс представлял собой скопление различного сброда — рабочие и шахтеры, мастеровые и крестьяне. Словом, все, кто располагал месячным заработком в тридцать медяков, чтобы иметь возможность скопить денег на билет. Вагон для подобных людей был им под стать — темный, грязный и плохо отапливаемый. Освещался он дешевыми лампами накаливания, которые были так слабы, что их даже не гасили на ночь.

Первое, что поразило Абигейл — это количество собравшихся людей. В детстве она однажды путешествовала с родителями на поезде в вагоне–купе, и в этот раз ожидала увидеть нечто подобное. Но вагон для бедняков назывался салоном, хотя больше походил на дешевую ночлежку. Грубо сколоченные из необработанного дерева лавки нагромождались друг над другом на четыре этажа вверх, по обе стороны узкого прохода. Подняться на верхние лавки можно было по приставным деревянным лестницам, а забравшись, пассажир мог принять только горизонтальное положение, поскольку расстояние между полками не позволяло даже сесть.

Но хуже всего был запах, исходящий от месяцами немых тел и нестиранной одежды. Пассажиры не стесняясь курили вонючие самокрутки, то и дело отхлебывали спиртосодержащую жидкость из своих фляг и бутылей. Были, впрочем, здесь не только мужчины. Женщины вели себя приличнее, но и они не отличались опрятностью и манерами.

Эбби смущенно опускала взгляд, добираясь по проходу до своего места. Ей казалось невежливым рассматривать попутчиков, хотя те глазели на нее во всю. Нечасто можно было встретить воспитанную леди в подобном месте, да еще и без сопровождения.

— Вагоны первого класса дальше, милочка! — бросил ей в спину какой-то рабочий и расхохотался «удачной» шутке. Некоторые с удовольствием поддержали его, но большинство не осмеливались дразнить аристократку. От страха Абигейл вся сжалась, мечтая превратиться в невидимку. А когда она, наконец, нашла свое место, то обнаружила, что его уже заняли. Это была необъятных размеров женщина в платье болотного цвета. Она свалила на чужую полку свои свертки и ящики, а сама, развалившись напротив, смачно поглощала огромный сэндвич.

Абигейл остановилась рядом с ней и попросила освободить место. Женщина, с возмущением посмотрев на прибывшую, отложила поздний ужин в сторону.

— Разделась тут, понимаешь ли, — едва слышно проворчала она. — Шмотки да цацки, экая невидаль. Раскомандовалась, мамзель!..

Поджав губы, Эбби наблюдала, как дама, кряхтя, перекладывает свои пожитки. Свертки на ее полке образовали целую пирамиду, оставив совсем немного места для самой пассажирки, но Абигейл не испытала жалости. Нечего было грубить!

«Ночь посплю, и останется всего шесть дней», — ободряюще улыбнулась она себе, и присела на освободившуюся лавку. Эбби сняла отцовский цилиндр и достала из чемодана мягкую шаль. Подложив ее под голову, прислонилась к холодному окну. За запотевшим стеклом проносились темные силуэты деревьев и одиноких домов, унося ее за собой в неизвестность.

Утро началось с боли. Поясница и ребра так сильно ныли, что Абигейл не сразу поняла причину. Она еще ни разу не спала в корсете. Нужно было сообразить, и с вечера расслабить шнуровку. Но кто же знал, что так будет? Эбби кое-как дотянулась до узелка под лопатками, и, развязав его, немного вытянула шнурки. С наслаждением вздохнув полной грудью, Эбби обнаружила один плюс быть простолюдинкой — не нужно мучить себя, соблюдая моду. Вагон тем временем просыпался. Завозилась компания молодых рабочих, собиравшиеся выходить на следующей станции. Мамаши успокаивали своих непосед и разворачивали свертки с завтраками. Мужчины запаливали трубки и просили кондуктора достать им свежих газет, когда поезд остановится. В преддверии большого города все суегились и делились впечатлениями с теми, кто готов был слушать:

— Ах, это же Аран, столица золотых дел мастеров, вы слышали? Они изготавливают тончайшее драгоценное кружево для богачей...

— Здесь пекут такие медовые пряники! Как сейчас помню...

— В Аране недавно останавливался сам император, можете себе представить?

— Да вы что? А мы-то считали, что император наглухо заперся в своем Горном замке!

— А сколько будет остановка? Хочу успеть посмотреть на знаменитых ручных лисиц!

На обороте своего билета обнаружилось расписание всех станций, и таких больших городов ожидалось не меньше десятка. Интересно, надолго ли хватит энтузиазма попутчиков? После ночи на неудобной скамье, Абигейл находила поездку слишком утомительной.

Город оказался низким и вытянутым вдоль берега быстрой реки. Белокаменные здания сверкали золотыми куполами на множестве башен. Аранский вокзал выглядел многолюдным и сильно задымленным. Эбби не рискнула выходить, оставив свои вещи без присмотра.

Половина вагона высыпала на платформу и дышать стало свободнее. Воспользовавшись перерывом и отсутствием суровой дамы напротив, Абигейл решила подкрепиться. Она достала из чемодана завернутые в платок припасы — хлеб, твердый сыр, несколько яблок и объемную флягу с водой — немного, что смогла стянуть из кухни после ужина.

Не успела Эбби проглотить и кусочка, как на место дамы присел вернувшийся в вагон сморщенный старичок, со свернутой утренней газетой в руках. Он был одет просто, но чисто, и от него не несло потом и табаком, как от остальных.

— Вы не больно стесняйтесь меня, мадемузель, я вам не помешаю, — мирно сообщил он и уткнулся в чтение. Абигейл отметила, что выговор у него очень уж неплохой. Может быть, в молодости он работал слугой? Но спросить было неловко.

Жуя яблоко, Эбби заметила крупный заголовок первой полосы: «ПРИНЦ ПРИБЫВАЕТ В СТОЛИЦУ» и шрифтом поменьше: «Александр требует аудиенции у отца». Как интригующе! Принц жил в соседней республике с тех самых пор, как сильно пострадал во время восстания

рабочих здесь, в Регане. Абигейл и Демиану было два года, когда это произошло, и, к счастью, волнения никак не затронули тихую деревню Лан-Лаин.

— Это ни к чему не приведет, — негромко заметила Эбби, прежде чем поняла, что собирается сказать это вслух. Старичок поднял на нее непонимающий взгляд.

— Простите, я имела в виду принца Александра. К императору его не пустят, никого не пускают, — объяснила Абигейл, немного посмелев. — Мой отец часто поднимает эту тему в дискуссиях со своими друзьями.

— Император не всегда был таким затворником, моя дорогая, — в морщинистых глазах собеседника угадывалось веселье. — Я помню годы, когда он свободно общался с народом и был рад помочь каждому. Давно это было... Если хотите, я дам вам прочитать статью.

— Если вас не затруднит, — скромно кивнула Эбби, запрокинув за ухо выпавший из прически светлый локон. Старик протянул ей нужный разворот, и, убрав огрызок, Абигейл принялась за чтение. Ее страшно интересовало все, что касалось императорской семьи. Хотя нет. Политика всегда интересовала Демиана. А он умел увлечь сестру.

Никто не знал, почему император прятался ото всех последние двадцать лет, отдавая распоряжения через ближайших помощников. Подданные могли видеть его только несколько раз в год, по крупным праздникам, в экранах своих проекционных (*прибор, напоминающий примитивный механический телевизор).

В статье сообщалось, что принц с трудом преодолел пограничные врата (империя Реган неохотно принимала гостей из соседних стран), и находится на пути в столицу. У Эбби радостно загорелись глаза — а что, если он сейчас едет в том же поезде, что и она? Вот бы пробраться в богатые вагоны и посмотреть на принца, хотя бы пару секунд! Ходили слухи, что он, в свои тридцать с лишним лет, был очень красив, но вместе с тем и уродлив — левую руку ему отняли, и заменили на механическую.

«В своей поездке принц берет на себя нелегкую задачу — убедить императора Леопольда III в том, что промышленные выбросы представляют собой серьезную угрозу жителям не только империи Реган, но и всей планеты.

Представитель корпорации «Фабрики и мануфактуры Вестона» заверяет наших уважаемых читателей в том, что для беспокойства нет никакого повода — производство в высшей степени безопасно, и являет собой лишь благо для современного общества.

Республика Градара, в которой проживает принц, с давних пор известна своими еретическими взглядами на промышленную революцию...» Абигейл прервала чтение — в этот момент полная дама вернулась в вагон и заслонила ей свет от окна.

— Что, Питер, ума набираешься, а? — ехидно поинтересовалась она у старика, присаживаясь на пустую скамью одного из трех малолетних сыновей, едущих с ней. — Ну-ка ответь мне, что про погоду пишут? Долго ли нам терпеть еще этот угар в воздухе? На этом вокзале не продохнуть, там все вокруг коптит!

— Наш отец-наставник говаривает, что смог над городами — есть результат греховности людей. Уделяйте больше внимания Святейшему Кодексу, и меньше дурным мыслям, вот и будет вам ясное небо над головой! — раздался сварливый женский голос откуда-то с верхних полок.

— Много он понимает, ваш отец-наставник! — фыркнула дама и принялась подзывать разновозрастных мальчуганов, точно насадка. — Уилли, Корин! Ну-ка зови этого Руди сюда! Неча слоняться по вагону!

Абигейл откинулась на спинку скамьи, понемногу наблюдая за пассажирами. С рождения она привыкла к достатку, насколько это возможно для дочери ученого, и ей было интересно посмотреть на жизнь представителей иных, более низких профессий.

Так неспешно тянулся день. За этой станцией следовали другие, и одни попутчики сменялись новыми. За окном зарядил сильный дождь, и было сложно разглядеть что-то кроме сплошного потока капель и ручейков, стекающих по грязному стеклу.

Разговоры на тему политики, смога и религии не утихали, иногда перерастая в ожесточенные споры. Здесь Эбби узнала то, чего не могла слышать в своей отдаленной от мира деревне.

Столичные жители, неведь как оказавшиеся в этом вагоне, сетовали на то, что со всей страны в Кору стекается деревенщина, надеясь спастись от разрухи в провинциях. В это нелегкое время обрел особенную власть священник Гион. На своих проповедях в столице он собирал тысячи человек, и его учение, «О спасении», становилось все более популярным.

«А ведь он в чем-то и прав», — подумалось Абигейл. В тяжелые времена люди всегда находили утешение в религии, а сейчас время было не просто тяжелым — оно было катастрофическим. Крестьяне рассказывали о том, как всюду гибнет урожай и домашний скот, господские слуги — о том, что в лесах почти не осталось зверья для охоты, а рабочие — о кожной болезни, поразившей города и деревни. И последнее казалось самым страшным, ведь Эбби лично была тому свидетелем.

Она с содроганием вспоминала кожные опухоли, возникшие на шее ее матери чуть больше года назад. Болезнь прогрессировала быстро, и скоро у Элизабет, женщины с прекрасными медово-золотистыми волосами, шея раздулась в два-три раза. Наросты стремительно росли и превращались в гниющие язвы. Никто из врачей не мог ничего поделать...

Абигейл приложила руку к груди, туда, где можно было прощупать письмо от брата. Дорогой Демиан, сколько же плохих новостей будет ждать тебя по возвращению!.. Больно прикусив губу, Эбби взяла в руки отцовский цилиндр, чтобы хоть чем-то отвлечь себя от ужасных воспоминаний.

Потертая коричневая кожа, украшенная темной лентой и фальш-шнуровкой, напоминала ей об уютном кирпичном доме под холмом, и об отце, вечно что-то мастеровившем.

Воспоминание о смерти матери преследовало ее даже здесь, в этом вагоне. Отходя в общую уборную, Абигейл заметила еще несколько человек с такими же признаками начинающейся кожной болезни. И ведь даже отец, кандидат многих сложных наук, не мог предположить причины ее возникновения. Народ винил во всем корпорацию Вестона, и теперь Эбби знала, за что не любят этого человека. Дым, окутавший страну, беспокоил всех. Империя Реган была огромной черной тучей, зависшей над планетой.

К вечеру дама с детьми и милый старичок Питер покинули поезд на пригородной станции, и Эбби стало немного одиноко — она успела привыкнуть к этим незнакомым людям. Их места заняли молодые унтер-офицеры, возвращавшиеся в Кору на службу. Абигейл уже слышала о том, что правительство увеличивает количество военных в городе, раздаривая низшие офицерские звания в провинциях. За счет деревень жителей в столице становилось больше, и преступность только росла.

Среди всех этих слухов Эбби не терпелось увидеть Кору своими глазами. Она была почти уверена, что на деле все не так уж и плохо.

— Как такая красивая девушка оказалась в такой сточной канаве, как эта? — вдруг спросил ее один из офицеров — явно южанин, со смуглой кожей и характерным носом с горбинкой.

— А как такие блистательные офицеры оказались здесь? — парировала Абигейл, расправляя рюши на простенькой юбке коричневого цвета. Она внезапно осознала, что сидит перед молодыми людьми в распушенном корсете, и ей стало неловко. Хотя она своими глазами видела, что большинство дам в этом вагоне корсетов не носили вообще.

— Командование не очень-то любит раскошелиться, — усмехнулся офицер и пихнул в бок соседа. — Так ведь, Майкл?

Его сосед смерил Эбби откровенным взглядом и хмыкнул себе под нос, под которым только начал пробиваться пушок пшеничного цвета. Кожа у Майкла была светлее, чем у его друга, и это его не красило — все лицо было усыпано розоватыми прыщами.

Южанин снял с пояса массивную флягу и быстро отпил. До девушки донесся запах спирта. Она поморщилась: дамочка с детьми внезапно показалась ей идеальным попутчиком.

Офицеры принялись выпивать, выкрикивая громкие тосты и хохоча, то и дело отпуская пошлые шуточки. Другие пассажиры неодобрительно качали головами, но не хотели связываться с бунтарями.

— Выпьем за знакомство, мадемуазель! — скомандовал южанин и начал впихивать в руки девушки пропитанную спиртом флягу. — Как ваше имя, красавица? Пейте же, пейте скорее!

— Мое имя — не ваше дело, — упираясь, выпалила Абигейл, ее голубые глаза при этом гневно сверкнули. Вышло немного грубее, чем она рассчитывала. Рина всегда советовала ей быть сдержаннее в конфликтных ситуациях. — И я не пью, благодарю. Уберите это, прошу вас.

— Ну-ну, нечего строить из себя леди, — рассмеялся Майкл. Его лицо вдруг перекосила злобная усмешка.

Эбби стало страшно.

Глава 2. Опасные знакомства

Офицеры продолжали настаивать, с каждой секундой становясь все более агрессивными.

— Прочь от меня, — выдавила Абигейл испуганным голосом, и с усилием оттолкнула руку южанина. Рина, ну где же ты, со своими наставлениями?! — Вас выставят отсюда за недостойное поведение! Я позабочусь об этом!

По телу пробежала гневная дрожь. Как могли они приставать к леди, словно к распутной девке? Как могли заставлять ее пить это мерзкое пойло?

Ей хотелось влепить офицеру пощечину. Прокричать о том, что она настоящая аристократка! О том, что любой мужчина в деревне не раздумывая застрелил бы каждого, за домогательство к дочери уважаемого Бена Шерри! Но разве леди так поступают? Они ждут защитника, готового вступить словами или вызвать на дуэль.

А что, если помощь не придет?.. Прав был Демиан: Рине следовало учить воспитанницу самообороне, а не танцам. Тогда Абигейл знала бы, как правильно ответить, пресечь угрозы на корню.

— Ну же, «леди», не набивайте себе цену! — раздалось под новый взрыв хохота.

Момент — и все стало ясно. В вагоне Д-класса Эбби слилась с основной массой, став лишь очередной крестьянкой. Хорошая одежда сделалась дурным клеймом, вызывая двусмысленные предположения. Как можно было не заметить взгляды людей, бросаемые на нее исподтишка! Подумать только, за кого они ее принимали!..

— Замолчите! — выкрикнула Абигейл. — Вы не представляете, кто мой отец!

— У-у-у, как страшно, — язвительно протянул незнакомый парень в форме, подходя. Жесткие черты его лица криво исказились, когда он пытался улыбаться. — Хороший спектакль ты разыграла, «мадемуазель». Незачем так нервничать. Выпей, прошу тебя.

Незнакомец сильно пошатывался, и даже ухватился за вторую полку, чтобы не упасть. «Да они же пьяны до умопомрачения!», — с ужасом осознала Эбби и еще больше вжалась в угол около окна. Что еще можно было ждать от таких людей, она не представляла, да и не хотела представлять.

Новый офицер выглядел опрятнее остальных. В его плохо скоординированных движениях проявлялось что-то манерное. Поправив зачесанные русые волосы, он забрал у своих друзей флягу со спиртным и медленно поднес ее к губам девушки. Абигейл чувствовала тошнотворный, проникающий глубоко в нос, запах выпивки, понимая: пора действовать. И плевать, что она леди!

— Ну же, красавица, тебе нечего бояться! Открой-ка ротик!..

Лишь однажды, в детстве, ей приходилось защищаться. Это произошло у старой приозерной ивы, недалеко от дома. Деревенские мальчишки оборвали ее любимые веревочные качели, и семилетняя Абигейл была вынуждена дать отпор. Демиан, подоспевший слишком поздно, обнаружил, что хулиганы разбегаются в панике. Помогая обрабатывать разбитую губу и ссадины на пальцах, брат был восхищен, а Рина без конца возмущалась, что леди так себя не ведут. Эбби усвоила оба урока.

С воинственным возгласом она выбила из рук офицера флягу. Та описала в воздухе узкую дугу, окатив спиртным лицо незнакомца, новенький мундир южанина, и атласную юбку девушки. Не дожидаясь, пока нападавшие осознают произошедшее, Абигейл подхватила цилиндр, наугад ударила вперед чемоданом, расчищая себе путь к отступлению, и побежала по проходу.

Взвыв от боли, южанин успел ухватить ее за воротник блузы. Абигейл рванулась вперед, что есть силы, и услышала треск разрываемой ткани. Две медные пуговицы с легким звоном покатались по полу. Поезд в этот момент сильно качнуло, и офицер, не удержав равновесие, рухнул на друга, увлекая его за собой. Не замечая ничего, Эбби бросилась в начало вагона.

Ругань и возня на полу позади подарили Абигейл несколько драгоценных минут.

Кринолин мешал двигаться быстро, цепляясь за полки и вещи пассажиров. Бедняки провожали полуодетую беглянку недоуменным взглядом, но Эбби было все равно. Сердце от страха билось так сильно, что, казалось, приглушало даже стук колес. Абигейл видела только одно спасение впереди — укрыться в купе у кондуктора. Он был так мил с ней вчера, конечно же, он поможет!

Боясь обернуться и обнаружить погоню, Абигейл налетела на железную дверь, ведущую из вагона, и принялась судорожно дергать тугую ручку. Руки сильно дрожали и дверь никак не хотела поддаваться.

— Ну же, открывайся... Пожалуйста, пожалуйста, — едва слышно всхлипывала Эбби, понимая, что от ее секундной храбрости остались жалкие обрывки. С правой стороны на нее надвинулась огромная тень. Абигейл подняла на нее заплаканные глаза.

— От кого-то бежишь, крошка? — пробасила тень, оказавшаяся смуглым верзилом в рабочей одежде. Огромной рукой он мягко отстранил ее в сторону и перегородил проход, давая понять, что без объяснений дальше ее не пропустит.

— Ну же, что-то стряслось? — повторил он, глядя с беспокойством. Нашелся же сочувствующий, и как вовремя! Ощущая исходящий от него уже знакомый сильный запах спиртного, Абигейл испуганно замотала головой и быстро оглянулась в конец вагона — офицеры приближались. Что же делать? Этот тип не даст ей пройти!

— Помогите, прошу вас, — прошептала Эбби, понимая, что другого выбора не осталось.

— Эти что ли тебя так расстроили? — недоуменно вытаращил глаза верзила. Мужчина был три раза крупнее любого из ее обидчиков, его макушка почти касалась третьей полки. Кажется, он искренне не понимал, как такие мелкие парни могли кому-то досадить. Но незнакомец был пьян, и его так и распирало от желания ввязаться в какую-нибудь драку. Он усадил Абигейл на свою полку у окна и решительно заслонил ее широкой, как стена крепости, спиной.

— Что за черт, ты, деревенщина?! — в ту же секунду налетел на него южанин. — Эта девка торговала собой в людном вагоне и испортила мой новый мундир! Ну-ка с дороги!

Абигейл, забравшись на лавку с ногами, вжалась в угол, торопливо пытаясь стянуть и завязать шнурки корсета. Если ей придется отбиваться, то уж точно не полуголой. Неожиданная помощь незнакомца не только спасла ей жизнь, но и придала решимости.

— Продажная девка? Кто, эта, белобрыся?! Она с самого начала показалась мне подозрительной! — возмутился женский голос. Абигейл была уверена, что не слышала его раньше. — Наверняка еще и воровка! Пускают же таких, только раздражать честной народ!

— Нужно сдать ее полиции, пусть сами разбираются! — закричал какой-то старик. Эбби вскрикнула и чудом уклонилась от пустой бутылки, едва не угодившей ей в висок. Верзила только успевал раздавать тумачи и отталкивать возмущенных бедняков, которых становилось все больше.

— Зачем нам полиция?! Мы сами не сможем с ней разобраться, что ли? — перекрикивая шум, веселился офицер по имени Майкл. Абигейл со злостью отбивалась от тянущихся к ней рук дорожным чемоданом.

— Полезай наверх, живо! — скомандовал верзила, стягивая за ногу спящего на третьей полке тощего мужика. Эбби кивнула и, оттолкнувшись, прыгнула на лестницу, раскачивающуюся от напора толпы. Как же быстро распространилась по вагону весть о ловле «продажной девки»! Стоило Абигейл перевалиться через низкий бортик уже пустой верхней полки, как лестницу вырвали из крепления и отбросили куда-то в сторону. Эбби посмотрела вниз — в случае чего падать было слишком высоко. Но и достать ее здесь будет непросто!

На помощь верзиле пришли несколько человек. В ход вместо оружия шли пустые бутылки или острые осколки, узловатые трости, ржавые ножи и крышки от консервных банок.

Оскорбленные в лучших чувствах бедняки наступали, отесняя защищавшихся ближе к окну.

Лязгнула и открылась железная дверь в вагон — оттуда на секунду показалась лопухая голова кондуктора. Он торопливо осматривался, когда его взгляд пересекся с затравленными голубыми глазами Абигейл. Парень охнул и тут же испуганно исчез. Эбби поморщилась — неужели она вправду думала, что он сможет помочь?

Пущенный чьей-то меткой рукой камень угодил в лицо Абигейл, и проехался по правой скуле. Она поймала его, и пораженно повертев в руках, отправила обратно. Откуда здесь взялся камень?! Зачем он вообще понадобился кому-то в поезде?

Ушибленная щека сильно саднила и Эбби надеялась, что на ней не останется синяка. Если она здесь выживет, конечно.

Нападавших становилось слишком много. Некоторые карабкались друг другу на плечи, и подтягивалась вверх, собираясь достать до нее. Верзила не всегда успевал прийти на помощь, и Эбби стащила с ноги высокий сапог, чтобы отбиваться трехдюймовым каблуком.

— Скинем с поезда эту блудницу! — кричали в толпе. — Спускайте ее живой, ребята! Проучим ее! Отнимем себе все драгоценности!

Какая-то старуха, дотянувшись, ухватила ее за подол юбки и принялась тянуть вниз. Абигейл крепко сжала руками медную трубу, на которую крепились полки. Стоило только отцепиться — и обезумевшие люди разорвали бы ее на части. Пальцы скользили по гладкому металлу и ныли от боли в суставах. Еще немного, они разожмутся, и не видать встречи с братом.

Абигейл взревела от бессильной ярости, и не глядя пинала нападавших обутой ногой. Юбка трещала по швам.

Вдруг, что-то произошло. Паровая машина, до этого работающая бесперебойно, остановилась. Оглушенные непривычной тишиной бедняки притихли на секунду. Раздался душераздирающий скрежет колес, экстренно тормозящих по старым рельсам. Поезд прекратил движение так внезапно, что немногие удержались на ногах. Абигейл по инерции откинуло в сторону, и она повисла на медном столбе, оставив в руке у старухи шмоток кружев с юбки. Никто не понял, что случилось. Бедняки потирали ушибленные места и медленно поднимались на ноги, постанывая и кряхтя.

Эбби, про которую на мгновение забыли, с трудом подтянулась и вкарабкалась обратно. Руки бессильно опустились на изорванное платье.

Дальняя дверь вагона распахнулась, с грохотом ударившись в полки по левой стороне. Топот десятков ног возвестил о приходе новых гостей. Завидев их, бедняки бросилась в рассыпную, стремясь занять свои места и принять непринужденный вид. С замершим сердцем Эбби увидела появившихся полицейских, и поняла — все закончилось!

Мужчины в изумрудной форме только и делали, что успевали вылавливать участвовавших в драке и уводить их из вагона. Один из полицейских что-то крикнул юноше-кондуктору, и услышал его взволнованный ответ. Абигейл бережно достали из ее ненадежного укрытия и опустили на пол.

— Вы в порядке, мадемуазель? Вам нужна медицинская помощь? — спросили ее. Эбби покачала головой. Машинально подхватив потерянный в битве сапог, она позволила провести себя в купе кондуктора, мимо горевших ненавистью глаз нападавших. Вступившийся за нее здоровяк куда-то пропал, и Абигейл даже не успела сказать ему спасибо. Сейчас в голове пульсировала лишь одна мысль — «Спасена». Спасена из этого кошмара.

В купе ее встретил уже знакомый кондуктор. Эбби вдруг поняла, почему остановился поезд, и кого стоит благодарить за внезапное спасение.

Парень смущенно улыбнулся и накинул на плечи Абигейл мягкий плед, чтобы она могла прикрыть порванную одежду. Зашедший следом полицейский поставил на пол багаж девушки, водрузив на него отцовский цилиндр, хмуро кивнул и скрылся.

— Прошу простить меня, мадемуазель, — выдавил кондуктор. — Вы присаживайтесь.

Признаться, я тоже перетрухнул малость, мог бы и быстрее стоп-кран нажать, да вот сообщение машинисту нужно было переправить... Чтобы полицию прислали из служебного вагона... А проклятую связь всегда заедает. Садитесь, пожалуйста. Теперь вы в безопасности. Абигейл плотнее запахнулась в темный плед, закрывая порванный наряд, и оглядела небольшое купе. Оно рассчитывалось на четырех человек и было обставлено куда лучше салона для бедняков. Кроме застеленных кроватей здесь размещались два зеленых кресла вокруг миниатюрного стола, стены освещали газовые лампы, а холодный пол был украшен пестрым ковром.

Опустившись в одно из кресел, Эбби запоздало поблагодарила кондуктора. Мысли в голове путались — она не знала, что ей делать дальше. Продуманный план путешествия был почти сорван. Обрато в вагон уже не вернуться. Не ехать же теперь весь путь в чужом купе?

На столе перед ней появился медный заварочный чайник, сахарница и кружка. Взглядом спрашивая дозволения, юноша плеснул ей горячего напитка и добавил два кусочка сахара, размешав его изящной ложкой.

— Вы ведь слышали, как они меня называли? — с показным безразличием спросила Абигейл, наблюдая, как кондуктор присаживается рядом.

— Да, мадемуазель, — серьезно кивнул парень.

— Зачем же вы меня спасли? — поинтересовалась Эбби. За сегодняшний день она достаточно насмотрелась на «добрых» людей.

— Вот ведь рвань, а не пассажиры, — поморщился юноша, тряхнув вьющимися волосами. — Да потому что вы знатная, мадемуазель! Только дурак может в это не поверить! Вы не сильно вините их, хоть они и скоты. Такие люди в жизни не сидели рядом с аристократами. Увидели, что вы хорошо одеты, да и без охраны, и набросились. Чего еще от них ждать? Пейте чай, он не отравленный, клянусь вам.

Ослабевшими руками Абигейл ухватила за кружку и с осторожностью позволила себе откинуться на мягкую спинку кресла. Она все еще не могла поверить в то, что оказалось в безопасности.

— Ну и наделали вы там шума, мадемуазель! — воскликнула появившаяся на пороге купе пухлая женщина в форме кондуктора. — Весь поезд на уши поставили! Не мне вас осуждать, но кто ж из хороших семей покупает билет в Д-класс? Хоть бы додумались одеться попроще, что ли! Так нет ведь, небось лучший наряд свой напялили!

Голос ее звучал осуждающе, но вместе с тем добродушно. Не опасаясь гнева аристократки, она отчитывала Абигейл так, словно уже много лет была ее нянькой.

— Простите, мое финансовое положение сейчас не в лучшей ситуации, — виновато улыбнулась Эбби и, стараясь не выдать волнения, спешно вспомнила заготовленную историю: — Мачеха после смерти отца отняла дом и все, что нам принадлежало, а меня выгнала. Я еду в столицу, найти приют у брата.

— Ну и дела... — растерянно протянула женщина, спихивая парня с кресла и занимая его место. — Ничего-ничего... Как вас зовут-то, мадемуазель?

— Мари Норуа, — представилась Абигейл.

Имя принадлежало героине малоизвестного любовного романа. Еще в Лан-Лаин было решено, что во время путешествия она никому не раскроет свою настоящую личность. Не для того, чтобы отец не нашел ее, а для того, чтобы не навлечь неприятности на семью и репутацию. Неприятности, как Эбби убедилась, в дороге найти проще простого.

— Что ж, мадемуазель, меня можете звать Кларой, — сказала женщина и махнула рукой на юношу: — Этот балбес — племянник мой, Арни. Да не стой ты, закрой дверь! Не видишь, леди никак в себя не придет?

Но Арни не успел исполнить приказ — в дверном проеме появился начальник полиции.

— Все нарушители спокойствия выпровожены из поезда, мадам, — не обращая внимания на Абигейл, отчитался мужчина кондукторше — видимо она здесь была главной. — Состав тронется с минуты на минуту.

Дождавшись, когда юноша закроет дверь, женщина расстроено покачала головой.

— Задержка не меньше пятнадцати минут, — вздохнула она. — Ума не приложу, как будем нагонять. Так никакого угля не хватит — гнать-то придется всюю!

Арни покивал головой и что-то ответил, но Абигейл думала о своем. Нарушителей выкинули из поезда, и Эбби чувствовала настоящее злорадство. Отличное наказание для тех, кто пристаёт к невинным девушкам. Хотела бы она посмотреть, как гордые офицеры будут добираться до города по размытым в зыбкую топь дорогам.

Поезд тронулся, и все будто бы стало по-прежнему. Никто из кондукторов не упоминал о том, где Абигейл теперь должна спать, а между тем, был уже поздний вечер, и за окном стояла непроглядная тьма. Кажется, они и сами не знали, что с ней теперь делать. Таких ситуаций раньше не случалось.

В конце концов, успокоившись, Абигейл задремала прямо в кресле, надеясь проснуться завтра, с первыми лучами солнца. Но разбудило ее нечто другое.

Удивленно открыв заспанные глаза, она услышала взволнованные голоса рядом с купе. Клара стояла у приоткрытой двери и с кем-то разговаривала. Кажется, там столпилось несколько человек, и все они хотели что-то узнать.

Эбби приподнялась и оперлась о подлокотник. Арни в купе не было. Из-за спины кондукторши выглядывали, и рассматривали ее, два или три человека, облаченные в ливреи разных цветов и фасонов. Абигейл пересеклась взглядом с мужчиной средних лет, чьи волосы с залысинами уже были тронуты старческой сединой. Он внимательно посмотрел на девушку, на ее растрепанную светлую причёску и рваную одежду, прикрытую пледом, после чего вновь обратился к Кларе.

— Все понял, мадам. Я доложу месье Броуди немедленно, — донеслось до Абигейл. Мужчина в темно-синем костюме слуги поспешил удалиться. Остальные продолжили наседать:

— Но, постойте, неужели ничего нельзя сделать? Месье Льюис должен быть в Викберге ровно в срок! Не можете вы позвонить машинисту? Это просто возмутительно! Чтобы беднота взбунтовалась в «Виктории»! Немыслимо! Моя госпожа так перепугалась, что разлила чай на самое дорогое свое платье! Вы должны были предупредить нас об этой остановке! Полиция прошла по всем вагонам!..

Устав отбиваться, женщина захлопнула дверь, чуть не прищемив пару носов и пальцев, и заперла ее на ключ. Еще некоторое время слуги осаждали купе негромкими ударами, но вскоре, сдавшись, разошлись по своим вагонам.

— Вот к чему все привело, — заметила Клара, присаживаясь рядом с Абигейл. — Мы тут боролись с зачинщиками, а богатые господа не торопясь свой совет устроили. Оно и верно, за стаканом виски спор — лучше идет! Машинист — мудрый хрен, видать связь отключил, чтобы не доставали. Вот и послали своих слуг к нам! Решили услышать историю из первых уст! И с вами поговорить хотели, да я не позволила. Ишь, как возмутились! Не зря говорят, что многие слуги сами себя господами воображают.

— Это все из-за меня... — расстроено протянула Эбби. Она и вправду была готова пожалеть, что села на этот поезд. Но остался бы тогда хоть какой-нибудь шанс на то, чтобы вернуть брата?

— Не воображайте себе особо, мадемуазель, — ворчливо возразила женщина. — Эти притащились бы по любому поводу, а поводов много случается. Ни в каком купе от них не скрыться, стервецы. Сплетен им подавай свежих, да побольше. Поглазеть притащились. Хотите еще чаю? Или можете прилечь поспать. Мне — то все равно не дадут, этой ночью.

Эбби отказалась — она не чувствовала сонливости. Откинув плед, Абигейл посмотрела на часы — подвеску, закрепленную на неправильно зашнурованном корсете. Стрелки указывали на полпервого ночи.

Что ж, здесь нет Рины, наставляющей, когда спать, а когда нет. Эбби ощутила себя удивительно свободной. Страх, испытанный сегодня вечером, немного притупился, и казалось, что все произошло во сне.

Отыскав под креслом сапог, Абигейл надела его и принялась тщательно застегивать все двадцать четыре мелкие пуговицы. Это оказалось непросто, ведь раньше девушку одевала гувернантка.

Сочувственно глядя на мучения пассажирки, Клара предложила помочь, и тут же пожалела о сказанном, потому что Эбби с радостью согласилась. Затем они вместе вынули все шпильки из когда-то красивой прически и расчесали длинные светлые волосы. Женщина перешнуровала корсет и прикрепила булавки на блузу, вместо утерянных пуговиц.

Когда все было сделано, оставалась только юбка — в нескольких местах она разошлась по швам, а подол лишился целой полоски кружев, вырванных злобной старухой.

— Можно и залатать, конечно, — почесав затылок, выдала Клара. — Но тогда мы с вами уж точно не уснем до утра. С другой стороны, не выходить же вам в таком виде в Коре? Там вы снова себе неприятностей можете нахватать!

Не успела Абигейл ответить, как в дверь купе постучали, и настойчиво подергали ручку.

Кондукторша неторопливо подошла и повернула в замке ключ, готовясь отразить очередную атаку недовольных слуг. Снаружи действительно оказался лакей, один из тех, кого Абигейл видела раньше — седой, с залысинами. Но в этот раз он пришел с мирным поручением.

Склонившись в полупоклоне, он протянул Кларе запечатанный, надушенный конверт из белоснежной бумаги.

— Месье Броуди был очень расстроен ситуацией, случившейся с леди, и потому приглашает ее в свой вагон первого класса. Там для нее найдется отдельное купе, где ее никто не потревожит, — произнес он хорошо поставленным голосом. Подходя, и принимая конверт, Абигейл отметила, что он сильно сутулился, а руки и пальцы у слуги казались неестественно длинными. Даже рукава форменной ливреи были ему коротки.

Дорогая бумага с монограммой источала сильный запах мускуса и сандала. Текст приглашения, написанный размашистым почерком, почти в точности повторял слова лакея. Предложение выглядело формальным и неискренним. С чего бы богатому джентльмену беспокоиться о судьбе неизвестной девушки?

Абигейл засомневалась и бросила неуверенный взгляд на Клару. Но та, при всей своей добродушности, оказалась рада выпроводить нежданную гостью из служебного купе. Женщина

выразительно сверкнула глазами, как бы говоря: «Чего ты ждешь? Такой шанс выпадает один раз на миллион!», и, взяв в руки чемодан и цилиндр, решительно протянула их слуге.

— Благодарю вас, но путешествовать в вагоне первого класса очень дорого, — неуверенно выдавила Абигейл. Клара шумно вздохнула, не решаясь читать нравоучения в присутствии другого человека.

— Месье Броуди готов взять все расходы на себя, мадемуазель, и просит вас не волноваться об этом. Девушке вашего круга будет безопаснее путешествовать под присмотром своих, — отчеканил он и сомкнул длинные, тонкие пальцы на ручке чемодана. Абигейл поняла, что решение приняли за нее. Но, может это и к лучшему? Едва ли общество, к которому она привыкла с детства, окажется страшнее, чем толпа бедняков.

Эбби поблагодарила добрую женщину, которая столько сделала для нее, и попросила передать те же слова Арни, когда тот вернется. Клара поторапливала ее. Она не скрывала радости за девушку, у которой все так хорошо устроилось.

По мере того, как вагоны сменялись один за другим, любопытство разгоралось все больше. Кто этот таинственный джентльмен, и почему он захотел ей помочь? Как выглядят самые роскошные вагоны «Виктории»? Что подумают о ней другие аристократы?

Она вновь почувствовала себя стоящей на платформе и ждущей подъезжающий поезд.

Возможно, с этого момента и начнется то самое путешествие, которого она так долго ждала. И никаких неприятностей больше не будет.

Следуя за слугой, она прошла вагоны бедноты, где, после появления полиции никто не осмеливался поднять на нее глаза, и вдруг оказалась в среднем классе. Грубо сколоченные лавки пропали, вместо них появились пухлые кресла и диванчики, и наглухо закрытые двери купе. Сверкающие винтовые лестницы вели на второй этаж. Стены здесь были облицованы дорогим деревом и задрапированы тканью, красного и белого цветов. Вместо дешевых ламп красовались изящные светильники. Хотелось бы посмотреть на пассажиров, которые здесь едут, но, к сожалению, все они уже давно спали.

Эбби сбилась со счета бесконечных вагонов, когда лакей распахнул дверь гостиной первого класса. Сияние трехуровневой хрустальной люстры, опускающейся со второго этажа, ослепляло. Перед Абигейл раскинулся настоящий дворец, который она могла мельком наблюдать с улицы всего день назад.

Бархатные пурпурные занавески заслоняли мир красоты и богатства от разрухи провинций.

Потертые сапожки девушки утопали в мягких коврах, настланных на сияющий паркет из темного дерева. Всюду, словно невпопад, стояли уютные кресла, кушетки, пуфики и диваны нежно-фиалкового оттенка, на кривых, золоченых ножках. Кофейные столики были украшены букетами из живых цветов, таких прекрасных, каких уже давно не видели ни в одной деревне. В углу, на невысоком помосте, располагался настоящий, белоснежный рояль. На сцене могли разместиться не только пианист и певец, но даже целый ансамбль. Если кто-нибудь хотел уединиться от толпы, он мог подняться на балконы второго этажа по блестящей медной лестнице и отдохнуть на диванах наверху.

Без сомнений, днем гостиная пользовалась популярностью среди богатых господ и дам. Но сейчас здесь можно было увидеть лишь троих горничных, торопливо подметающих пыль и протирающих столы. Все указывало на то, что последний гость ушел отдыхать совсем недавно. С легкой завистью Абигейл понимала, насколько отличается ее родной дом, считающийся образцом богатства в деревне, от великолепия, которое можно наблюдать в одном лишь вагоне поезда для высших чинов знати. Она думала, что почувствует себя здесь лучше, чем среди бедноты, но сейчас ей казалось наоборот.

Обстановка выглядела слишком дорогой. Эбби была уверена, что никогда не сможет расплатиться с таинственным благодетелем за оказанную им услугу.

— Мадемуазель, позвольте потревожить вас, но месье Броуди ждет, — мягко напомнил о себе лакей, и Эбби, опустив взгляд, поплелась за ним. Она твердо решила, что сразу же выяснит, для чего понадобилась этому господину.

Вслед за гостиной шла библиотека, которая становилась мужским клубом по вечерам. Она была отгорожена от коридора тонкой стеной и выдвижной дверью, чтобы никто не мог беспокоить мужчин, пока они курят сигары и разговаривают на темы, непонятные прислуге и дамам. В библиотеке уже не было пурпурных драпировок на стенах. Все пространство занимали высокие книжные шкафы и кожаные кресла с массивными подлокотниками.

Далее начинались спальные вагоны. Они прошли еще два, прежде чем остановиться перед выдвинутой дверью купе из красного дерева.

Лакей потянул латунную ручку влево и отпрыгнул в сторону, уступая леди дорогу. Едва ли не дрожа от волнения, Абигейл зашла внутрь. Она оказалась в просторной комнате, обставленной на манер гостиной. У окна, за письменным столом, восседал мужчина, сжимая в руке полупустой бокал виски. «Есть в этом поезде хоть один человек, не употребляющий спиртное?» — с раздражением подумала Эбби. Она никогда не пробовала даже вина, и очень этим гордилась.

Заметив гостью, мужчина поставил бокал на стол, рядом с недокуренной в хрустальной пепельнице сигарой, и встал, чтобы поприветствовать ее. С удивлением Абигейл отметила, что джентльмен симпатичен, и даже красив, в своем идеальном темно-сером сюртуке без украшений, и брюках в тон. Туфли были начищены до зеркального блеска.

Подходя, незнакомец двигался уверенно и немного лениво. Он не поправлял аккуратно постриженных черных волос, не прикасался к гладко выбритому подбородку — он точно знал, какое впечатление производит. Его темно-карие глаза внимательно смотрели на девушку.

Абигейл присела в скромном реверансе, мысленно благодаря Рину, заставлявшую повторять привычные элементы этикета снова и снова. Наконец — то, есть где их продемонстрировать!

Приблизившись, она предположила, что мужчине должно было быть около сорока, но сидящим старцем, как его слуга, он не выглядел.

— Долго же вы добирались до меня, мадемуазель, — произнес джентльмен мягким, бархатным голосом. — Орсону пришлось вас уговаривать?

— Нет, что вы, сэ, — Эбби улыбнулась уголками губ. — Я была рада оказанной мне чести.

— Куда там, — усмехнулся мужчина. — Ланфорд Броуди, к вашим услугам. Я был встревожен и тронут ситуацией, произошедшей в вагоне Д-класса. Уверен, как-нибудь вы расскажете мне свою историю, мадемуазель...

— Меня зовут Мари Норуа. Сэр, — поспешно добавила она, со стыдом понимая, что не сильна в беседе с богатыми незнакомцами. — Не знаю, как благодарить вас... Мне неловко за свой растрепанный вид. И час уже поздний...

Ланфорд легко кивнул, и показался Эбби самым обаятельным и понимающим человеком на свете.

— Разумеется, вы очень устали. Орсон проводит вас в личное купе. Оно находится через одно после моего. Вам будет прислуживать горничная леди Салли. Я уже распорядился доставить в вашу спальню новые платья, — будничным тоном сообщил он.

— Платья? — переспросила Абигейл, забыв про все правила этикета. — Вот уж не стоило... Я совершенно не хочу вас стеснять и... еще больше не хочу оказаться в долгу.

— Не смущайтесь, мадемуазель, — произнес он, ожидая подобной реакции. — Вы вправе отказаться. Но, боюсь, как только вы выйдете в свет завтра утром, наши матроны отнесутся к вам пренебрежительно, увидев заштопанное платье. Нам ведь не нужен новый конфликт? К тому же, после соседства с бедными, мало ли какие инфекции могли осесть на этой пыльной ткани? Обстоятельства сложились так, что первым классом едет мой хороший друг — известная модистка Зои Ларга, и везет в столицу последние образцы. Она любезно согласилась поделиться несколькими из них.

— Благодарю, вы очень добры. Но... Могу я узнать, почему вы помогаете мне?.. Сэр, — не стараясь скрыть волнения, спросила Абигейл.

— Вы осмотрительная девушка, Мари, и это правильно в подобной ситуации, — согласился Ланфорд. — Готов обсудить с вами все что угодно, но только после завтрака, в гостиной.

Понимая, что разговор окончен, Эбби кивнула, и, сделав реверанс, покинула купе. Все происходящее казалось ей нереальным. Наученная Риной быть реалисткой, она понимала: взрослые, богатые красавцы не могут появиться из ниоткуда, и уж тем более не станут распахивать для первого встречного врата в высший свет, со всеми его благами. Объяснение находилось одно, и оно пугало. Ланфорд мог каким-то образом узнать, что она дочь Бена Шерри. Скрестив пальцы, Абигейл молилась, чтобы рассуждения были неверными.

Лакей молча проводил ее в купе, передав багаж и цилиндр встретившей их девушке. Горничная Салли оказалась ровесницей Абигейл, но выглядела куда более чопорной леди, со стянутыми в тугой узел темными волосами. На ее простом сером платье сверкал белизной накрахмаленный

передник. Пока Эбби осматривалась, горничная деловито отослала лакея, закрыла дверь, и разместила багаж на стойке у выхода.

Купе походило на покои, принадлежащие месье Броуди, но выглядело подчеркнуто женским. Стены обтягивала розовая ткань с вышивкой. Этот же узор, но побледнее, повторялся в мебели гостиной — диване с выгнутой спинкой, кресле с пуфиками для ног, и стуле возле письменного стола. Раздвижная двустворчатая дверь с левой стороны вела в спальню, рядом с которой располагалась уборная.

Комната, с мягкой кроватью в нише, туалетным столиком, и шкафом для одежды, казалась даже уютнее родной спальни в деревне. В длинных коробках на полу, вероятно, были упакованы новые платья. Но у Абигейл уже не осталось ни сил, ни любопытства. Она хотела лечь и больше ни о чем не думать. Позволив Салли расшнуровать корсет, и снять с себя рваную юбку и блузу, Эбби решила спать прямо в нижней сорочке. Там был потайной карман на изнанке, и его содержимое стоило старательно сберечь.

Сон пришел, как только она утонула в мягких объятиях перины, пахнувшей непривычной чистотой. Это была последняя ночь, когда еще можно оставаться собой. Наутро, вместо Абилайл Шерри, дочери сельского ученого, проснулась Мари Норуа — бедная сиротка, которой надлежало постараться, чтобы поддерживать этот образ.

Мари открыла глаза поздним утром, почувствовав аромат завтрака, накрытый горничной в гостиной. Заметив, что юная госпожа проснулась, Салли поспешила в спальню и накинула на ее плечи шелковый белоснежный халат.

— Вам будет угодно сначала позавтракать, и потом приступить к утреннему туалету? — спросила она тонким, звучащим немного по-детски голосом. — У вас голодный вид.

— Да, спасибо, Салли, — улыбнулась Мари, ощущая себя неловко. Рину по утрам обычно было не дозваться, зато, когда она появлялась, то сразу принималась отчитывать воспитанницу за опоздание к завтраку. И уж конечно, она никогда не приносила его к ней в комнату.

Был накрыт кофейный столик возле дивана. С неприлично урчащим животом Мари присела на мягкие подушки, и с трудом себя сдерживала, чтобы не наброситься на еду. Повара «Виктории» предлагали пассажирам холодную баранину с жареным картофелем, устрицы в беконе и пышный омлет. В фарфоровом чайнике уже заваривались ароматные листья восточного чая, а рядом дожидались десерта апельсины и железные конфеты.

Попробовав всего понемногу, Мари вскоре почувствовала, что больше не сможет проглотить ни кусочка. А ведь еще предстояло затягивать корсет.

— Салли, — обратилась она к горничной, вспомнив яблоках и сыре, украденных из дома. Как глупо было думать, что она сможет продержаться на них целую неделю! — У меня в чемодане лежит сверток с едой... Ты не могла бы отнести ее в двадцать первый вагон и передать кондуктору Кларе, или Арни?

— Разумеется, мадемуазель.

Мари хотелось хоть чем-нибудь отблагодарить этих людей за их доброту.

После умывания девушки приступили к выбору гардероба. Модистка прислала три платья: скромное синее с высоким воротом, и застежкой-камеей под горлом; выходное кремовое с кружевами и рюшами, и вечернее фиолетовое, с низким декольте. Размер был подобран удивительно точно. Втайне от Салли Мари проверила карман на внутренней стороне сорочки, где хранила свои главные сокровища — письмо от брата и медальон с геротипом. Они все еще были на месте, и нельзя, чтобы кто-нибудь о них узнал.

Горничная облачила девушку в синее платье и принесла из гостиной зеркало. В новой красивой одежде, с убранными в прическу волосами, она почувствовала себя счастливой. Кем бы ни был месье Броуди — он хороший человек. Мари была уверена, ведь она никогда не ошибалась в людях.

В гостиной оказалось немногочисленно. Она заметила Ланфорда, сидящего в компании слуги и незнакомого мужчины, за круглым столом возле дальнего окна, и неспешно подошла. Месье Броуди не сразу признал в ней вчерашнюю замарашку. А когда узнал, расплылся в довольной улыбке. Его вид словно говорил окружающим: «Смотрите все! Это мое творение».

— Великолепно выглядите, мадемуазель Норуа, — похвалил он, и придвинул кресло Мари ближе к столу:

— Теперь я понимаю, что совершенно не зря спас вас. С моим валетом, Орсоном, вы уже знакомы, а это Марлоу, мой ближайший помощник, — представил он своих собеседников.

Мари так и не поняла, имя или фамилию последнего он назвал, но этот человек, с мелкими светлыми глазами и редкой бородкой, ей сразу не понравился.

— Если честно, я не рассчитывала на такую большую компанию, когда планировала наш разговор, — пробормотала Мари, от волнения теребя рюши на юбке. На самом деле, в этот раз она попросту не успела ничего спланировать. Подобное было не в ее характере, и заставляло нервничать еще больше.

— Не беспокойтесь, мои друзья — часть меня самого, — усмехнулся Ланфорд, довольный, как сытый кот. — Мы все должны доверять друг другу. Ведь не от нас ли зависит работа самого крупного предприятия страны? Корпорация Вестона почти принадлежит нам. Не правда ли, господа?

Мари почувствовала, как красивая сказка рушится на глазах, словно исполинский картонный домик.

— Вы любите классическую музыку, мадемуазель? — поинтересовался Марлоу, сцепив крючковатые пальцы в замок у подбородка. — Давайте все вместе насладимся прекрасным, прежде чем затевать серьезные беседы...

Появившиеся на сцене музыканты заиграли вступительную симфонию, но Мари не слышала ни звука.

В голове всплывали заученные наизусть строчки. «Остерегайся людей Вестона, они действительно опасны...»

Глава 3. Падальщики

Темно-серый, почти чёрный, туман плавно опускался, укутывая город в непроглядное облако, как это всегда бывало по ночам. Воздух становился густым и клейким, словно грязь под ногами, горьким и едким на вкус. Часто можно было наблюдать, как непривычные к смогу приезжие останавливались посреди мостовой, судорожно пытаясь отдышаться. Дэй это знакомо — вдыхаешь, ожидая почувствовать, как по лёгким струится живительный кислород, но ощущаешь только пыль и дым. Тогда начинает казаться, что ты задыхаешься. Легкие поднимаются и опадают, голова кружится. Но проходит какое-то время, и ты привыкаешь к этому отравленному воздуху. Все привыкают. У жителей Кору другого выбора нет. Он стоял на углу Эрвиг-сквер, около магазинчика Миноса, этого прыщавого ублюдка, торгующего тухлятиной. Дэй ненавидел запомнившиеся ему полукруглые окна в сгнивших рамах и облупившуюся вывеску — здесь он работал два месяца за три медяка в неделю и сушёную треску. Он ни за что бы и близко не подошёл, но дорога мимо лавки была кратчайшей к старому центру.

— Сжечь бы её к чёртовой матери, — процедил он сквозь зубы, и, пнув попавшуюся на глаза консервную жестянку, пошёл дальше. Вдоль старых фасадов, под навесами, и в темных дворах уже собирались тени, некогда бывшие людьми. Сейчас они готовы убить за банку фасоли или пару монет. Но Дэй сам выглядел как тень, и к нему не приставали — с ничего парня им взять было нечего.

Бродяги разжигали костры в ржавых железных бочках и жарили пойманных крыс или голубей. Птицы, задыхаясь от смога, частенько сами падали им под ноги. Дэй поморщился, отводя взгляд. На его худом, бледном лице отразилась тоска — он не ел уже несколько дней. О выживании думать было некогда, ведь он находился почти у цели.

Дэй точно знал, сейчас его судьба зависит от того, что именно он найдёт в Лирском архиве. Если все провалится и ему помешают закончить начатое, то вскоре тощее тело парня всплывёт где-нибудь в Таррене, и винить кого-то будет поздно. Из груди вырвался тяжёлый кашель, и он утёр капли пота со лба, откинув растрёпанные серебристые волосы. При каждом новом приступе изо рта вырывались клубы пара — и это в мае, когда погода должна была быть солнечной и душной.

Встретившиеся по пути полисмены проводили парня подозрительным взглядом. По нему видно, что он еле передвигал ноги, и был одет слишком легко — в просторную серую рубашку

с закатанными рукавами, чёрный, грязный жилет. Но обычная полиция мало волновала Дэя, он боялся совсем других людей. Не глядя на них, он побрёл дальше, раздумывая о своём. Купол архива показался из тумана в конце старой улицы, вместе с нестройными рядами заводских труб. Это были знаменитые свинцовые фабрики, на которых, по слухам, работники умирали один за другим. Отравленные пары, вырывающиеся вместе с жирным дымом из труб, были настолько опасными, что весь район — Брайпорт, оставили на милость беднякам. Состоятельные люди с недавних пор предпочитали селиться вдали от промышленных предприятий, а этот старый, построенный ещё пять веков назад, квартал, без должного ухода гнил и разваливался.

Единственные газовые фонари на этой улице находились у четырёхэтажного рабочего дома месье Марлоу, как бы помечая опасное место для всех проходящих мимо. Днём и ночью в деревянной будке около входа дежурила милейшая женщина, угощавшая нищих прохожих бесплатным супом и печёной картошкой. Никто не знал, что подмешивали в эту еду, но любой, кто попадался, соглашался тут же подписать все необходимые бумаги. А из рабочих домов, как известно, был только один путь, и выходил он на кладбище.

Едва увидев свет фонарей, Дэй свернул в один из темных переулков. В домах Марлоу людей превращали в религиозных фанатиков, которые окончательно теряли любое желание распоряжаться собственной жизнью.

Узкий проулок между двумя домами заканчивался аркой, уводящей в просторный, низкий туннель под проходящей железной дорогой. Здесь, под мостом, около собранного из мусора и тряпья костра, отдыхали две женщины в грязных платьях, одна из которых выглядела совсем молодой. Старшая с нескрываемым наслаждением отпила джина из мутной бутылки и протянула её своей подруге. Заметив, что Дэй наблюдает за ними, женщины замолчали и напряглись, словно ожидая нападения. Сам того не желая, он забрёл в одно из тайных укрытий. Таких убежищ в Коре было хоть отбавляй — бездомные проявляли недюжинную изобретательность в выборе жилища. Он тихо выругался, угодив ногой в глубокую лужу, и поспешил выйти на улицы.

Полная луна, проглянувшая на несколько секунд сквозь тучи, осветила дымную дорогу столбом серебристого света. Дэй обошёл лежащего на мостовой мёртвого джентльмена, вокруг которого сгрудились карманные воришки, и остановился, чтобы прикинуть дальнейший путь.

Несмотря на позднее время, на этой улице было оживлённо. С фабрик возвращались уставшие рабочие, заглядывая по пути в вездесущие пивные и бары; нарумяненные женщины перемещались пёстрыми стайками и предлагали желающим свои услуги; телеги, груженные всяким добром, громыхали по дороге. Уклонившись от вылившихся с третьего этажа зловонных помоев, Дэй свернул за угол.

— Не желаешь ли девочку, красавчик? — раздалось из окна слева. Дама в потрёпанном алом платье приглашала посетить заведение, украшенное красными бумажными фонарями. — Две монеты за любую на твой вкус! Есть блондинки, брюнетки, стройные, пухленькие — ты не пожалеешь!

Хмуро покачав головой, Дэй прошёл мимо, наступив на размокшую в грязи вчерашнюю газету. На первой полосе был помещён геротип принца, а крупный заголовок гласил: «НАРОД ВСТРЕЧАЕТ АЛЕКСАНДРА НА ВОКЗАЛЕ КОРЫ».

В нос ударил дразнящий запах жареного лука и жирного мяса — его продавал лоточник в неряшливой одежде. Около старой телеги с рваным навесом собралась целая очередь, желающих получить говяжьи потроха на булочке. Почувствовав внезапную слабость, Дэй поспешил в конец улицы. Шести медяков на ужин у него не было.

Через несколько минут Дэй уже стоял перед зданием архива. Это монументальное каменное сооружение с гранитными колоннами, возвышалось на триста девяносто футов вверх, заканчиваясь необъятным куполом обсерватории. Высокие сводчатые окна, когда-то украшенные витражами, сейчас были заколочены грубыми досками. Архив Лиры, включавший в себя самую обширную библиотеку страны, был заброшен уже много лет. Кто знает, что там осталось внутри.

Дэй вынул из-за пазухи потрёпанный блокнот в кожаном переплёте и раскрыл его на нужной странице. Можно было заметить, что вся книжица исписана мелким, неразборчивым почерком, украшена непонятными чертежами и зарисовками. Этот дневник когда-то принадлежал его отцу, и информация, сокрытая в нем, могла стоить миллионы.

Одна из немногих заметок, требовавших тщательной расшифровки, указывала именно на этот адрес. Дэй мысленно успокаивал себя, что не случится ничего страшного, если зацепка вновь окажется ложной. Возможно, его преследователи никогда об этом не узнают, и он сможет забыть обо всем, и остепениться в каком-нибудь тихом местечке, далеко отсюда. Но разве можно так просто отступить? Когда-то ему должно было повезти. Хоть раз, за долгие годы поисков.

Закашлявшись, Дэй еще раз перечитал написанное на странице, убрал блокнот и поднялся по широкой лестнице к главному входу. Высокие двустворчатые двери, украшенные круглыми железными заклёпками и массивными кольцами, были наглухо закрыты и для наглядности забиты парой досок. На ржавой табличке намалёвано красной краской: «НЕ ВХОДИТЬ! НАРУШЕНИЕ КАРАЕТСЯ ЗАКОНОМ».

Не теряя надежды, Дэй обошёл здание с правой стороны.

Нижняя доска у третьего по счету окна слегка отходила, и можно было бы её отодвинуть. Вот только-то бы дотянуться! Оглядевшись вокруг, Дэй с усилием опрокинул одну из железных бочек, наполненных каким-то мусором, и подкатил её к окну. Забравшись сверху, и чудом сохраняя баланс, он потянул на себя плохо прибитую доску. Шатающийся гвоздь чуть скрипнул и поддался. Доска повисла на одном конце, открывая мутное, покрывшееся сетью трещин, стекло. Вытащив уже бесполезный гвоздь, Дэй вставил его в крупную трещину и слегка надавил, отклоня острие в сторону. Окно брызнуло осколками. Убедившись, что никто не следит, он перекинул ногу через раму, и осторожно, чтобы не порезаться, залез внутрь. Оказавшись на широком, покрытом толстым слоем пыли, подоконнике, Дэй спрыгнул вниз, и огляделся. Быстро привыкая к темноте, глаза рассматривали новые и новые детали. Это был небольшой закуток, окружённый почти со всех сторон книжными шкафами. По всей видимости, раньше здесь было очень уютно — каменный пол устилал потёртый (сейчас цвета грязи) ковёр, около холодного медного радиатора стояло зачехлённое кресло. Он сразу же понял, что попал в библиотечный зал, и это его совсем не радовало.

Книжные полки бесконечно тянулись вверх, скрываясь во тьме где-то под потолком. Учёные, планировавшие этот архив, по всей видимости, были увлечены сортированием тысяч книг на разделы и подразделы, и подразделы разделов. Единственным результатом этого бесполезного труда стало то, что библиотека превратилась в гигантский лабиринт.

Вздохнув, Дэй ещё раз заглянул в отцовский блокнот. Ему нужна была карта, или хотя бы подсказка, чтобы найти тот самый шкаф. Страница о строении архива оказалась третьей по счету:

«Впервые очутившись здесь, я понял, что невозможно пройти из одного конца зала в другой, не потратив на это меньше двух часов. Арчибальд и Кейн (отдельное ему спасибо), научили меня, как ориентироваться в архиве.

Ступив за порог входных дверей, ты оказывался на «главной аллее», ведущей прямым в центр зала. Там, в этом священном кругу, царстве Вулфа (нашего покровителя архива), подобно паутине, начинали разветвляться стеллажи. Одни дорожки вели в противоположный конец, другие оканчивались тупиками. Если бы мы могли посмотреть на это великолепие сверху, то поняли бы, что все продумано изначально.

Чтобы не забыть, отмечаю — разделы поделены на сектора. В Северном секторе — все, что только можно представить о воздушной стихии; в Южном — трактаты, посвящённые земному жару и пламени; Восточный — это флора и фауна, весь людской мир, а кроме того, Горное дело; Западный — моря, океаны, реки, любые водные источники и их свойства. Пятый сектор, об электрических токах мало изучен, а потому стоит искать его вокруг конторки Вулфа, по самому центру».

— Значит, мне нужно в Северный сектор, — пробормотал Дэй, отвлекаясь от чтения. — Было бы все так просто...

С того момента, как распустили учёный совет Лир, прошло не меньше двадцати лет, и все это время здание стояло в запустении. Кто знает, что здесь могло произойти.

Вдруг, в тишине заброшенной библиотеки раздался какой-то шум — его можно было сравнить с тем, как падает на пол и рассыпается большая стопка книг. Переполошенные резким звуком, захлопали крылья птиц, давно облюбовавших свой новый дом. Дэй и сам дёрнулся от неожиданности. Его кожа покрылась мурашками.

Осторожно нырнув в тёмный проход между шкафами, Дэй пошёл вперёд по ковровой дорожке. Он жалел, что нельзя было забраться вверх по стеллажам и посмотреть верный путь — древние полки просто не выдержали бы его веса. Придётся поблуждать какое-то время.

За очередным поворотом показался приглушенный, рыжеватый свет. Дэй отпрянул в сторону, и почувствовал, как заколотилось сердце.

Попасть в здание оказалось слишком просто. Если птицы поселились здесь, то что мешало сделать это бродягам и преступникам? Нужно подождать, пока они уйдут.

Время шло, и он потерял терпение. Вокруг по-прежнему было тихо, свет впереди легонько колебался. Помедлив с минуту, направился ему навстречу, испытывая смутное любопытство. Он ожидал, что вот-вот наткнётся на кого-нибудь. Но, оказавшись в нужном тупике, Дэй совсем растерялся.

Единственное, что он увидел — зажжённую свечу на пыльной, захлавленной документами, тумбе. Она прогорела почти наполовину, а рядом с ней стоял пустой, старый фонарь. Кто мог оставить её здесь? Вокруг не было ни одного следа присутствия человека, и это казалось самым жутким.

Раздражённый собственной трусостью, Дэй торопливо запихнул свечу в фонарь и продолжил путь, освещая себе дорогу. Пламя отбрасывало жуткие тени, выхватывая из темноты непонятные названия на запылившихся корешках книг. В воздухе пахло плесенью и сыростью, под ногами копошились, перебегая дорогу тут и там, мелкие мыши. По пути он ещё не раз замечал одинокие горящие свечи, расставленные на стопках книг и низких тумбах, рядом с креслами. Ближе к центру зала свечей становилось больше.

Несколько раз Дэй оказывался перед тупиками, сворачивал не туда, и проходил по одному и тому же месту дважды. Этот лабиринт осточертел ему уже через четверть часа.

БАХ! Очередная стопка книг рухнула совсем неподалёку. Шум повторился снова, и снова, птицы под куполом отчаянно заверещали. Дэй замер, понимая, что все-таки оказался прав. Он был здесь не один.

По звукам, доносившимся из-за нового поворота, казалось, что кто-то расшвыривает книги, лихорадочно перелистывает их. К ним примешивалось ещё что-то: неясное бормотание, глухое и хриплое. Оно повторялось, как заклинание. Отблески языков пламени заплясали по полкам впереди. Это было похоже на мрачный ритуал, совершающийся в самом сердце древнего архива.

Одно осознание, что все происходит здесь, наяву, вызывало дрожь в руках. Этого ещё не хватало! В отчаянии Дэй сжал кулаки с такой силой, что обломанные ногти впились в кожу. Ему было плевать на дела преступников, сектантов или демонов, но до Северного сектора можно добраться только через центральный зал! Выбора не оставалось.

Поставив фонарь на пол, он пригнулся и бесшумно свернул за стеллаж. Зрелище, представшее перед его глазами, ошарашивало. Он едва успел спрятаться за перевёрнутым письменным столом.

Центральный зал архива выглядел апофеозом человеческих знаний, настоящими руинами священного храма, забытого и разграбленного. Книги были свалены в огромную кучу, образуя неприступную скалу, касавшуюся купола своей вершиной. Горящих свечей, расставленных вокруг, на залитых воском обложках, было так много, что это напоминало исполинский погребальный костёр. Одно неловкое движение, и он разгорелся бы, уничтожив все вокруг.

Чёрная тень, сгорбленная и жуткая, прыжками перемещалась между огней. Было что-то сверхъестественное в её ломаных движениях. Она исполняла чудовищный танец, вскидывая вверх книгой, точно бубном. Дэй был уверен, перед ним не человек. Существо с чёрной кожей, и длинными крепкими когтями, заросло волосами настолько, что невозможно было разглядеть его лица. Только тёмные глаза из-за спутанных прядей безумно блестели.

Оно бормотало и выкрикивало что-то бессвязное, бродило кругами, поправляло неровные стопки книг, зажигало новые свечи. Все это казалось хорошо продуманным, системным. Но смысл действий был известен только Существо. В ту же секунду Дэй понял, что боится его. Чего можно ждать от зловещей тени, не принадлежащей этому миру? Уж точно не приветливости. Существо считало архив своим владением, и ему не составит труда побороть худого, измождённого парня.

Дэй почувствовал, как новый приступ кашля сдавил горло. Медлить было невозможно. Ещё немного, и он выдаст себя. Укрытие оставалось незаметным для Существа, но не оставалось ни единого шанса выждать здесь ночь.

Он быстро огляделся. Четыре дороги вели от центра к секторам и ещё одна, пошире, — к выходу. Сейчас он находился в восточном коридоре, и от Севера отделяла лишь четверть зала. Развязав выцветший шейный платок (когда-то зелёного цвета), Дэй туго обмотал им рот, чтобы оттуда не вырвалось ни одного звука. Дождавшись, пока Существо уйдёт как можно дальше, он рванул вперёд, перепрыгивая древние труды, кучи мусора и огарки свечей. До северного сектора оставалось не больше пяти ярдов. Ему удалось скрыться за полусгнившим креслом, когда безумная пляска Существа возобновилась.

Пританцовывая, оно тащило все больше книг к общей куче. Несколько раз оно проходило совсем рядом с парнем, и Дэй заметил что-то странное. Каждую книгу чёрный человек нёс бережно, поглаживая и разговаривая с ней, будто бы это был чей-то младенец. Когда какая-то птица присела по нужде на одну из стопок, Существо бросилось на неё с диким ором, расшвыривая все вокруг. В этот момент Дэй смог улизнуть.

Пробежав пару десятков стеллажей, он остановился и понял, что оказался в полной темноте. Не было слышно ни звука из центрального зала. Не в силах терпеть, он содрал с лица повязку, и, прижимая ткань ко рту, закашлялся. Ноги парня подкосились, и он рухнул на колени, заходясь в новом приступе. Спина его сильно содрогалась. Ожидаемое облегчение пришло быстро, а это значило, что о болезни можно было забыть на некоторое время.

Раскрыв отцовский блокнот, Дэй изо всех сил напряг глаза, всматриваясь в сливающиеся с темнотой буквы. Нужна была ещё одна подсказка. Кажется, когда-то раньше он видел её: это слова, втиснутые на полях. «Туман и дым, последний тупик слева», нашлось на одной из страниц. Задача была предельно ясной, и он почувствовал подобие радости. Стоило лишь найти нужную книгу, и все закончится.

Обнаруженный в тупике громадный том под названием «Туман и дым (под редакцией Р. А. Лейтона)» рассыпался в руках Дэя, стоило только его взять. А за книгой показался встроенный в шкаф рычаг. Сердце забилось сильнее, и на губах впервые за долгое время выступила вымученная улыбка. Предчувствуя победу, он протянул руку и с усилием дёрнул рычаг на себя. Громко лягнул невидимый глазу механизм, и шкаф отъехал в сторону, открывая проем, такой непроницаемо чёрный, что тьму можно было даже потрогать.

Несколько теней отделились от общей массы и набросились на парня. Они кричали, били и увлекали его за собой. Дэй ничего не мог поделать.

— Ты кто такой, черт тебя дернул?! — раздался злобный мужской голос прямо над его ухом. Дэй дёрнулся, и понял, что связан, а глаза закрывала повязка. Как это произошло? Не мог же он потерять сознание? Но Дэй чувствовал себя и вправду паршиво. Если бы не верёвки, впивавшиеся в кожу и удерживающие его, то он с трудом бы стоял на ногах. В голове сильно гудело, и пульсирующая боль сжимала виски. И это было бы серьёзной проблемой, если бы не тот факт, что его похитили.

Отовсюду вокруг тянуло болотной сыростью. Дэй понял, что находился уже не в архиве. Но где же тогда? Насколько он отключился?

Новый удар пришёлся по виску. Голова парня мотнулась в сторону.

— Отвечай, мать твою!

— Морт! — зашипела на него какая-то девушка. — Ты же не хочешь его убить?

— Возможно, и не придётся убивать, — кое-как выдавил Дэй, закашлявшись. На горло словно наложили удушающую повязку. — Что вам нужно?

— Ах, вы только посмотрите, — язвительно процедил другой женский голос, низкий и грубый.

— Ворвался к Падальщикам, и ещё спрашивает, что им от него нужно!

— Как ты узнал о нас? Кто тебя прислал? — настойчиво спросил мужчина.

Губы Дэя исказила горькая усмешка.

— Так значит, это Падальщики охотятся за дневником? — поинтересовался он. — Отличное прозвище он вам придумал.

— Кто он? Что за дневник? — громко спросила первая девушка, и шёпотом добавила: — Морт, он что, не знал о нас? О чем он говорит?

— Заткнись! — прикрикнул на неё мужчина. — Твоё имя, парень! Живо! Или может, прирезать тебя?

— Дэй, — поморщился пленник, почувствовав холодное лезвие, прижатое к щеке.

— Дэй... и все? — насмешливо спросила вторая девушка.

Он стиснул зубы, стараясь сохранять спокойствие.

— Дэй Ридд.

— Рассказывай, — голос мужчины был твёрдым как сталь. — Все по порядку. Начиная с того, что ты забыл в нашем убежище.

— Морт!.. — вновь одёрнула его девушка свистящим шёпотом. — Что, если он на самом деле не знал о нас?

— Это просто выяснить, — лениво протянул молчавший до сих пор юноша, стоявший слева. — Эй ты, ты знаешь, где находишься?

— Я уже не в архиве? — равнодушно предположил Дэй. — Я потерял сознание. Я могу находиться где угодно.

— Все ясно. Подвинься, Морт, — холодно приказал юноша и резко сорвал с пленника повязку. Тусклый свет на секунду ослепил Дея, и его глаза заслезились. Сквозь мутную пелену Дэй различил стены подвального помещения и прохудившиеся трубы под потолком. Так вот куда вёл потайной ход?

Его окружили четверо, два парня, и две девушки, из-за их спин выглядывал паренёк помладше. Один из ребят, самый важный на вид, убирал острый кинжал обратно в сапог. Все остальные стояли немного поодаль от него.

Бегло осмотрев их, Дэй сообразил, что наткнулся на очередную молодежную банду, которых было много в Коре. Нет, Вестон уж точно не мог подослать таких, как они.

— Послушайте, произошла ошибка, — торопливо сказал он, переводя взгляд с одного на другого.

— Вот уж точно, — язвительно усмехнулся высокий парень, которого называли «Морт». Он носил чёрный дорогой мундир, сильно потрепанный временем, и вёл себя как главарь.

— Ох, ну хватит, — встрепенулась девушка с нежным голосом, похожая на цыганку. —

Выходит, ты ничего не знаешь о Падальщиках? Но как тогда ты нашёл вход к нам?

— Я убежал от Существа наверху, — наспех придумал Дэй. Он уже допустил большой промах, упомянув про дневник. — Врезался в тупик, одна из книг упала, а за ней — рычаг.

— Ты познакомился с Хранителем? — восторженно спросил лопоухий паренёк, выбегая из-за спины девушки. — Жуть он, правда?

— Олди, — Морт остановил его, придерживая за холщёвую куртку, которая подозрительно напоминала форму рабочих домов. — Значит, за тобой гнался Хранитель. Зачем ты залез в архив?

— Замёрз, — пожал плечами Дэй, стараясь выглядеть непринуждённо. — На улице дубак, как зимой. Поймите, все это просто случайность!

Грубая девушка справа фыркнула и пухлые губы на некрасивом лице неэстетично надулись.

— Морт, я ему верю, — примирительно сказала «цыганка» и подошла к Дэю. Главарь за её спиной едва заметно кивнул. На лице девушки проступила добрая улыбка, когда она отвязывала руки пленника от ржавой трубы.

— Меня называют Лисс Делис, и ты можешь звать меня так же.

Опираясь на стену, Дэй кое-как поднялся и кивнул в знак благодарности. Он чувствовал сильное головокружение, и чтобы скрыть свою слабость, принялся растирать пережатые верёвками запястья.

— Надеюсь, ты не ждёшь извинений, — холодно заметил Морт и протянул ему руку. — Я Мортимер.

— Я понимаю. Мне тоже есть чего опасаться, — тихо сказал Дэй, отвечая на рукопожатие. — Извиняться должен я, хоть и не знал, что это ваше убежище.

— Не знал? Вот и отлично. Теперь — убирайся! — добавил второй парень, демонстративно скрестив руки на груди. Он выглядел слишком хорошо и надменно для нищего. Хотя бы потому, что рыжеватые волосы его хорошо лежали, а в руках была старинная деревянная трость.

— Отличная идея, Крис! А как мы убедимся в том, то он нас не выдаст? — забеспокоилась некрасивая девица, доставая револьвер, который был заткнут за шаль на поясе. — Может все-таки стоит его убить? Я могу сделать это сама, если у вас кишка тонка!

— Не трать зря пули, у тебя их мало, — протянул «Крис», поигрывая тростью в руках. — А вопрос хороший, Морт. Не рано мы его развязали?

Напрягшись, Дэй обвёл всех взволнованным взглядом. Самое время придумывать план отступления. Только бы мысли в голове не путались... Он списал все на усталость, но подсознательно понимал — с ним было что-то не так.

Где-то слева, в тёмном углу лязгнула металлическая задвижка, и открылся люк, пропуская в подвал немного уличного света. По ступенькам, один за другим, спустились ещё двое ребят. Тот из них, кто повыше, подошёл к горячей лампе и швырнул в сторону стены большой холщёвый мешок, после чего заметил среди Падальщиков чужака.

— Что происходит, Морт? — спросил он с недоумением. Дэй разочарованно понял, что точно не сможет пройти мимо него — незнакомец выглядел здесь самым крупным. Из-под серой рубахи проступали мощные бугры мышц.

— погоди, Кроу, — негромко отозвался главарь. По его напряжённому лицу было видно, что решение даётся ему нелегко. Но Дэю уже стало наплевать. Пульсирующая боль в голове нарастала. Про себя он попросил лишь о том, чтобы все быстрее закончилось.

— Ты можешь идти, как только придёшь в себя, — наконец сказал Морт.

— ...Так и быть, — прошипела некрасивая девица.

— ...Но если кто-то узнает о нашем убежище, считай, что ты труп, — добавил Крис с угрожающим видом.

— Я принесу тебе воды, — обрадовалась Лисс, глядя на него с некоторым волнением.

Потеряв интерес к парню, остальные Падальщики тут же разбрелись по подвалу, и Дэй смог перевести дух. Впервые ему не пришлось спасаться бегством. Кроме того, он, наконец, мог спокойно оглядеться. Самое время подумать над тем, что именно пошло не так.

Зачитав до дыр отцовский блокнот, Дэй был уверен, что подсказка приведёт его к изобретению. Но она всего лишь вела в подвал. Возможно, стоило продолжать поиски здесь, а может, и не стоило. За все эти годы труд отца могли просто выкинуть, или сломать. Наверное, уже слишком поздно.

— Возьми, выпей, — подошла Лисс и протянула ему жестяную кружку. — Ребята могут быть невыносимыми, уж я-то знаю. Но Морт старается ради нашей безопасности.

— Я бы тоже старался, на его месте, — вяло улынулся Дэй, приваливаясь к стене и отпивая немного воды. Ему хотелось прислонить холодную жестянку к горящему лбу, но тогда бы он себя выдал. Он не собирался показаться ещё более слабым. — Жить в Брайпорте очень сложно.

— Ты уж прости, но по тебе это видно, — хихикнула Лисс, тряхнув черными волосами, собранными в два хвоста. Её жизнерадостность немного отвлекала от мрачных мыслей. Девушка и вправду походила на цыганку, в своём алом платье, со шнуровкой на декольте. Когда она присела на деревянный ящик, подол немного задрался и стали видны многослойные нижние юбки, до такой степени заляпанные грязью, что сложно представить — когда-то они были белоснежными.

— Спроси, если тебе так интересно, — поощрила Лисс Делис, заметив его внимательный взгляд. — Что я делаю в таком месте как это, и почему я все ещё здесь?

Дэй усмехнулся. Он не собирался спрашивать ни о чем таком, все итак было ясно. Жалко, что не может отойти в сторону и ещё раз взглянуть на дневник. Чувствуя, что сдаваться рано, он надеялся лишь улучшить подходящий для себя момент.

— Я хотел узнать, давно ли ты с ними? — спросил Дэй. Стоило втереться в доверие к новой знакомой. Кто знает, может девица видела что-нибудь необычное в этом подвале, и поможет ему?

— О, знаешь, я знакома с ними столько, что...

— Интересные пошли разговоры, — со скучающим видом перебил Крис, приближаясь. — Лисс уже готова разболтать обо всех секретах первому встречному?

— Ничего подобного, Кристиан! — возмутилась девушка. — Мы просто разговаривали. На беднягу смотреть страшно. И так жизнь не сахар, а вы тут ещё решили его добить.

Дэй хотел было заметить, что со своей жизнью разберётся сам, но некстати закашлялся. Лисс одарила его сочувствующим взглядом и с укором посмотрела на Криса. Тот только закатил глаза.

Приступ не проходил. Дэй ухватился за трубу, чтобы не упасть. Воздух со свистом вырывался из его лёгких, преодолевая распухшее горло. Головная боль только усилилась, щеки горели. В глаза потемнело. Он услышал, как засуетилась Лисс.

— Черт, да ему же на самом деле плохо! — почти кричала она. — Крис, Морт, вашу мать! Принесите кто-нибудь ещё воды!

Падение оказалось на удивление безболезненным, и Дэй почувствовал, как его голова опустилась на что-то мягкое. «Как на подушку», — подумал он, и отключился.

Глава 4. Красивая жизнь

После обеда в гостиную внесли рулетку и карточные столы. Любители азарта, в том числе и маркиз Соланж, пестрыми стайками щебетали в дальнем конце вагона. Катарина Соланж, облаченная в пышное и приторное, как конфетка, розовое платье, элегантно развалилась в мягком кресле у окна, всем видом выказывая изнеженную усталость. Она кокетливо покосилась на голубоглазого графа Ламмерта, сидящего неподалеку от сцены. Красивый и молодой юноша наслаждался крепким коктейлем, уделяя больше внимания исполняемой музыке, чем женщинам. С досадой поняв это, Катарина подняла полупустой бокал шампанского и подала знак слуге.

— Антуан, принеси нам еще этих круглых пирожных с клубникой, будь добр, — промурлыкала она, подставляя бокал для новой порции искристого удовольствия. — И больше шампанского! А так же передай моему мужу, чтобы немедленно прекратил проигрывать наше состояние в подобном духе. Если он ослушается, мне придется к нему присоединиться, а я играю еще хуже. Ах, Мари, как жаль, что вы не знаете правил, нужно обязательно вас научить. Не угоститесь сигаретой? Шампанское, клубника, и сигареты — это то, ради чего стоит жить.

— Катарина, ты же знаешь, что Ланфорд просил меня больше не курить, — рассмеялась Мари, прикрывая губы кружевной перчаткой. — А вот шампанского можно, и клубники. И еще раз прошу, не надо никаких «вы». Кто этот молодой джентльмен, на которого ты так неприлично уставилась?

Новая подруга манерно вздохнула и поправила тугие темные локоны под шляпкой.

— Молодой граф Джеймс Ламмерт, ему недавно исполнилось девятнадцать. Он едет в Кору, чтобы принять наследство от дядюшки, и родовой замок в Хейлгаре. В прошлом сезоне он был с дочерью графа Тъери, а до этого — с Эдит Аурель, той самой певичкой. Завидный жених, — подвела итог Катарина так, словно сама была не замужем. Мари уже успела привыкнуть к тому, что маркиза любила говорить много и быстро, вспоминая все подробности. Она не узнавала имен и не понимала половины названий, но ей нравилось быть в обществе и наслаждаться последними сплетнями. Катарина, с ее веселой энергичностью, казалась идеальной собеседницей.

— Нужно с ним познакомиться, — задумчиво облизнула губы маркиза Соланж. — Интересно, в каком он купе? Конечно, он младше меня на год, и вряд ли умнее, но... какой соблазн! Ты знаешь, что его семья — одна из старейших в империи?

— Да ты что? — приподняла бровь Мари, откусывая только что принесенное пирожное с кремом. Она мимолетно взглянула в окно, и, поморщившись, задернула бархатные шторы. Мимо пронеслись серые поля, с угрюмыми тенями лачуг — то еще зрелище. Какой контраст с интерьерами внутри! Бедная дочь сельского аристократа поселилась в золоченой коробке разноцветных леденцов с шуршащей оберткой, и как никогда хотела стать одной из них. Мари вспомнила свой испуг, когда первый раз вошла в этот вагон. Но после нескольких дней, проведенных в обществе, непонятная обстановка стала привычной, и для страха просто не осталось места.

— Его отец владеет изумрудными шахтами. Как думаешь, Джеймс сможет подарить мне несколько камушков? Они отлично будут смотреться в новой прическе, — заметила Катарина, допивая бокал. — А твой отец, Мари? Ты говорила, он был ученым?

— Сложно назвать его именно так... — смущенно пробормотала Мари. Она не могла рассказать этой блестящей леди о том, что в деревне отец конструировал механизмы для сбора зерна и дойки коров, поэтому решила попросту соврать. В последнее время приходилось делать это все чаще. Стоило признать, что так теперь и будет, пока она не найдет Демиана. — Мне тяжело говорить о нем, ведь он недавно умер.

— Точно! — оживилась маркиза. — А твоя мачеха отняла у тебя все, что было. Поэтому ты отправилась в столицу на поиски брата через всю страну. Это так романтично! Звучит, словно история из книги. У меня есть один знакомый писатель, очень эксцентричный юноша, в Коре я могу вас познакомить. Возможно, он заинтересуется этой идеей, и ты станешь его музой. Ах... С наигранным вздохом мадам Соланж прижала руки к груди и мечтательно посмотрела в потолок. Мари не сводила с нее восхищенного взгляда. У этой девушки, чуть старше нее, было удивительное отношение к миру.

Катарине, всегда жившей в достатке и дикой для обычных людей роскоши, вся жизнь казалась веселым и легким приключением. Для нее не существовало мрачного мира, укрытого ядовитым смогом, погибающих урожаев, и растущего числа зараженных кожной болезнью. История о мачехе и мертвом отце, придуманная Мари, напугала кондуктора из бедного вагона. А маркиза посчитала ее романтичной!

— Смотри—смотри, кто там идет, — театрально прошептала мадам Соланж, наклоняясь к подруге и указывая бокалом шампанского на двери купейного вагона. Мари обернулась. В салон вошел месье Броуди с Зои Ларга под руку. На престарелой модистке было невероятное золотое платье в стиле рококо, украшенное блестящими пружинами и шестеренками. Она сверкала густо подведенными глазами то в одну, то в другую сторону, и богатые пассажиры расступались перед ней, точно перед королевой.

Заметив, что Мари смотрит на нее, Зои слегка усмехнулась и кивнула головой. Мари ответила робкой улыбкой. Она была представлена модистке два дня назад, и по словам Зои, произвела «премилое впечатление». Да такое, что законодательница моды презентовала вчерашней деревенской простушке еще четыре своих платья. В одном из них — зеленом с медной вышивкой, Мари вышла в свет сегодня.

Рядом с такой экстравагантной женщиной элегантный Ланфорд выглядел слишком обыденно в своем темно-сером костюме. Но вместе с тем, был безупречен, как всегда.

— Ох, этот месье Броуди, — хищно улыбнулась Катарина, не пропустив увлеченный взгляд Мари, направленный на своего покровителя. — Твой месье Броуди...

— Что ты говоришь! Он совсем не мой, Катарина! — забеспокоилась Мари, поспешно поворачиваясь обратно. Сердце страшно колотилось от возникшего чувства стыда, словно ее застукали за чем-то неприличным. — Он всего лишь...

— Да-да... Всего лишь взял тебя под свое крылышко, — промурлыкала мадам Соланж. — Но меня-то можешь не обманывать. Такая партия...

Маркиза предусмотрительно оборвала речь на полуслове и игриво стрельнула глазами в сторону прохода. Мужчина уже подходил к подругам, оставив свою спутницу около рулетки.

— Ланфорд Броуди, какая честь, — склоняя голову в шутовом поклоне, проговорила Катарина. Ее алые губы расплылись в довольной улыбке. — Безумно рада, что вы наконец почтили нас своим присутствием сегодня. И хоть это может показаться непристойным, хочу заметить, что меня очаровывает ваша прическа. Вам очень идут зачесанные назад волосы. Складывается впечатление, будто вы только вышли после ваннных процедур. Так интимно, что аж смущает. Боюсь, даже у невинных девушек, увидевших вас, может разыгаться фантазия... ненароком.

— Мадам Соланж, — сдержанно улыбнулся Ланфорд и поцеловал протянутую маркизой руку. Обернувшись на своего слугу, Орсона, он коротким жестом приказал приставить к этому столу еще одно кресло. Когда приказание было выполнено, месье Броуди присоединился к девушкам. Не прошло и секунды, как перед ним появился бокал шампанского и блюдце с пирожными. Обойдя вниманием сладости, мужчина отпил игристого напитка и посмотрел на Мари своими темными, как бездна, глазами.

— Мадемуазель Норуа... Каждый раз, когда я вижу вас, я задаюсь вопросом — можно ли выглядеть еще более роскошно, еще более утонченно? И каждый раз вы поражаете меня, воздвигая планку красоты до новых высот. Знаете... Богатство вам к лицу.

— Жалко будет расставаться со всем этим, — печально улыбнулась Мари, опуская взгляд. Ее сердце начинало трепетать в присутствии Ланфорда, и ничего поделать с этим было нельзя. — Все это выглядит как сказочный сон, который развеется с первыми лучами солнца. С прибытием в Кору, в моем случае.

— Может и не придется расставаться... — протянул месье Броуди и накрыл своей рукой ее ладонь. Мари отдернула пальцы от неожиданности и посмотрела на покровителя. В его глазах плясали хитроватые искорки, словно он что-то задумал.

— Антуан сообщил мне, что следующая остановка будет в Стейнтоне, через несколько минут. Вы, месье, Броуди, наверняка решите посетить буфет на станции. Там есть первоклассный платиновый зал, как я слышала. В нем подают вкуснейший сливочный крем с южными фруктами и розовое шампанское, — чуть громче обычного зашебетала Катарина, оскорбленная тем, что ее без спросу исключили из беседы. — Вы не откажете мне, если я выскажусь за то, чтобы составить вам компанию?

— Разумеется, мадам, только не забудьте защитную маску. Воздухом больших городов в наши дни лучше не дышать. Думаю, Марлоу тоже захочет к нам присоединиться. Орсон, передайте ему мое приглашение, — распорядился мужчина, залпом осушая бокал. — Милая Мари, полагаю, вам лучше остаться в поезде...

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Я найду чем себя развлечь, — улыбнулась Мари. Ядовитым смогом ей дышать не хотелось. Как хорошо, что в первом классе стояли лучшие фильтры! Воздух в вагонах был чист и свеж, словно на берегу холодного океана, где она отдыхала однажды в детстве.

— Я захвачу для вас креманку с этим «вкуснейшим», как мадам Соланж утверждает, десертом, — пообещал месье Броуди, прежде чем удалиться.

Едва он отошел, наигранная улыбка исчезла с лица Катарины. Она выглядела обиженной и Мари прекрасно понимала, почему. Маркиза желала нравиться всем и каждому, не скрывая, что одного только мужа ей недостаточно. Но Броуди очаровать не удавалось.

— Как жаль, что ты не идешь с нами, — бросила мадам Соланж, когда поезд начал замедляться. Весь ее вид выражал презрение к недавней подруге. Мари наблюдала такое уже не раз — настроение маркизы менялось быстрее, чем двигалась большая стрелка на часах. Не пройдет и двадцати минут, как они вновь станут идеальными компаньонками.

С первым гудком поезда салон стремительно опустел. Антуан принес Катарине защитную маску, закрывающую рот и нос, и помог закрепить ее на лице. Она была инкрустирована сверкающими драгоценностями и выглядела еще одним необычным, но дорогим аксессуаром. Мари не удивилась бы, узнав, что у маркизы имеется целая коллекция подобных масок, подобранных для каждого наряда. Золото и камни являлись лишь оболочкой, отвлекающей внимание зрителей от содержащегося внутри механизма, фильтрующего загрязненный воздух. Такое устройство стоило баснословных денег. В деревеньке Лан-Лаин на окраине страны о масках даже не слышали.

Мари с грустью посмотрела на стол перед собой, уставленный тарелками с пирожными и шоколадными конфетами. Некоторые из них были надкусаны — за шампанским девушки хотели попробовать как можно больше разных вкусов. Теперь от сладостей и алкоголя начинало мутить. Она поднялась, расправила муаровую ткань юбки, и направилась в свое купе, собираясь умыться, распустить корсет и немного отдохнуть.

Горничная Салли не следовала за ней всюду, как Орсон за своим господином, а потому Мари сама распахнула дверь в спальный вагон. Катарина наверняка осудила бы ее за подобное проявление самостоятельности, свойственное лишь беднякам. Но, к счастью, подруга уже сошла на станцию.

А вот ее муж оказался здесь. Мари бросила краткий взгляд в его сторону и поспешила в свои покои. Она старательно делала вид, что не заметила, как маркиз Соланж целуется с Джеймсом Ламмергом, прижав юного графа к стене вагона.

Маркиз нагнал ее у раздвижных дверей купе и больно ухватил за запястье.

— Могу я рассчитывать на лояльность? — нервно спросил он, вглядываясь в лицо Мари. Его зеленые глаза выпучились от злости, делая юношу похожим на жабу, а губы раскраснелись от длительной, противоестественной близости.

— Я никому не расскажу, — произнесла Мари, стараясь скрыть раздражение. Высвободив руку и захлопнув за собой дверь, она подумала, что голубой сюртук очень уж ему шел.

Заметив возвращение хозяйки, горничная Салли поспешно вскочила с дивана и поклонилась, ожидая распоряжений. Мари улыбнулась служанке, а затем вздохнула с облегчением, вновь оглядывая гостиную, принадлежащую ей на время поездки. Всякий раз, когда она находилась в своих покоях, ее навещало ощущение «дома». Особого места, являющимся сосредоточением полного комфорта и безопасности. Обстановка казалась родной и привычной. Словно не было никогда маленькой голубой спальни под самой крышей дома в глухой деревне Лан–Лаин. Жизнь в первом классе «Виктории» не просто казалась райской — она являлась такой на самом деле.

Мари обитала в этом раю уже три дня, и молилась только, чтобы поездка не прекращалась. О старой жизни напоминало лишь письмо брата и его геротип, скрытый в медальоне с часовым механизмом. Нужно было найти Демиана... и нужно было остаться здесь, в этом сверкающем мире.

Ланфорд Броуди оказался очень приятным человеком и Мари искренне не понимала, чем он мог не угодить брату. Скорее всего, близнец имел в виду не Ланфорда, а кого–то другого из «Фабрик и мануфактур Вестона». В корпорации работали тысячи людей, и среди них наверняка нашлись бы те, кого можно было назвать «опасными». Но Ланфорд, к счастью, не являлся таким.

Ни к кому прежде Мари не испытывала таких смешанных, новых для ее, чувств. Она понимала, что мужчина был намного старше, и намного богаче. Какие уж тут мысли о продолжении знакомства? Но чем сильнее раздражалась Катарина, тем сильнее Мари убеждалась в том, что ответные чувства Ланфорда говорили о чем–то большем.

Поезд тронулся полчаса спустя, и мужчина навестил ее в купе. Он принес с собой креманку со сливочным кремом, как и обещал. Они ели его и любовались видом за окном. Мрачные леса и топи сменили горные пейзажи, укрытые чистым, пронзительно белым снегом. И даже вечно хмурое небо будто бы немного посветлело.

— Почти сутки наш путь будет проходить через горы, без остановок, — рассказал месье Броуди. — Нигде в мире вы больше не встретите железную дорогу, проложенную на такой высоте. Даже слой смога здесь значительно меньше — выбросы от производства просто не могут сюда добраться.

— Ланфорд, — робко начала Мари, — неужели дым от заводов действительно опасен? Во вчерашней газете я читала, что «Фабрики и мануфактуры Вестона»...

— Конечно опасен, Мари, конечно опасен. Иначе зачем нужны маски, и другие средства защиты? Наша корпорация не хочет волновать людей, пока мы не найдем решение. И вы, пожалуйста, сохраните тайну. Я доверился вам, и хочу, чтобы это стало нашим секретом. Весь вид мужчины говорил о его глубоком сочувствии к судьбе простых граждан империи, и это успокоило Мари. Она только больше убедилась в своих мыслях насчет Ланфорда.

На следующий день, в салоне, они вновь пили шампанское с Катариной. С торжествующей улыбкой маркиза Соланж рассказала подруге о том, как прошлой ночью она дегустировала вино с Джеймсом Ламмертом в своих покоях. Не забыла аристократка подчеркнуть, что их с мужем купе были раздельными. Но вспоминая непристойную сцену между мужчинами, Мари не смогла должным образом поддержать беседу. Она вернулась в личную гостиную под первым попавшимся предложением.

На звук открывшейся двери купе к Мари привычно вышла Салли... в сопровождении Орсона. Слуга месье Броуди заметно сутулился, а ухмылка на его лице казалась довольно неприятной.

— Что привело вас ко мне? — поинтересовалась Мари, придерживаясь норм этикета даже несмотря на возникшую антипатию. — Вас прислал Ланфорд?

— Нет–нет, мадемуазель, — проговорил он. — Я заходил к вашей Салли. Ничего важного, впрочем, не беспокойтесь. Ведь так, Салли?

— Верно, месье, — подтвердила горничная. На ее чопорном, юном лице не было и тени сомнения.

— Позвольте удалиться? — спросил Орсон, пригيبая спину в полупоклоне. В такой позе его длинные руки едва не касались пола.

— Конечно, не смею вас задерживать, — поспешила ответить Мари, и подождав, пока валет месье Броуди удалится, прошла в спальню. Конечно, Орсон имел полное право общаться с ее горничной, и в этом даже не было ничего предосудительного... Но что—то здесь настораживало. Возможно то, что Мари не хотелось оставлять никого наедине со своими вещами, которые могли многое рассказать об их обладательнице. А главное — сообщить о том, что Мари Норуа, бедная сиротка, на самом деле являлась Абигейл Шерри, попросту сбежавшей из дома. Ланфорд отнесся бы с пониманием, узнай он правду. Но обман, даже малозначительный, не мог не сказаться на дальнейшем общении. Мари уже жалела о том, что опрометчиво решила назваться чужим именем. Но, что сделано, то сделано, и она пообещала позже обязательно исправить эту досадную ошибку.

Привычно проверив тайник с письмом и геротипом Демиана, и убедившись, что все на месте, Мари открыла чемодан, собираясь найти шпильки для волос, которыми хотела украсить вечернюю прическу. Как вдруг заметила, что именно билет на поезд, вложенный во внутренний карман, пропал.

Мечты о вечернем образе были мгновенно забыты. В поисках она бегло осмотрела спальню, заглянув даже под кровать, а затем все свои вещи, но билета не обнаружила. Присев на пол, Мари глубоко вздохнула и отвела себе минуту на то, чтобы успокоиться. Нельзя, чтобы о ее тревоге кто—нибудь узнал. После чего поднялась, оправила платье и кликнула Салли. Горничная тотчас появилась.

— Мадемуазель?.. — спросила она, задерживаясь на пороге. Мари убрала чемодан и посмотрела на служанку, стараясь выглядеть спокойной.

— Мне любопытно... Для чего именно заходил к вам Орсон?

— Он желал забрать некую вещь из сейфа месье Броуди, — с готовностью ответила Салли. — Вероятно, месье не говорил вам об этом.

— Не говорил о чем?

— Изначально месье Броуди выкупил это купе для себя, ведь только в нем был потайной сейф, — сказала Салли. Она потянула на себя раму акварели, висевшей около шкафа и продемонстрировала тайник, запертый на кодовый замок. После чего продолжила: — Слишком поздно узнав о том, что обстановка здесь довольно женственная, он переехал в купе по соседству. Так он занял сразу два места в одном вагоне. Позже он передал эти покои вам, но некоторые его вещи остались лежать в сейфе.

— Что ж, причина достойная, — натянуто улыбнулась Мари и заговорила с горничной о вечерней прическе. Объяснение Салли лишь немного уняло волнение. Даже если Орсон был не причастен к пропаже билета, то возможно, был виновен кто—то другой. Стоило подумать о его сохранности заранее и спрятать бумагу рядом с письмом брата! Но теперь уже ничего поделать было нельзя. Сложно было даже предположить, когда именно билет исчез — все эти дни она даже не вспоминала о его существовании.

Выходя из купе, одетой к обеду в нежное платье цвета лаванды, Мари подумала о том, что он мог потеряться во время бунта бедняков в вагоне Д-класса. Тогда она так сильно размахивала чемоданом, стараясь отбиться от напирющей толпы... Билет мог попросту выскользнуть и затеряться на полу. Возможно, кондуктор Клара могла что—нибудь подсказать.

До обеда еще оставалось немного времени, и она поспешила к выходу из первого класса. В салоне, Катарина, распивающая аперитив в компании очаровательного Джеймса Ламмерта, помахала подружке рукой, но Мари лишь смущенно кивнула, всем видом показывая, что ей сейчас не до разговоров. Младший кондуктор услужливо распахнул дверь в богато украшенный тамбур.

Оставшись наедине, она на мгновение остановилась, обдумывая, не слишком ли выдала себя, отказавшись от приглашения маркизы. Вероятней всего, нет. Катарина, окруженная долгожданным вниманием со стороны юного графа, вряд ли станет думать о ком—то еще. Мари надавила на ручку и потянула на себя дверь, ведущую в средний класс, но та оказалась заперта. Под потолком нежно зазвонил крошечный колокольчик. Из боковой двери вышел старший кондуктор, одетый в форменную ливрею «Виктории».

— Чем могу помочь вам, мадемуазель Норуа? — спросила он, отвесив почтительный поклон. Его седые волосы были завиты и тщательно уложены.

— Будьте добры, откройте дверь, — попросила Мари, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Время до обеда стремительно таяло, а ведь еще нужно было успеть сходить до вагона Клары, побеседовать с ней, и вернуться обратно.

— Боюсь, это невозможно, мадемуазель, — с наигранно печальным видом ответил кондуктор.

— После бунта бедняков мне поступило официальное распоряжение держать эти двери закрытыми, дабы обеспечить безопасность уважаемых пассажиров.

— Но мне очень нужно попасть в другой вагон! — воскликнула Мари. — Пожалуйста, сделайте исключение. Мне кажется, я забыла там очень важную для меня вещь!

— Простите, мадемуазель, никак не могу. Какую именно вещь вы могли забыть?

— Мой билет, — смущенно опустила глаза Мари. Врать кондуктору не было смысла. — Если вы не желаете пропустить меня, может, вы сможете сами спросить об этом кондуктора Клару? Она откликнется, я точно знаю!

— Это разумное предложение, — кивнул мужчина. — Я позвоню ей и дам вам знать, если она его найдет.

— Только прошу вас, сохраните мою просьбу в секрете, — умоляюще взглянула на него Мари. Меньше всего ей хотелось, что об этом узнали Ланфорд или Катарина.

— Не беспокойтесь, мадемуазель. Охранять честь пассажиров — это мой долг.

Поблагодарив его, Мари вернулась в салон, и присоединилась к маркизе Соланж с ее новым приятелем. На всякий случай, прежде, чем подруга задала вопрос, она рассказала о том, как потеряла в бедном вагоне свое кольцо.

— Оно не было ценным, — постаралась оправдаться Мари. — Скорее ценным, как память.

Такая ложь устроила Катарину и щекотливая ситуация была скоро забыта. За новым бокалом шампанского Мари не особо вникала в суть беседы. Она думала только о своей пропаже. Для обычных поездов дешевые билеты печатались на типографских станках и на них не было места для упоминания имени пассажира. О, если бы это правило применялось и для «Виктории»! Но нет, для самого известного поезда империи все билеты, без исключения, были именными. Потому их нужно было заказывать не позже, чем за неделю до отправления.

От некоторых жителей родной деревни Лан-Лаин Мари слышала рассказы о путешествии на «Виктории». Такая поездка становилось для бедняков целым событием, а билет с золотыми тисненными буквами они хранили на протяжении всей жизни, как доказательство причастности к аристократам.

И это обстоятельство, являющееся счастьем для одних, стало огромной неприятностью для фальшивой Мари. Что же будет, если билет не найдется? Или хуже: если его найдет кто-нибудь из людей Ланфорда?

Весь пестрый салон разом превратился из сказочного дворца в клетку, набитую стервятниками. Мари бросала краткий взгляд на каждого пассажира, гадая — он-ли, нашедший пропажу? А может, она? А вдруг?.. А что если?..

Заметив, нервность подруги, Катарина подала знак наполнить бокал Мари и сказала:

— Тебе не стоит так нервничать перед обедом с месье Броуди. Можешь быть спокойна, ведь я кое-что разузнала...

— Что разузнала? — напрягаясь, спросила Мари и отпила шампанского.

— С ним будет Марлоу и вам не придется оставаться наедине, — высокомерно стрельнув подведенными глазами, промурлыкала мадам Соланж. Она была довольна тем, что смогла обойти подругу в гонке, которую сама себе же и придумала. Катарина как будто бы соревновалась с Мари в игре, где Ланфорд был главным призом. Теперь же она явно намекала на то, как несправедливо обошелся с ней месье Броуди, когда они выходили на станции вчера. «Смотри, с тобой он тоже не желает общаться лично», — так можно было перевести ее слова. Мари не стала рассказывать о том, как они вместе с Ланфордом ели сливочный десерт, любуясь закатом в снежных горах, и вместо этого сдержанно улыбнулась.

— Теперь я абсолютно спокойна, — протянула она.

Зазвонил гонг, приглашая богатых пассажиров к обеду. Но со своих мест поднялись не все. Многим было достаточно карты вин и закусок, предлагаемых в салоне. Катарина попросила не ждать их с Джеймсом, и в вагон-ресторан Мари отправилась одна, в который раз задаваясь вопросом: почему Салли никогда не сопровождает ее, как другие слуги своих господ?

В этот раз, отсутствие горничной пришлось все так же на пользу. Если бы Салли оказалась здесь, то она точно узнала бы о пропаже билета. Если это не она, конечно, его украли... Доверия отныне не было никому.

Миновав два спальных вагона, Мари оказалась в нужном. Ресторан располагался ровно посередине первого класса. За ним шли еще три купейных вагона, а дальше — только багажное отделение и кабина машиниста.

Как и любой другой вагон, предназначавшийся для знати, ресторан был разделен на два этажа. На первом ярусе застеленные белоснежными скатертями столы стояли в четыре ряда, разделенные широкими проходами. Они были украшены причудливо свернутыми салфетками с вышивкой и букетами ярких южных цветов. Рой вышколенных официантов уже подавал приборы занявшим свои места пассажирам.

Метрдотель отвел Мари на балкон по золоченой винтовой лестнице. Здесь четырехместные столы располагались вдоль больших окон, занавешенных синими портьерами. Потолок, отделанный лакированным деревом, освещали две роскошные люстры, хрустальные подвески которых свешивались ниже второго яруса. Если пренебречь правилами приличия, и перегнуться через резной бортик, можно было даже коснуться их рукой.

Мари присела на место около окна. Ее столик пустовал — Ланфорд со своим спутником еще не прибыли. Пока она терзалась сомнениями о том, знают ли мужчины ее настоящее имя, услужливый официант подал шампанское и газету трехдневной давности.

— Свежие разобрали еще вчера, мадемуазель, — извиняющимся тоном протянул официант. — Мадемуазель желает мясо или рыбу к обеду?

— На ваше усмотрение, — махнула рукой Мари, думая о своем. Юноша удалился.

Она бросила взгляд на газету. «НАРОД ВСТРЕЧАЕТ АЛЕКСАНДРА НА ВОКЗАЛЕ КОРЬ» — гласил заголовок на первой полосе. Ниже размещался геротип принца в роскошном военном мундире и защитной маске. Особенно бросалась в глаза его левая рука — блестящая, металлическая. Говорили даже, что она была сконструирована таким образом, что принц умел двигать механическими пальцами по своему желанию.

Вот кому проблемы Мари о пропаже билета и даже поисках брата показались бы глупыми. В статье рассказывалось о том, что принц Александр был встречен на вокзале людьми из своей бывшей свиты, которые доставили его в загородное имение, принадлежавшее его отцу.

Император так и не соизволил покинуть безопасный и охраняемый Горный замок. «Речь императора, приуроченная к долгожданному дню возвращения принца, прозвучит сегодня вечером», — сообщалось в статье. И если газета была выпущена три дня назад, значит монарха уже показали на экранах проекционных. Жаль, что «Виктория» не была ими оснащена.

— Не знал, милая Мари, что вы увлекаетесь политикой, — прозвучал голос Ланфорда над самым ее ухом. Мари поспешно отложила газету и смущенно кивнула покровителю в знак приветствия. Марлоу прошел вслед за месье Броуди и оба мужчины сели на свои места напротив спутницы.

— Да, сэру Норманду придется попотеть, чтобы избавиться от этого назойливого наследника, — хрипло проговорил Марлоу, проведя рукой по редким светлым волосам. Разделенные на прямой пробор, они были так длинны, что закрывали уши. В сочетании с кучей бородкой, Мари находила подобную внешность довольно неприятной.

— Ну что вы заладили, Марлоу. Александр еще может принести нашей стране некую пользу, — возразил Ланфорд, растопырив на коленях салфетку. Они словно продолжали беседу, прерванную для приветствия Мари. То, что мужчины тоже заинтересовались прибытием принца, не было удивительным, ведь они состояли в верхушке корпорации. Именно насчет ядовитых выбросов их заводов принц собирался говорить с императором.

— Лично я думаю, император окажется глух к его доводам, — высказался Марлоу и мужчины рассмеялись так, словно он рассказал смешную шутку. Мари же было не до разговоров о политике. Вглядываясь в лица спутников, она гадала — знают они о пропаже билета или нет? Но ничего не выдавало раскрывшейся тайны.

Спустя пару минут подали обед, достойный, чтобы его отведал сам император. В сегодняшнем меню были тосты с черной икрой, свежие устрицы, густой коричневый суп, а также куропатки, начиненные рисом и трюфелями. Не успела Мари приступить к первому блюду, как ее отвлек подошедший кондуктор.

— После звонка кондуктору Кларе пропажа не была обнаружена, — отчитался он. Мари не смогла сдержать разочарованного вздоха. Ланфорд за нее поблагодарил мужчину и отпустил его.

— Мне уже поведали о вашей потере. Не стоит так печалиться из-за какого-то кольца, — успокаивающе сказал он.

— Всегда можно обзавестись другим и создать себе новые воспоминания, — непринужденно добавил Марлоу, с хлопающим звуком проглатывая склизкую устрицу. Мари отвела от него взгляд. Она с большим удовольствием предпочла бы обедать в компании одного месье Броуди. — Вы так и не рассказали мне, откуда держите путь, — напомнила Мари Ланфорду. Ей хотелось лучше узнать его и хоть на минуту забыть о проклятом билете. Покровитель откусил тост с икрой, неторопливо прожевал и принялся рассказывать:

— Я отправился с конечной станции, у северных берегов нашей империи. Марлоу присоединился ко мне за одну станцию до бедной деревни Лан-Лаин, где, вероятно, сели на поезд вы, Мари. Но моя дорога до столицы началась еще раньше, с Южных островов Куантаис. Там, на скалистом берегу под палящим солнцем, возвышается мой летний особняк...

— Да вы поэт, Ланфорд. И романтик, — скривился Марлоу, салфеткой вытирая пальцы от сливочного соуса. Совершенно не стесняясь, он ел ножку куропатки без помощи ножа и вилки, держа ее за косточку.

— Мне даже не верится, что где-то на нашей планете может быть жаркое солнце, — мечтательно проговорила Мари.

— Не только солнце, мадемуазель. Еще теплое море, и горячий, белоснежный песок по которому так приятно ступать босыми ногами, — улыбнулся месье Броуди. — Но увы, иногда приходится отвлекаться от этого и возвращаться к работе, в нашу родную, темную империю Реган.

Словно слышав его слова о работе, явился Орсон и передал господину телеграмму от самого Норманда Вестона. Даже горная гряда не могла помешать делам корпорации. Ланфорд был вынужден удалиться, чтобы срочно отправить ответ. Мари осталась в компании Марлоу, и хотелось ей или нет, нужно было продолжать беседу.

— А чем занимаетесь вы, месье Марлоу? — спросила она, ожидая, пока официанты уберут посуду и принесут десерт.

— Помогаю беднейшим жителям нашей страны обрести надежный кров, стабильную зарплату и цель в жизни, — сказал мужчина. От обилия горячей пищи его лицо покраснелось. Марлоу снял пиджак и повесил его на спинку стула. — Все они присоединяются к рабочим корпорации, так или иначе.

— Значит, вы радеете за благотворительность? — недоверчиво уточнила Мари. В ее голове образ Марлоу никак не соотносился с этим понятием.

— Можно и так сказать, мадемуазель. Можно и так сказать, — проговорил он и ухмыльнулся. В его выражении лица на секунду промелькнуло что-то такое, что явственно утверждало: «Я-то знаю, кто ты на самом деле». И Мари стало страшно. Марлоу! Вот кто точно подходил под описание человека из корпорации Вестона, которого стоило опасаться. Мог ли он выкрасть билет? Мог ли он знать ее тайну? Или виной всему не к месту разыгравшееся воображение?

— Тогда, должно быть, вы хороший человек, — через силу улыбнулась Мари.

— У каждого из нас есть свои цели, чтобы вернуться в Кору, — сказал он. Его крошечные светлые глаза смотрели на собеседницу в упор. — Думаю, вы меня понимаете.

Он знает! Он точно знает! Мари уже не сомневалась — в поведении Марлоу что-то изменилось с уходом Ланфорда. И казалось, что каждая его фраза несет в себе скрытый двойной смысл.

Когда принесли десерт — персики с ванильным мороженым и миндальные пирожные, политые клубничным сиропом, разговор прекратился, и Мари была этому рада, поскольку совершенно растерялась и запуталась в своих мыслях. Как узнать, права она или нет? Спросить ни у кого было нельзя, даже у Ланфорда. Ситуация становилась безнадежной, даже опасной.

Проглотив слишком много холодного мороженого за раз, Марлоу закашлялся и вынул из кармана пиджака кружевной платок. Что-то звякнуло и упало на паркетный пол. Ключ, — поняла Мари, присмотревшись. Но мужчина уже пришел в себя, и наклонился, чтобы поднять его.

Они пили шампанское в полном молчании. Искоса наблюдая за женщиной, Мари делала вид, что любуется видом из окна. Как бы она хотела сейчас очутиться там, среди белоснежных горных вершин и затянутого молочной дымкой неба, в одиночестве!

— Марлоу, дорогой, как вы? — пробасил незнакомый упитанный господин, подходя к их столику. — Да извинит меня милая мадемуазель, но вид у вас откровенно скучающий! Мари ответила ему сдержанной улыбкой и несколько минут слушала разговор мужчин, оказавшихся давними приятелями. Хоть на немного, но она получила передышку от напряженной атмосферы. А затем и вовсе произошло чудо — Марлоу отошел вслед за господином до его столика. Он оставил пиджак на стуле как угрожающий знак, что еще вернется.

Мари озарила самоубийственная идея. Она сделала вид, будто уронила салфетку, подошла к ней и незаметно вытащила ключ из его кармана.

Глава 5. «Грациано Малли»

Иногда Дэй приходил в себя. Стоило разлепить глаза и попытаться разглядеть хоть что-то сквозь мутную пелену, он видел перед собой Лисс. Её лицо было то встревоженным, то расслабленным и успокаивающим. Она поила его горячим отваром из горьких трав, что-то говорила. Жар лихорадки мешал Дэю разобрать слова, мешал даже пошевелиться. Все сознание заполнилось тенями, обрывками воспоминаний, прерываемыми лишь редкими приступами кашля.

Моменты бодрствования, поначалу короткие и почти неразличимые, удлинялись с каждым разом. Наконец, наступил момент, когда Дэй проснулся и почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы оглядеться.

Он лежал на соломенном тюфяке в подвальном закутке, занавешенном грубо сшитыми кусками мешковины, из-за которой пробивался слабый свет. Рядом, на сыром полу, лежали такие же самодельные матрасы, служившие Падальщикам кроватями. Сейчас общая спальня была пуста и Дэй растерялся, не найдя возле постели своей спасительницы. Он осторожно ощупал горло — воспаление будто бы пропало. Выцветший шейный платок обнаружился на перевернутом ящике, стоящем рядом. Там же была гнутая оловянная миска из которой Лисс поила его в бреду.

Привычными движениями завязывая платок, Дэй понял, что ящики, обычно встречавшиеся на овощном рынке в Гоббс-Корте, заменяли обитателям подвала прикроватные тумбочки — они стояли рядом с каждым спальным местом. Там Падальщики хранили свои скудные пожитки. Любопытно было бы узнать, что именно они в них прятали... Но Дэй сумел подавить подобное желание. Это вряд ли привело бы его к изобретению, а вот проблем прибавило бы наверняка. Он попытался встать. Ухватился за трубу, проходящую по стене позади и с усилием подтянулся. Плохо закреплённая труба дёрнулась и загудела, передавая возникшую вибрацию дальше по соединениям. Обессиленно выдохнув, Дэй рухнул обратно — перед глазами все плыло.

В ответ на шум послышались шаги и занавеска отодвинулась — за ней стоял мелкорослый паренёк лет четырнадцати. Он был одет в холщёвую куртку и кепку, из тех, что выдавали в рабочих домах Марлоу, но несмотря на это, не выглядел измученным фанатиком. Веснушки и курчавые светлые волосы придавали ему озорной вид.

Кажется, Морт называл парня «Олди». Он посмотрел на Дэя и, убедившись, что гость пришёл в себя, дружелюбно улыбнулся.

— Не пытайся пока вставать, Лисс строго запретила, — сказал он. — Можешь звать меня Джошуа. Я тоже из Падальщиков. Как твоё горло?

— Вроде бы в порядке, — осторожно проговорил Дэй, опасаясь снова услышать хрипы. Голос прозвучал слабо, но здорово.

— Это все те странные травы Лисс. Возилась с тобой как кошка с котёнком, дни и ночи напролёт. Орала на нас почём свет стоит, не позволила Крису тебя выгнать. Сказала, что теперь

ты — её личная проблема, — сообщил Джошуа. — Сейчас она работает. Разводит богатеньких простаков, притворяясь цветочницей.

— Как это — разводит? — насторожился Дэй. Доброжелательность нового знакомого казалась подозрительной, равно как и бескорыстность Лисс.

— «Благородный сэръ, купите цветок для своей дамы. Порадуйте букетом достопочтимую леди», — передразнил Джошуа тоненьким голосом, подражая девчачьей жеманной манере. — А сама — декольте расшнурует поглубже, грудь выпатит, глазками сверкнёт — и нет больше у мусье кошелька, а то и золотого колечка. Лисс это умеет. Богатеи даже не замечают пропажи. А когда хватятся — её уже и свет простыл.

— Хорошая тактика, — сказал Дэй, позволив себе усмехнуться. — Сколько же я здесь пролежал?

— Без малого два дня, — пожал плечами паренёк. — Здорово достал всех своим кашлем, спать было невозможно. Мэри не раз порывалась тебя пристрелить, но тут уже Морт вмешался. Думаю, у него на тебя есть какие-то планы. Ты жил у газоперерабатывающего завода, в конце Коук-стрит?

— Почему ты так решил? — спросил Дэй, напрягаясь. Около этого завода, низкого и обшарпанного, он обретался последние полгода. И никому не говорил о комнатке с заколоченными окнами, находящейся на первом этаже заброшенной ночлежки. Разнохай эту информацию его преследователи... Кто знает, как долго ему оставалось бы после этого жить. — Твой кашель, — сказал Джошуа. — И жар. И лихорадка. Я такое уже видел. Как-то я нанялся посыльным в лечебницу Кади, так у него была тьма обитателей с Коук-стрит. И все — с такой же болезнью. Тогда-то их ночлежку и прикрыли. Жить там нельзя — слишком близко к заводу. Он старый и трубы у него худые, дым распространяется быстро. Сернистый водород, значит, они там сжигают — двуокись серы с дымом выделяется. Ты это вдыхаешь долгое время — и вот они, симптомы. Сказал об этом доктору Кади, а тот меня и вышвырнул.

— Двуокись серы? Звучит серьёзно, — хмыкнул Дэй.

Он прекрасно понимал, что Джошуа Олди, по всей видимости, жил в этом подвале уже давно, а потому чувствовал себя здесь как дома. Паренёк не скупился на эмоции и казался любителем поболтать, но разделить его желание было сложно. Дэй считал подозрительность и осторожность необходимыми качествами, чтобы уцелеть в Старом центре Кору. Не говори лишнего, веди себя тихо — проживи ещё один день.

— И чем мне это грозит? — спросил он, понимая, что Падальщик ждёт от него именно этого вопроса.

— У тебя лёгочная болезнь, и воспаление глаз, приятель, — сказал Джошуа. — Все это излечимо, пока что. Я многого нахватался от доктора Кади, но ещё больше — выяснил сам. Травы нашей цыганочки немного помогли, однако кашель вернётся, если не принять меры.

— Какие меры?

— Не знаю, могу ли я об этом говорить, — нахмурился паренёк. — У меня возникла идея кой-какого устройства, оно должно помочь. Но Морт из меня всю душу выбьет, если я затею работу без его позволения. Он вернётся вечером, вместе с Лисс и остальными. Там и потолкуем. А пока — отсыпайся.

После того, как Олди скрылся за занавеской, Дэй послушно откинулся на соломенный матрас. Перспектива провести в этом подвале ещё один день не очень радовала. Будь у него силы, Дэй уже сегодня выяснил бы все, что ему необходимо насчёт изобретения, а затем свалил обратно в свой Феттер-Вуд на окраине города. Там он жил четыре года назад, до того, как оказался здесь, в Старом Брайпорте. Хотел по-быстрому разобраться с делами отца и не подозревал, что поиски так затянутся.

Время шло медленно. От скуки разглядывая сеть прохудившихся труб под низким потолком и отсыревшую, плесневелую штукатурку на стенах, Дэй прислушивался к звукам, доносящимся из основной части подвала. Где-то там, за занавеской, мерно бряцали металлические детальки, словно их упорно прилаживали друг к другу, помогая молотком и отвёртками. Олди что-то мастерил. Отец сказал бы, что у этого паренька есть явные задатки, чтобы стать изобретателем — тот разбирался в механизмах и в химии. Интересовался наукой, несмотря даже на бедное происхождение.

Дэй усмехнулся — он никогда не услышал бы таких слов от отца про самого себя.

Потрескивали дрова, пахло варёной морковью — значит, у Падальщиков в подвале имелся очаг. Желудок привычно отзывался на запах еды тянущей болью. Аристократы считали, что человек не способен прожить без еды дольше недели, но Дэй был готов поспорить с этим утверждением. Он привык закрывать глаза на потребности своего организма. Иногда, чтобы насытиться, ему хватало пары пригоршней воды и куска чёрствого хлеба.

«На голодный желудок соображаешь яснее», — думал он. — «А у богачей от избытка жратвы даже мозг жиром заплывает».

Ближе к вечеру начали возвращаться Падальщики. Они не совались в общую спальню, и Дэй был этому рад. Он ждал Лисс. Она должна была ему все объяснить.

Невольно вслушиваясь в разговоры обитателей подвала, он вдруг осознал, что даже после краткого знакомства хорошо запомнил их имена и манеру речи. Так, холодный и высокомерный голос выдавал парня по имени Крис, звонкий и весёлый голосок принадлежал, конечно же, Олди, а хрипло и низко звучал тембр некрасивой мадемуазель с пистолетом. Кажется, Мэри, так её звали. Среди них затерялся ещё один голос, очень уж детский. Он с лёгкостью мог принадлежать малышу лет пяти.

Все хвастались сегодняшними приключениями на улицах города и добычей — едой, деньгами и украшениями. Падальщики промышляли грабежом и обманом, как и многие бедняки, потерявшие надежды. Особо предприимчивым нищим девушкам было попроще — у них всегда находилось то единственное, что можно выгодно продать.

Не все обитатели подвала работали в Брайпорте, как понял Дэй, подслушивая беседы за занавеской. Те из них, кто выглядел опрятнее остальных и умел выставить себя в правильном свете, а это Кристиан, Морт и Лисс, частенько отправлялись в Свифт–Гарден — один из самых богатых районов Коры. Несколько кварталов там занимали монументальные особняки с балконами и террасами, а в скверах даже высаживали деревья и цветочные кусты. Растения довольно быстро погибали из-за непроницаемого смога, но аристократы тут же заказывали новые с юга. Так и получалось, что аллеи там цвели всегда.

Наконец, лязгнула задвижка люка, а в подвале послышались знакомые голоса Морта и Лисс Делисс. Цыганочка поспешно поздоровалась с друзьями, быстрыми шагами проследовала к занавеске и отдёрнула её.

— Ну как ты тут? — звонко спросила она с улыбкой. В её руках была большая, пыльная бутылка и две кружки. Девушка по-прежнему была одета в своё красное платье со шнуровкой на декольте и грязно-серым, многослойным подъюбником — другого наряда у неё не имелось. — Дэй Ридд... ведь так тебя зовут?

— Ты спасла меня, а имя даже не запомнила? — удивился Дэй.

— Имя — это обязательно условие, чтобы кого-то спасти? — насмешливо уточнила Лисс, разливая воду. Она протянула ему полную кружку. — Знаешь, когда-то у меня был старший брат, чем-то похожий на тебя. Он умер. И, кажется, от такой же болезни.

— Значит, пожалела меня? — усмехнулся Дэй, отпивая воду. На вкус она отдавала болотной тиной.

— У каждой хорошенькой девушки должны быть свои маленькие слабости, — пожалла плечами Лисс. Порывшись в складках пышной юбки, она достала из потайного кармана два маленьких свёртка. Один оставила себе, второй отдала Дэю. Он развернул его — под газетным листом оказался круглый пирожок с мясом, размером не больше женской ладони.

— Мой сегодняшний заработок, — пояснила девушка, с улыбкой наблюдая, как жадно Дэй набрасывается на первый за неделю ужин. — Не густо, конечно. Зато теперь мы с тобой не будем претендовать на общий котел этим вечером. В дни, когда выпадает очередь Олди готовить, я всегда стараюсь раздобыть что-нибудь вкусенькое. Потому что его похлёбка просто отвратительна. Попробуешь её, и поймёшь, о чем я.

— Сколько же вас здесь всего? — спросил Дэй, облизывая блестящие от жира пальцы. Мясо было ещё тёплым и очень пряным. Должно быть, Лисс Делисс отвалила пекарю приличную сумму. А может, пирожки достались ей без платы, за одни лишь симпатичные тёмные глазки, подведённые углём. Таким милovidным особам зачастую многое сходило с рук.

Лисс доела крошащееся тесто.

— Только по секрету, — шепнула она тихим, заговорщическим голосом. — Старшая — Мэри Спенс, ей двадцать шесть. Говорит, будто из богатой семьи, но я ей не верю. Кроу, — произнося это имя Лисс чуть покраснела, — тоже старше всех нас. Кристиану и Морту чуть за

двадцать. Морт здесь всем заправляет, как ты понял. Вместе с Крисом они нашли этот подвал и все здесь устроили. С Олди ты знаком. А Маркуса Фэлта — мы зовём его «Тенью» — наверняка не видел. Эти двое пришли к нам совсем детьми. Хотя и сейчас им ещё нет шестнадцати. Последний — мелкий Сэмми, ему пять. Маркус как-то сказал мне, что этот малыш — сын Мэри. Как бы там ни было, только она о нем заботится, а тот таскает у всех мелочь, будто сорока.

— Значит, всего восемь, — сказал Дэй, машинально отметив, что из всех Лисс не назвала только свой возраст.

— Восемь, включая меня, да, — кивнула Лисс, прекратив шептаться. — Падальщики обычно никого к себе не принимают, так что тебе, можно сказать, оказана честь стать девятым. В основном из-за того, что ты сам сюда попал, конечно. Такого еще не бывало. Тайный ход в библиотеке хорошо замаскирован, а люк, ведущий на улицу, всегда закрыт.

— Я не останусь здесь надолго, — проговорил Дэй, возвращая ей опустевшую кружку.

— Не говори глупостей, — упрямо сверкнула глазами Лисс. — Тебе некуда идти, и ты слишком слаб. Здесь ты сможешь набраться сил, а ещё найдёшь кров и работу. Я уже поговорила об этом с Мортом. Им с Крисом пригодился бы напарник, и ты вполне справишься с этой ролью. Только глупец отказался бы от такого.

Дэй вздохнул. У него не было потребности в друзьях и работе, пока поиски отцовского изобретения не были завершены. Опять же, ему требовалось тщательно осмотреть весь подвал, а Падальщики наверняка этому воспротивились бы. И пятеро парней, двое из которых крупного телосложения, справились бы с ним наверняка. Кто знает, возможно, идея остаться здесь на время не так уж и плоха. Днём больше, днём меньше — какое это имеет значение, когда на выполнение одной задачи и так потрачено уже несколько лет.

— Ты права, — сказал он. — Передай Морту, что я буду рад к вам присоединиться.

Лисс просияла. Забрав кружки, миску, и бутылку с водой, она скрылась за занавеской. Вскоре её приглушенный голос послышался в другой части подвала. Но слова было не разобрать из-за общего гомона. Ужин Падальщиков был в разгаре.

Вытащив из кармана отцовский блокнот, Дэй подставил замусоленные страницы под узкий луч света, проступающий из-за занавески. Большинство записей он знал почти наизусть, другие не мог расшифровать до сих пор. Отец вёл дневник хаотично, а почерк его был торопливым и неразборчивым. Зачастую, начав мысль на одном листе, он заканчивал её в совершенно другом месте. И почти никогда не указывал даты.

«Я очень взволнован. Сегодня весь наш Совет Лиры был представлен к аудиенции у Его Императорского Величества. Он лично разъяснил нам цель нашей великой работы — исследования, которое должно перевернуть мировоззрение всех жителей империи Реган. Месье Вестон, присутствующий на собрании, остался недоволен услышанным, хоть и старался не подавать вида. Надо думать, наша работа дурно повлияет на его капиталы. Все же я рассчитываю на то, что Норманд является понимающим человеком и окажет нам содействие. В свете надвигающейся бури очень важно держаться всем вместе. Как бы я хотел, чтобы все поскорее узнали!».

Вот они, строчки, которые стали предвестниками беды. Выводя эти корявые буквы и в спешке оставляя мелкие кляксы, отец ещё не знал, что Совет будет распущен всего год спустя, а простым людям так никогда и не расскажут о том, что миру осталось жить недолго. И что часовой механизм, отсчитывающий дни до конца, уже запущен.

На следующее утро он ждал, пока Лисс подаст миску с отваром из трав. Она уже принесла маленький котелок в общую спальню, и теперь тщательно размешивала его содержимое металлическим прутиком, напоминая хорошенькую ведьмочку из детских сказок матери. Дэй сел на жёстком матрасе и потянулся. Он чувствовал себя отлично для того, кто ещё три дня назад находился на пороге смерти, однако новая подруга попросила не торопиться вставать, пока он не выпьет лекарство.

Взгляд его упал на скомканный газетный лист, в котором девушка вчера принесла ему пирожок. Дэй поднял его и развернул. Бумага была сплошь в масляных пятнах, делающих её почти прозрачной, но заглавную статью ещё можно было прочитать.

«СЭР НОРМАНД ВЕСТОН ОБРАЩАЕТСЯ К ЖИТЕЛЯМ ИМПЕРИИ» — предупреждал заголовок.

«Не далее, как два дня назад, Его Величество Император говорил о том, что любое высказанное мнение имеет право на жизнь. Даже мнение его мятежного сына, принца Александра. Принц может утверждать, что дым наших фабрик несёт вред, и его прошение будет рассмотрено. Но это лишь одна сторона медали и только его взгляд на ситуацию, который, несомненно навязан правителями республики Градары.

Что будет, если закроются наши заводы? Если не станет корпорации? Миллионы людей потеряют рабочие места, начнётся голод, дефицит продуктов и предметов первой необходимости. Настанет хаос. Причём не только в империи Реган, но и по всему миру, ведь именно товары нашего производства обеспечивают большинство стран планеты. Но только один оппонент выиграет от всего этого. Республика Градара. Именно она, перехватив бразды правления, начнёт навязывать нам свои еретические правила и нормы, устанавливать безбожные законы и требования, предвзято казнить и миловать. Спросите себя: хотите ли вы такой жизни?

Вопрос, поднятый принцем Александром, касается не только якобы грязного воздуха. Он касается самой свободы. Касается всех нас с вами».

— Вы только посмотрите, он умеет читать, — шутливо проговорила Лисс и сунула ему миску.

— Пей. Только осторожно — «зелье» горячее.

— На вид и впрямь настоящее зелье, — сказал Дэй, отбрасывая газету в сторону. Подув на болотно-зелёное содержимое миски, он выпил все залпом и поморщился. Питье было ужасно на вкус.

— Зато все как моя бабка-цыганка учила, — усмехнулась девушка, забирая пиалу обратно. — Готовка мне удавалась с самого детства. Кстати, Морт хочет с тобой поговорить.

Она вышла из спальни. Дэй осторожно поднялся на ноги и, отодвинув занавеску, направился следом. Голова все ещё казалась ему тяжёлой, и не пропадало ощущение, словно он находился во сне, но походка была твёрдой.

Подвал, по крайней мере его жилая часть, оказался совсем небольшим. Дэй прошёл мимо трубы в углу, к которой был привязан в тот день, когда сюда проник, и оказался в импровизированной гостиной. Вокруг низкого квадратного столика, собранного из тех же ящичков с рынка, сидели Падальщики, кто на чем придётся. Диваны им заменяли тюки, набитые тряпьем и соломой, потёртые подушки с бахромой, продавленные коробки и даже стопки книг, украденные из библиотеки. Во главе коршуном восседал Морт на плетёном кресле, укрытом чёрной, поеденной молью, шкурой.

Здесь собрались все. Некрасивая Мэри, в своём прежнем, темно-синем, изорванном платье, курила дрянную самокрутку. Вонючий дым ничуть не смущал Олди, сидящего рядом. На нем были самодельные очки с несколькими линзами, и весь вид его говорил о том, что работать над изобретениями гораздо интереснее, чем находиться здесь сейчас. Лисс Делис развалилась на подушках между аристократичным Кристианом, вырисовывавшим кончиком трости узоры на пыльном полу, и ещё одним пареньком, незнакомым.

«Должно быть, это «Тень», о котором говорила Лисс», — подумал Дэй. Внешность Маркуса «Тени» Фэлта подходила к прозвищу. Бледнокожий и невзрачный, с растрёпанными волосами невнятного цвета, он мог легко затеряться среди толпы.

Маленький черноглазый Сэмми, перебежал от Мэри и обратно к крупному парню восточной наружности. Тот казался здесь самым старшим, и вид имел грозный — такой может убить с одного удара даже не напрягаясь. Лисс покраснела, когда называла его имя — Кроу.

— Так и будешь стоять в тени, словно шпион? — поинтересовался Морт, заметив появление гостя. Его некогда роскошный, но изрядно затасканный чёрный мундир с эполетами и высокие кожаные сапоги выдавали в нем лидера даже больше, чем его «трон».

Пожав плечами, Дэй подошёл и присел на соломенный тюфяк рядом с Джошуа Олди.

— В общем, если Брагс и дальше будет так борзеть, то... — пробасила Мэри, выдыхая очередную порцию вонючего дыма.

— Пусть засунет свои проценты себе в зад, — добавил Маркус. Они продолжали разговор, прерванный появлением Дэйа. — Мы могли бы работать на Розэ с Торн-стрит. Он берет себе куда меньшую долю.

— Конечно, почему нет, давайте кинем проверенного годами человека и начнём работать на Розэ. А то, что его «поставщики» постоянно пропадают куда-то таинственным образом, тебя не смущает? — иронично изогнув бровь, поинтересовался Кристиан, приглаживая рукой

золотисто-медные волосы. — Закрыли тему. Хватит на сегодня и того, что мы вынуждены приютить чужака. Морт, мы хотим объяснений.

— Да, — подал голос Кроу. — Хорошо бы знать, Морт, почему он ещё здесь?

— Кроу, и ты туда же? — встрепелась Лисс Делисс. — Не о чем тут разговаривать, решение уже принято!

— Кем принято, тобой что ли? — спросил Крис, насмешливо глядя на девушку сверху вниз.

— Заткнись, Кристиан, — поморщилась цыганка.

— Поцелуй меня, сладкая Кисс Делисс, и я заткнусь, — ухмыльнулся парень и шутиливо потянулся к ней. Падальщики захихикали. Бросив обиженный взгляд на всех сразу, и, в особенности на Кроу, Лисс отвесила мнимому аристократу звонкую пощёчину. Было ясно, что такие сцены в этом подвале происходят регулярно.

Морт приподнял руку и смешки утихли.

— Не торопи события, Лисс. Я ещё ничего не решил, — сказал он. — Если Дэй Ридд хочет остаться, пусть докажет, что способен к работе. Дармовой жратвы и крова здесь не будет.

— Мне это и не нужно, — протянул Дэй, мысленно вздыхая. — Как доказать?..

— Можем заставить его выгрести все дерьмо из мастерской. Поработает на нас месяц-другой бесплатно, — бесцеремонно высказался Кристиан, вновь вызывая улыбку у всех, кроме Морта и Лисс.

— Принесёшь пятидесятилетний «Грациано Малли» из загашников Хранителя до темноты, — приказал Морт. — Если справишься, вечером и отметим. Если нет, вороны позаботятся о твоих останках.

— Что ещё за «Грациано...»? — не понял Олди.

— Виски это, дурень, — пропыхла Мэри. — Хороший виски.

— Чересчур хороший. Достойный Его Величества, — добавил Кристиан. — Мы с Тенью как-то пытались его достать, не так ли, Тень? Хранитель с цепи сорвался, чуть нас не прикончил. Так что идея отличная, Морт. Пусть прихватит заодно сигар, если они ещё не совсем сгнили от старости.

— Что скажешь? — с тревогой спросила Лисс, глядя на Дэя.

— Виски так виски, — проговорил он. Выбора все равно не оставалось.

Из выбитых окон исполинского купола свешивались стебли давно высохшего плюща, где вили гнезда голуби и вороны. Среди них же в библиотеку архива пробивался тусклый свет.

Оставшиеся окна были такими грязными, что не пропускали ли лучика. Вокруг было темно и мрачно, словно день уже клонился к ночи. А ведь Дэй знал — стрелки часов не подобрались даже к полудню.

Он шёл мимо нескончаемых книжных полок, уже знакомых. Мгновением раньше за ним захлопнулась дверь потайного хода, ведущая к Падальщикам. Теперь нужно было найти заветную бутылку и вернуться тем же маршрутом. Другого способа попасть в подвал для него не было, ведь где находился второй вход — уличный люк, Дэй не имел никакого представления.

Падальщики подтвердили — Существо или Хранитель, как они его называли, был в самом деле опасен. И Дэю сильно повезло в тот раз, когда он сумел от него уйти, задыхаясь от кашля. Кем же он являлся? Таких чудовищ, должно быть, ещё не встречал никто в мире, а если бы встречал, то упоминания о них наверняка появились бы в прессе и научных исследованиях. Настоящая загадка жила в архивах Лиры. И если повезёт, то удастся найти на неё ответ.

Когда он собирался уходить, Олди шепнул ему, что у Хранителя имеются свои кладовые, которые находятся в задней части здания, за лестницей, ведущей на второй этаж. И день — это самое удачное время туда наведаться, поскольку буйствует чудовище обычно по ночам, а позже — отсыпается.

Действовать нужно было осторожно и очень тихо, чтобы его не разбудить. Дэй сверился с блокнотом, чтобы вспомнить расположение секторов библиотеки. Главная аллея вела от входа к центру, где был раздел об электрических токах и конторка Вулфа — главы архива. Значит, лестница на второй этаж должна была стать продолжением этой аллеи. Никто не стал бы её искать, блуждая по всей библиотеке.

— Я где-то рядом с ней, — одними губами прошептал Дэй, перелистывая страницы блокнота. Сейчас он находился в секторе, где гнили книги о воздушной стихии, то есть в северной части

архива, которая располагалась противоположно от входа. Лестница должна была делить сектор строго пополам. Три дня назад, убегая от Существа, он свернул в коридор на северо-востоке. Сейчас ему нужно было при первой возможности уйти вправо и держаться этого направления. Тогда, если он и не выйдет к центру, то уж точно упрётся в мраморные ступеньки.

Свечи, расставленные всюду, были заботливо кем-то погашены, чтобы не допустить пожара. И это сильно осложняло дело, ведь Дэй почти не видел, куда идти.

Громко каркали вороны, хлопали крыльями голуби, перелетая с одного стеллажа на другой.

Они отрывали клочки бумаги от книжных переплётов для своих гнёзд. За полками стрекотали сверчки, в углах копошились крысы. Библиотека стала домом для многих существ, которых за милую душу слопали бы бедняки, окажись они вне этих стен. Удивительно, что никто из людей не совался в такое огромное, пустующее здание. Не виной ли этому слухи о монстре, обитающем здесь? Такое объяснение вполне подходило набожным и суеверным горожанам. Ничего не говорило о присутствии Хранителя. Шаги Дэя по ковровой дорожке были тихими, почти неразличимыми. Он свернул вправо, как и хотел, и через несколько ярдов упёрся в тупик. Его можно было обойти, но Ридд, упрямый, как его отец, решил иначе. Не желая отклоняться от курса и снова петлять в бесконечном лабиринте, он принялся вытаскивать книги со средней полки и аккуратно складывать их на полу.

Догадка подтвердилась. Когда Дэй убрал все книги, стоящие в два ряда, за ними показалась мраморная облицовка. Но ступеньки в этом месте шли уже выше его головы — тут к ним не пролезть. Тогда он отошёл в левый угол, и принялся убирать книги там. Спустя четверть часа он нашёл нужное место. В сквозном шкафу образовался проем, через который можно было увидеть резные каменные перила и широкие ступени, укрытые пыльным ковром.

Молясь лишь о том, чтобы ничего не задеть и не произвести ненужного шума, Дэй ухватился за перила и пролез между ними. Худая, отточенная привычными голодовками фигура, с лёгкостью позволила ему проскользнуть. Он оказался на лестнице, и самая простая часть задания осталась позади.

Дэй спустился вниз, к подножию вновь представшей его взгляду горы из книг, наваленных в центре архива, поверх конторки Вулфа. В сумеречном свете она выглядела не менее жуткой. Все свечи, стоявшие на обложках и ночью создававшие иллюзию пылающего костра, сейчас были потушены, и птицы уже успели облюбовать это местечко. Прогнать их было некому. Для чего же Существо понадобилось возводить это сооружение из тысячи томов? Должна же найтись хоть какая-то логика в его действиях?

Обогнув лестницу слева, он осторожно переступил через повалившуюся в проёме дверь. Она все ещё висела на нижней петле, но открыть её уже не представлялось возможным. «Вход для служащих» — значилось на закреплённой табличке.

Стоило захватить с собой спички и хоть одну свечу — в служебных помещениях архива совсем не было окон. Идти приходилось наощупь. В этом длинном коридоре с дверями по обе стороны, гулял ветер, завывая, точно призрак. Что-то скрипело, шептало, фырчало. Под ногами хрустели куски обвалившейся штукатурки и мелкие осколки стекла.

«Не дай бог наткнуться здесь на Хранителя», — с содроганием думал Дэй. — «Иначе живым мне не выбраться».

Спустя пару шагов он стал замечать, что свет, пробивающийся из-за некоторых дверей, позволяет ему разглядеть хоть что-то. На стенах висели куски обугленной обивочной ткани и остатки сгоревших картин. Вот почему здесь до сих пор чувствовался запах гари — поэтому коридору некогда прошёлся пожар. Но случилось это очень давно.

Огонь, бушевавший здесь, не задел большую часть комнат, и быстро утих, по причине теперь неизвестной. Собравшись с мыслями, Дэй вплотную подошёл к одной уцелевшей двери и приложил к ней ухо. Все тихо.

Перед глазами предстала ещё одна металлическая табличка — «Кладовая №1». Вздохнув, Дэй аккуратно надавил на ручку и толкнул дверь вперёд. Самый опасный момент — если петли заскрипят, то ему конец.

Но дверь распахнулась бесшумно, впуская в мрачный коридор порцию скудного дневного света. В этой комнате почти все стеллажи были заняты небольшими коробочками. На них даже можно было прочитать название — «Свечная фабрика Каннингса». Дэй открыл одну из них — внутри оказались, конечно же, свечи — длинные и белоснежные, нетронутые. Несколько стеллажей стояли пустыми, а рядом с ними весь пол был усеян разворошёнными коробками.

Вот откуда брались свечи, которыми была заставлена вся библиотека. Кроме того, здесь имелись чистые листы бумаги и канцелярские принадлежности — карандаши, перья, чернила. Под окном обнаружили большие ящики со спичечными коробками. Кладовая была отлично устроена и воздух в ней был сух. Ничего из хранимых вещей не попортилось. Но виски здесь не было, и Дэй вернулся обратно.

Следующую дверь он открывал с таким же замиранием сердца — Хранитель мог оказаться где угодно. «Кладовая №2» — сообщала надпись. Петли едва скрипнули и Дэй тут же остановился. В комнате послышалось какое-то ворчание.

«Я просто псих», — подумал он, понимая, что не может уйти без этой чёртовой бутылки. И продолжил аккуратно толкать дверь. Очень, очень медленно. Дэй чувствовал, как на лбу собираются мелкие капли пота. Когда дверь сдвинулась дюймов на пятнадцать, получилось разглядеть то, что за ней находилось.

Новые стеллажи на этот раз были заставлены консервами и коробками с припасами. Пестрели этикетки старых компаний, теперь поглощённых корпорацией Вестона. «Рыбные промыслы Уэбба. Высокое качество консервации», «Рассел и сыновья. Зерновые крупы с лучших полей страны», «Сладкие, молочные, шоколадные брикеты Мадам Дорси» и многие другие. Но ужас сковал Дэя не от вида еды. В углу, на куче разворошённых мешков с углём, спал Хранитель. Чутье его не подвело.

Свет, проникающий из-за заколоченного окна, позволял разглядеть чудовище: косматые, длинные волосы, покрывающие лицо и голову, темно-серые, с серебристыми проблесками; жёлтые, почти как у человека зубы, и совсем нечеловеческой длины растрескавшиеся ногти на руках и ногах; чёрная как уголь кожа. Хранитель был гол, за исключением набедренной повязки из мешковины, и фигура его напоминала человеческую. И все же волосы, падающие на глаза и нос мешали рассмотреть его лицо.

Боясь даже пошевелиться, Дэй так и стоял в проходе. До тех пор, пока Хранитель не дёрнулся и не издал какой-то звук, похожий на стон и рычание одновременно.

Тогда Дэй резко и бесшумно, как мог, бросился прочь по коридору, забыв о виски и обо всем на свете. Было страшно, как никогда прежде. Он не верил в чудовищ, но вот одно из них находилось совсем рядом. И жизнь могла покинуть его в любой момент. Прокручивая в голове лишь одну, выдуманную сцену — как Хранитель открывает ярко-красные глаза, смотрит на него, а затем бросается с диким рёвом, Дэй не заметил, что оказался на узкой лестнице для служащего персонала.

Преодолев её в несколько шагов и поднявшись на второй этаж, он убедился — монстр не устроил погони, и только потом, прислонившись к стене, отдышался.

«Трус. Какой же я трус», — поморщился он, коря себя. Где еще хранить виски, как не в продуктовой кладовой? Теперь задание Падальщиков было провалено — вернуться он не мог. А потому открыл дверь, ведущую в следующее помещение и прошёл туда.

Зал, представший перед ним, поразил Дэя. Глядя на просторное, светлое помещение, украшенное деревянными резными панелями и огромной хрустальной люстрой, он вспомнил, для чего изначально забрался в этот архив. Изобретение отца, вот истинная цель, а не какая-то бутылка. И теперь он стоял здесь, в Зале Учёного Совета Лиры, месте, где когда-то работал отец.

Книжные шкафы, покрытые пылью и паутиной, стоящие у стен, казались совсем не тронутыми временем. В центре стоял большой низкий стол, на гладкой поверхности которого была изображена подробная карта планеты — с континентами, морями и океанами. На меловой доске, занимавшей всю дальнюю стену, ещё можно было разобрать записи, выведенные рукой какого-то учёного. Странные механизмы из меди и латуни занимали место у окна. В углу справа стоял проектор для геротипических слайдов. А рядом, вокруг высокого камина, расположились полукругом кожаные кресла с пуфами и круглый глобус на деревянной подставке.

Подумать только, именно здесь велись дискуссии и расчёты по исследованию, которое должно было изменить мир. Труд всей жизни для Бертрама Ридда — отца Дэя.

Он подошёл к камину и рассмотрел висящие на стене геротипы, стерев с них пыль. Тридцать человек, тридцать выдающихся учёных — мужчин и женщин — были изображены на одной из них. Снимок был сделан в этом же зале, напротив книжных шкафов. Дэй быстро нашёл среди них отца — четвёртого с правого края в первом ряду. Мужчина выглядел совсем молодым —

тогда ему едва исполнилось тридцать лет, и не было ни треугольной бороды, ни залысин. Лишь задор и надежда в глазах. Непривычно было видеть его в сюртуке с цилиндром, словно аристократа.

Решившись, Дэй аккуратно вытащил геротип из рамки и спрятал во внутреннем кармане жилета. Путь останется хоть какое-то напоминание об отце и доме, который у него когда-то был. Напоминание о счастливой семье...

Уходить из зала не хотелось. Здесь чувствовалась особая связь между прошлым и будущим. Между тем делом, которое являлось самым важным для отца, а теперь стало таким же важным для сына. Дэй прошёл к проектору, и, подёргав рычажки, понял, что тот ещё работает. Загорелась лампа накаливания, зашуршал механический моторчик, и на пыльном полотне появился первый слайд.

«Элизабет Шерри анализирует пробы, которые должны стать важной частью нашего исследования» — сообщала надпись рядом с геротипом молодой девушки со светлыми волосами. В белом халате, накинутом поверх платья, она работала за лабораторным столом. Фокус изображения сместился, и лицо научной сотрудницы выглядело расплывчато.

Следующий кадр: «За обсуждением насущных задач» — учёные собрались вокруг стола с картой. Эмоции на их лицах не позволяли заподозрить, что геротип был постановочным. Особенно яростным выглядел седовласый мужчина, под чьим сюртуком отчётливо выступал горб. Что-то знакомое было в его нескладной фигуре.

«Бертрам Ридд предложил формулу поглощения опасных соединений. Она будет использована при создании опытного образца». И вновь портрет отца, на этот раз в одиночку, на фоне меловой доски. Рукой, в которой был зажат кусочек мела, он указывал на сделанные им надписи.

«Вулф Лоран гордится честью ухаживать за книгами и свечами в свободное время от изысканий». На геротипе был уже знакомый сгорбленный учёный. Очень взрослый, он казался стариком по сравнению с остальными членами Совета Лиры. В руках мужчина держал зажжённую свечу и перьевую смётку для пыли. Из-за неровности зубов его улыбка больше походила на оскал.

По коже Дэя пробежал холодок. Он с ужасом оглядел растрёпанные волосы учёного, горб, кривые зубы. И вдруг понял, кем на самом деле являлся Хранитель.

Реальность мгновенно выдернула его из грёз о прошлом. Потрясённый ужасающим открытием, Дэй выключил проектор. Голова тут же закружилась, словно напоминая о еще не отступившей болезни. Чтобы не упасть, он ухватился за глобус, стоящий рядом. И только тогда понял, что его можно открыть.

Найдя задвижку и потянув её, Дэй откинул верхнее полушарие. Внутри глобуса оказался тайник, скрывающий курительные трубки, кiset с табаком и полный портсигар. Но самое главное там были две бутылки. А на бутылках надпись — «Грациано Малли».

Глава 6. Проект «Сент-Эрис»

Марлоу вернулся, едва Мари успела сесть обратно за столик и принять непринуждённую позу. В левой руке, под столом, она сжимала маленький ключ, а в правой, над тарелкой, держала вилку с наколотым кусочком персика.

— Не скучали, мадемуазель? — спросил мужчина с неприятной улыбкой, снимая со спинки стула пиджак, и просовывая руки в рукава. — А здесь, кажется, холодает...

Сердце Мари колотилось от страха, но все же она отложила вилку и улыбнулась в ответ, между делом отмечая, что зубы у напарника Ланфорда кривые, будто у крестьянина.

— Совсем нет, — протянула она, наблюдая за тем, как он отодвигает себе стул и присаживается.

— Я подумала том, что вы могли бы проводить меня до моего купе. Обед подходит к концу, как вы могли заметить.

Желая того или нет, Мари придумала план. Подобная авантюра могла бы получить достойную похвалу от Демиана — это было в его духе. Увы, он все ещё находился где-то далеко, а его

сестре тем временем приходилось вести себя совершенно несвойственно для своего характера. Но только так можно было все выяснить. Главное — не попасться.

— Боюсь, мы с вами путешествуем разными вагонами, — сказал Марлоу и допил остатки шампанского из бокала, стоящего возле его грязной тарелки. — Кроме того, в ближайшее время мы с приятелями собирались посетить мужской клуб в библиотеке.

— Как же так, — притворно огорчилась Мари. — А мне казалось, что Ланфорд совершенно точно говорил о том, что мы с вами соседи. Я занимаю купе № 8, значит ваше должно находиться неподалёку. Видите, все просто — нам с вами по пути.

— Мадемуазель, — с едва заметной иронией проговорил мужчина, наклоняясь к Мари над столом, так, что она даже почувствовала лёгкое амбре, исходящее из его рта. — Вы едете в купе №8, а я — в семнадцатом. Как вы можете понимать, наши вагоны никак не могут быть рядом. Боюсь, вам придётся идти одной, без провожатого. Уверены, что не заблудитесь по пути?

Мари жеманно рассмеялась, подражая манере Катарины Соланж.

— Ох, что вы говорите, — насмешливо сказала она, прикрывая губы ладонью в кружевной перчатке. — Какая же я несообразительная! Прошу меня простить, месье Марлоу.

Спрятав кулачек с зажатым в нем ключом в складках пышной юбки, она поднялась. Марлоу тоже засобирился. Тучный джентльмен, с которым они беседовали несколько минут назад, вновь окликнул его.

— Хорошего вам вечера, — проговорила Мари, и присев в лёгком реверансе, поспешила к лестнице. Только спустившись, она чуть выдохнула и попыталась осознать, на что именно решилась. Пока все шло отлично. У неё был ключ и номер купе. Оставалось только пойти туда и вернуть свой билет. Тогда, даже если Марлоу все же рискнёт прилюдно раскрыть тайну «фальшивой Мари», у него не останется доказательств. Никто ему не поверит. Особенно Ланфорд.

Действовать следовало немедленно, и вернуться до того, как завершится вечернее собрание джентльменов в библиотеке. Если все пройдёт гладко, а иначе и быть не может, она незаметно выронит ключ здесь, в ресторанном вагоне, когда направится в обратную сторону. Все будет выглядеть так, словно мужчина действительно его потерял.

Придерживая пышную юбку обеими руками, Мари старалась выглядеть естественной и спокойной, лавируя между рядами столов, официантами, убирающими посуду, и богатыми пассажирами, закончившими обедать. Наконец, она оказалась перед дверью в шестой спальный вагон. Купе Марлоу должно было находиться там, совсем рядом.

— Мадемуазель Норуа? — окликнул её знакомый скользкий голос. Вздвогнув от ужаса, Мари обернулась, увидев стоящего через столик от неё Марлоу.

— Вы что-то хотели, месье? — спросила она, в душе понимая, что находится в шаге от разоблачения.

— Ваше купе в другой стороне, не так ли? — осклабился Марлоу.

«Только не паникуй, Абигейл, только не паникуй», — проговорила она про себя. И улыбнулась мужчине:

— Вы раскусили меня, месье, — сказала она, сжимая побелевшими пальцами ручку двери. — Я собиралась зайти в багажный вагон. Горничная отнесла часть вещей туда, чтобы не захламлять личные покои. Прошу вас, передайте Ланфорду мои искренние сожаления в связи с тем, что ему не удалось закончить обед. Надеюсь позже встретить его в общей гостиной.

Марлоу что-то невнятно фыркнул в ответ, и резко повернувшись, пошёл в сторону библиотеки. Мари промокнула капли пота со лба тыльной стороной перчатки и зашла в спальный вагон. Оставшись одна, она неторопливо осмотрелась. Этот вагон был похож на предыдущие — в нем было два этажа, соединённых винтовой лестницей и восемь номеров. Вот только ковровая дорожка была синего цвета, а не фиолетового, как везде. Купе Марлоу оказалась вторым по счёту. Дверь из лакированного дерева венчала золочёные цифры «№ 17».

Бесшумно подойдя вплотную, Мари приложила ухо к двери. Из-за неё не раздавалось ни звука, только стук колёс создавал ощутимую вибрацию. Выпрямившись, взломщица-дилетантка посмотрела на серебристый ключ в своей руке, собирая волю в кулак. Маленький и блестящий, увенчанный искусным вензелем в виде буквы «В», он был похож на её собственный, отпирающий личные покои. Ошибки быть не могло. Вдохнув, она вставила его в замочную скважину и решительно повернула влево. Но когда ключ прокрутился лишь на дюйм и застрял в замке, стало ясно — он не подходил.

— Ничего не понимаю, — одними губами прошептала Мари, уже чувствуя, что план терпит сокрушительный провал. Она пошарила рукой в потайном кармане, в поисках своего ключа, чтобы их сравнить, но нащупала пустоту. А затем вспомнила, что пару дней назад отдала свой ключ Салли. Совершенно неясно, что толкнуло её это сделать, ведь ни горничная, ни сама «мадемуазель Норуа» никогда не запирали купе. До того, как пропал билет, она была уверена, что краж в Первом классе «Виктории» можно было не бояться. Возможно ли, что Марлоу имел схожую точку зрения?

С почти угасшей надеждой на успех, Мари попыталась открыть дверь просто так. И она поддалась. Колёсики послушно заскользили по рейкам, открывая путь в купе.

Покои сотрудника корпорации Вестона казались слишком малы для того, чтобы принадлежать первому классу «Виктории» и состояли всего из одной спальни. В комнатке умещалась застеленная зелёным пледом кровать, привинченная к стене, а у окна, рядом — втиснут конторский стол, который мог заменить и обеденный, когда это было необходимо. В углу, у противоположной стены нашлось место для шкафа, небольшого креслица и столика, на который поместилась бы, разве что фарфоровая пепельница. Она там и стояла, наполовину заполненная пеплом и сигарными окурками.

Замерев на пороге, словно испуганный зверёк, Мари смогла прийти в себя лишь тогда, когда на втором этаже раздались чьи-то шаги. Спихватившись, она торопливо зашла внутрь и прикрыла за собой дверь. Аромат в купе Марлоу стоял неприятный. В воздухе смешались запахи старой бумаги, недокуренных сигар и, почему-то, лакрицы.

Стол состоял из письменной поверхности с узкой полочкой над ней, и четырёх ящиков — два из них были приоткрыты. Вся столешница была завалена документами. В единственном свободном уголке примостилась открытая, заляпанная чернильница с воткнутым к ней растрёпанным пером, и тарелка с недоеденным завтраком. Куски мяса, политые застывшим жирным соусом, уже заветрились и приобрели противный запах. Мари поморщилась. В том, что Марлоу не являлся опрятным человеком, она уже убедилась за обедом, но то, что он не жаловал слуг стало открытием.

Отложив в сторону новую газету с заголовком «СЭР НОРМАН ВЕСТОН ОБРАЩАЕТСЯ К ЖИТЕЛЯМ ИМПЕРИИ» — сейчас не было времени читать её, Мари принялась разбирать бумаги. Возможно, билет лежал между ними.

Там были отчёты и счета, принадлежащие «Дисциплинарным домам Марлоу», а также письма от человека по имени Гион. Мари вспомнила — это имя она уже слышала раньше, в вагоне бедняков. Так звали священника, который собирал тысячи людей благодаря своим праведным учениям.

«Мы не можем утверждать наверняка, дражайший Марлоу, что постояльцы ваших домов обретут свет в душе, но то, что их работоспособность повысится, а, следовательно, увеличатся и наши доходы — гарантированно», — содержалось в одном из писем Гиона. Заподозрив неладное, она скользнула глазами по одному из отчётов. Цифры в графе прибыли показались невероятными. Марлоу и этот «великий» проповедник были заодно! Вот вам и надежда для всех обездоленных! Передёрнув плечами от омерзения, Мари принялась за ящики. Но и там были одни лишь документы, ничего больше. Закончив с поисками, она отошла на приличное расстояние, и убедилась в том, что беспорядок на столе выглядел так же, как и раньше. После чего ещё немного выдвинула второй ящик. Теперь идеально.

Под кроватью обнаружился чемодан. В нем Мари нашла одежду, внушительной толщины кошелек и три бутылка с красно-бордовой жидкостью — этикетки с них были сорваны. Тогда настала очередь стенового шкафа. Она распахнула правую створку и с удивлением отпрянула назад. Здесь был спрятан проход в тесную уборную. На раковине, рядом с зеркалом, стояла ещё одна склянка с кровавым содержимым. Должно быть, Марлоу принимал какое-то лекарство. За второй створкой шкафа были полки. Все они, по большей части, заставлены бутылками с дорогим спиртным — закрытыми или уже початыми. На одной полке лежало несколько упаковок сигар, привезённых с островов Куантаис. А рядом с ними — револьверные патроны. Само оружие, по всей видимости, было у Марлоу с собой. Мари стало не по себе. Быть неприятным человеком — это одно дело. Но быть неприятным и вооружённым одновременно — уже синоним опасности. Особенно для той, которая только что полностью обшарила его купе.

Билета нигде не было. Мари беспомощно огляделась. Может, она что-то пропустила? В комнате могли находиться тайники или скрытые ящики, о которых она не знала. На секунду захотелось задержаться, и осмотреть все более вдумчиво.

Но Мари знала — время поджимает. Если будет медлить, то её точно обнаружат. Она итак пробыла здесь дольше, чем следовало. Вздохнув, она покинула мрачное убежище конторщика и вышла в общий коридор.

Поиски не дали ничего, кроме понимания, что дела в стране обстоят ещё хуже, чем считали жители деревни Лан-Лайн. Медленно проходя вперёд по вагону, Мари думала о том, для чего предназначался этот маленький ключ, выпавший из кармана Марлоу. Это вдруг показалась ей очень важным, словно он мог разом открыть все тайны.

Она собиралась найти билет, но вместо этого наткнулась на объяснение, почему Демиан считал людей Вестона опасными. Брат не мог бояться их просто так. Должно быть, ему угрожали. Что, если Мари сможет помочь ему, находясь здесь, в «Виктории»?

«Багажное отделение», — догадалась Мари. Ключ не подходил к двери купе, но, возможно ли, что он откроет ячейку Марлоу в багажном отделении? Окажись судьба благосклонной, она вернёт пропавший билет. А если его там не окажется, то она попробует разузнать что-нибудь ещё, чтобы помочь Демиану. Решено. Стоило попытаться вновь.

Подхватив юбки, Мари шуршащим ветерком проскользнула по двум следующим вагонам, встретив по пути лишь двух горничных. Служанки даже не обратили на неё внимания, оживлённо переговариваясь о чем-то своём. Багажный вагон был открыт.

Оказавшись внутри, Мари поёжилась от пронзившего её внезапного холода — радиаторы здесь не работали. Окна были занавешены плотными кожаными ролетами так, что не проникало ни лучика света. Немногочисленные лампы накаливания плохо справлялись со своей задачей. Все это напоминало о первых днях поездки.

По правую сторону располагались стеллажи, явно принадлежавшие кухне — там стояли ящики и мешки с провизией. Многие из них уже были пусты, что не удивительно, ведь путешествие подходило к концу. Кора должна была стать конечной станцией.

Мари не знала, как часто повара навещают свой продуктовый склад, и ей стало тревожно. Здесь за обыском её мог застать кто угодно. Ячейки пассажиров находились справа. Некоторые из них были совсем крошечными, будто для дамской сумочки, другие же — в полвагона высотой. Некоторые из них закрывались стальными решётками, из-за которых раздавалось отчётливое рычание и возня — в них провозили животных.

В специальные рамки были вставлены бумажки с номерами купе, и Мари без труда нашла ячейку, принадлежащую Марлоу. Она была небольшой, прямоугольной.

«Что ж, если ключ не подойдёт и здесь, то я просто вернусь к себе», — подумала Мари. Но в этот раз все получилось. Замок открылся с лёгким щелчком и за тонкой дверцей оказался дипломат для бумаг. Неужели, очередные счета? Казалось, Марлоу был просто помешан на своей работе, раз возил с собой такое количество документов.

Но делать было нечего — Мари вынула дипломат, прикрыла ячейку так, словно она была ещё заперта, и спряталась за стеллажом в дальнем конце вагона. Присев на пол рядом с небольшой зарешеченной ячейкой, из-за которой доносилось тихое поскабливание, она положила дипломат перед собой и открыла его. Внутри действительно была картонная папка с бумагами. Но в этот раз — с совсем другими.

В багажном вагоне Марлоу прятал досье на каких-то людей. Всего их насчитывалось тридцать — Мари пересчитала два раза. Имена, мелькающие в заголовках были ей незнакомы. Вулф Лоран, Арчибальд Гримсби, Кейн Селлерс, Аманда Пуатте... Большинство из них были перечёркнуты чернильными крестами, словно росчерками острого лезвия. И это от чего-то казалось пугающим. Но самой жуткой оказалась последняя строчка анкет, иногда пустая, а иногда содержащая такие слова, как: «устранён», «мёртв», «пропал без вести» и «больше не представляет угрозы».

Поистине, темными делами занимался Марлоу в корпорации. Выбрав наугад одно досье, Мари принялась читать.

«Бертрам Ридд, 53 года.

Семейное положение: неизвестно

Дети: неизвестно

Учёный статус: магистр Техники и технологии, доктор Химических наук, изобретатель.

Положение в Совете Лиры: куратор проекта «Сент–Эрис»

Далее шла краткая биография учёного, но не нашлось ни его геротипа, ни словестного описания. Прочитав о том, как именно мужчина добился успехов в науке и стал одним из тридцати учёных, входящих в Совет Лиры, Мари пробежалась глазами по последнему абзацу: «Исчез после «дня С». Представляет исключительную угрозу для империи. Требуется НАЙТИ И УСТРАНИТЬ НЕМЕДЛЕННО». Крест на анкете отсутствовал, а значит, мужчина ещё был жив.

По спине пробежал лёгкий холодок. Все тридцать учёных занимались проектом «Сент–Эрис». Что же там могло произойти? Мари взяла в руки следующую бумагу и не поверила собственным глазам. Ей пришлось перечитать дважды, пока смысл написанного дошёл до мозга. В заголовке стояло имя: «Элизабет Шерри», а сама анкета была перечёркнута. Не видя почти ничего из–за слез, вдруг захлестнувших её, Мари выхватывала из контекста отдельные слова.

«Элизабет Шерри, 42 года.

Семейное положение: замужем

Дети: дочь и сын, близнецы, 20 лет

Учёный статус: доктор Химических наук, специалист по Естественным наукам

Положение в Совете Лиры: аналитический контроль проб для проекта «Сент–Эрис».

МЕРТВА, УГРОЗЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ».

Как такое могло произойти? Выходит, Мари не знала о своей матери совершенно ничего...

Элизабет была учёным, участвовала в каком–то секретном проекте, и находилась под пристальным вниманием корпорации Вестона, а её дети даже не подозревали об этом, считая её обычной домохозяйкой. Жили тихой и мирной жизнью в глухой деревне.

Мари утёрла слезы, осенённая внезапной мыслью. Демиан! Что, если его исчезновение было как–то связано с прошлым матери? Отсутствие прощальной записки, уговоры родителей не искать его, а затем предупреждение от брата — «опасайся людей Вестона». Все сходится. Вот та самая ниточка, за которую следовало ухватиться! Отец, мать и Демиан знали нечто страшное, о чем никогда не говорили Мари–Абигейл.

Кто–то, стоящий рядом, картинно откашлялся. Мари замерла от ужаса. Поражённая открывшейся истиной, она совсем забыла о времени, и о том, что её, возможно, могли обнаружить.

Медленно она подняла голову на источник звука и увидела Марлоу.

— Какая печальная картина, — ухмыльнулся мужчина. — Леди, вся в горячих слезах, сидит посреди разбросанных на полу бумаг... Нашли для себя что–нибудь, мадемуазель Норуа? Сглотнув возникший в горле ком, Мари успела заметить, как рука Марлоу мягко легла на кобурю на поясе. Он убьёт её прямо сейчас!

— Собираетесь и меня устранить, месье? — выпалила она, вскакивая на ноги и толкая Марлоу. Ошарашенный мужчина повалился на мешки с мукой. Мари тем временем подхватила юбки и бросилась к выходу. Бегать по поезду ей было уже не привыкать, но подобной силы она от себя не ожидала.

Дёрнув ручку, она открыла дверь и заскочила в спальный вагон, судорожно оглядываясь в поисках того, чем можно заблокировать мерзавцу путь. Около неё в недоумении замерла горничная, мывшая пол.

— Дайте сюда, — прошипела Мари, отнимая у неё швабру. В глазах служанки отразился ужас, и она убежала прочь, не желая связываться с неадекватной аристократкой.

Мари тем временем приладила дrevко таким образом, чтобы дверь в багажное отделение было невозможно открыть. И сделала это вовремя — ручка бешено задёргалась. Теперь появилось несколько минут, чтобы спрятаться. Сейчас это было главным.

Она побежала по мягкому ковру, хватаясь за поручни вдоль окна для равновесия. Поезд качало — они входили в поворот. Что же подумает Ланфорд, когда узнает о том, что она натворила? И Катарина Соланж, и модистка Зои Ларга... Вот что значит, впустили деревенскую простушку в первый класс! Её теперь наверняка вышвырнут с поезда, как тех офицеров.

«Забегу в своё купе, захвачу чемодан и папин цилиндр», — соображала Мари, рывком открывая дверь в следующее купе. — «И постараюсь пробиться в бедные вагоны. Где угодно сейчас будет безопаснее, чем здесь!».

Растолкав компанию богачей, возникших на её пути, она мчалась к вагону–ресторану. Марлоу не спешил догонять её. Можно было предположить, что он до сих сражался с заблокированной ручкой.

Ох, и нужно же было все так испортить! Разрушить такую красивую сказку... Пробегая мимо удивлённого кондуктора, Мари горько усмехнулась — то, что она выяснила лишь подтверждало — все вокруг было нереальным. Блестящее золото оказалась позолотой, а богатые господа — убийцами. Демиан был прав тысячу раз, когда советовал ей не связываться с ними! Но месье Ланфорд... Единственный, из-за кого не хотелось покидать это место. Жалко, что все так получилось.

Мари избавилась от ключа–улики в вагоне–ресторане, как и хотела, предварительно вытерев его о ткань юбки. Шанс мал, но вдруг Марлоу не сможет доказать её причастность к преступлению?

В следующем спальном вагоне, она поумерила темп, начиная задыхаться в тугом корсете. Шагая торопливо, но уверенно, она кивала и улыбалась, проходящим мимо знакомым богачам, желая только одного — как следует отдышаться. И лишь оказавшись в своём вагоне, она вновь перешла на бег. Вцепилась в ручку купе, резко отодвинула дверь, намереваясь стрелой метнуться сторону спальни и... остановилась на пороге. В её гостиной сидели Ланфорд и его валет, Орсон.

— Мадемуазель? — мягко улыбнулся месье Броуди. Её растерянный и взъерошенный вид явно позабавил его.

— Прошу прощения, — прошептала Мари, чувствуя, как с лица отхлынула кровь. — Чем я обязана вашему визиту?

— Месье Марлоу передал мне ваши слова, о том, что вы хотели бы встретиться со мной, — ответил мужчина как ни в чем ни бывало. — Что же вы встали на пороге, прошу вас, проходите...

На ватных ногах она пошла вперёд по ковру и присела на диван рядом с Ланфордом. Случись это получасом раньше, она благодарила бы небеса за такой чудесный сюрприз. Но теперь появление мужчины стало для неё огромной стеной, выросшей на пути отступления. Следом за ней, в дверях возникла горничная Салли. Бежать больше было некуда. Все дороги перекрыты. — Салли, — обратился к девушке месье Броуди. — Принесите нам каких-нибудь коктейлей, с подходящими закусками. А мадемуазель, наверняка пожелает фруктов и шоколаду.

Горничная кивнула.

— И проследите, чтобы нас никто не беспокоил, — добавил мужчина. Салли ушла и плотно затворила за собой дверь. Мари едва слышно всхлипнула, и сама не заметила, как слезы закапали на лавандовую ткань платья. Она представляла, как разъярённый Марлоу выламывает дверь багажного отделения, мчится по коридорам, паля из револьвера по всем, кто встретится на его пути, а затем врывается сюда. Ланфорд забеспокоился.

— Мари, милая, что с вами?

Она в отчаянии замотала головой и от того только больше разрыдалась. Никак нельзя было рассказать ему о том, что произошло! И о том, что сейчас им всем, возможно, угрожает смерть... Месье Броуди обнял её как маленькую, прижав к себе, и принялся успокаивать.

— Марлоу, — наконец проговорила Мари, не в силах противиться такому открытому проявлению чувств. В животе затрепетали нежнейшие крылья бабочек. Чувства к Ланфорду были взаимными, и теперь она это знала.

— При чем здесь он? — удивился мужчина, поглаживая её по голове.

— Я, кажется, совершила ужасную ошибку, — всхлипывая, сказала Мари, приготовившись врать. — Марлоу мог меня абсолютно неправильно понять, а я ведь всего лишь нашла его вещь и пыталась выяснить, чья она. Теперь я словно воровка...

— Ну же Мари, не стоит из-за этого так расстраиваться, — рассмеялся месье Броуди, — Я прослежу, чтобы Марлоу не досаждал вам из-за подобных мелочей.

Мари вздохнула с облегчением, но не могла успокоиться раньше, чем ситуация с Марлоу будет полностью исчерпана. В эту же минуту вернулась Салли с подносом, заставленным посудой. Так, на столе возле дивана появилось большое блюдо с мясными и сырными закусками, ваза фруктов, а ещё кубики шоколада в золочёной коробке с гравировкой. Но самое главное — служанка принесла большой кувшин с изумрудно–зелёным содержимым. К нему полагалась креманка со взбитыми сливками.

— Отличный выбор, — похвалил Ланфорд, разливая коктейль себе и Орсону в низкие стаканы, а Мари — в хрустальный фужер. — Салли, я попрошу вас остаться снаружи, и убедиться в том, что непрощенных гостей не будет.

Наблюдая за тем, как горничная кланяется и вновь уходит, Мари подумала, что в последней фразе Ланфорда прозвучала отчётливая угроза. Но на кого она была направлена? На Марлоу? Что-то тут не складывалось. Стоило бы поговорить с ним откровенно, но только не в присутствии Орсона.

— Советую вам добавить сливок к коктейлю, — улыбнулся Ланфорд, потягивая свой напиток без всего. — Они принесены для вас.

Мари благодарно кивнула, и, зачерпнув ложкой горку белоснежной сливочной пены, увенчала ей свой фужер. Изумрудная жидкость, в сочетании с белой ванильной шапкой смотрелась изумительно красиво. Но на вкус коктейль оказался ужасным. Попробовав его, Мари закашлялась — он был очень крепким, с привкусом аниса, мёда и мяты. Месье Броуди только рассмеялся, заметив её недовольство.

— Пара глотков, и вы привыкните, уверяю вас, — сказал он с лёгкой усмешкой. —

Продолжайте пить.

Выполнить его пожелание было непросто. Мари старалась делать глотки как можно меньше, и набирать в рот больше сливок, чем самой жидкости, однако даже не заметила, как фужер опустел наполовину. В голове приятно шумело, а по телу разлилось тепло, какого обычно не бывало после пары бокалов шампанского. Ланфорд рассказывал о чем-то, кажется, о своих путешествиях, но это было не так важно, как то, что можно было сидеть с ним с обнимку, в нарушении всех правил приличия. И присутствие Орсона перестало смущать.

— Мари, я внезапно понял, что знаю о вас слишком мало... Гораздо меньше, чем хотелось бы, — сказал месье Броуди, ожидая, пока валик подкурит его сигару.

— Я уже рассказала вам свою историю, месье, — протянула Мари, откидывая голову на подушку. — Моя жизнь гораздо скучнее вашей.

— Вот уж в чем я не уверен, — хмыкнул мужчина. — И все же, расскажите мне о вашей семье.

— Моя мачеха умерла, — сказала Мари, и вдруг поняла, что язык её начал заплетаться. —

Точнее не так. Моя мама умерла, а мачеха забрала все. И выгнала меня.

— Постойте, а разве мачеха выгнала вас не после смерти отца? — подал голос Орсон.

— Не мешайте ей, прошу вас, — снисходительно произнёс Ланфорд. — Не то, не дай бог, мадемуазель вновь расстроится.

— Отец тоже умер, — проговорила Мари и поспешно вернула пустой фужер обратно на стол. Такой эффект опьянения ей определённо не нравился. Чтобы чем-то отвлечь себя от алкоголя, она взяла из вазы апельсин и принялась его чистить. — Месье Броуди, расскажите лучше о вас.

— Как пожелаете, — пожал плечами Ланфорд и залпом допил содержимое своего стакана, а затем отдал недокуренную сигару слуге. — Я родился в семье лоточника. Мы с семьёй тогда жили на границе Свифт-Гарден — одного из самых богатых районов Коры. Помню, как смотрел на ребят своего возраста, таких разодетых франтов, и завидовал им. Когда мне досталось дело отца после его смерти, я продал нашу скромную квартиру и арендовал на эти деньги лавку сладостей. Она стала пользоваться спросом у богачей, и вскоре мы с матерью и двумя сёстрами смогли ночевать не в чулане магазина, а квартире над ним. Позже я купил небольшой заводик, ну а дальше...

— До вас добрались загребущие руки Вестона, — подхватил Орсон, очевидно, знающий эту историю наизусть.

— Да, Вестон купил моё производство, и я стал просто управляющим. Зато через несколько лет смог высоко подняться по карьерной лестнице, — закончил мужчина и довольно усмехнулся.

— Значит, вы из бедной семьи. И так спокойно об этом говорите? — поразилась Мари, подставляя руку, чтобы помешать Орсону вновь наполнить её фужер. Но слуга все-таки изловчился, и новая порция коктейля была подана.

— Не понимаю, чего именно я должен стесняться, — сказал Ланфорд, и украсил её напиток сливками.

На душе у Мари потеплело — теперь она знала, что они с месье Броуди не были неравными по положению. И где-то в самой глубине души у неё зародилось дерзкое, отчаянное желание... Но таких сказочных историй, в этом мире, увы быть не могло.

— Я бы хотел поднять тост, — проговорил мужчина, поднимая свой стакан повыше. — За равные возможности!

Улыбнувшись, Мари отложила в сторону апельсиновые корки, которые теребила в руках, и взяла фужер за тоненькую ножку. Они звонко чокнулись.

— Пьём до дна, — добавил Ланфорд, пристально глядя в глаза Мари. Когда стаканы и фужер были опустошены, разговор возобновился.

— Так что же, мадемуазель, — сказал Орсон. — Вот у месье Броуди были сестры. А у вас как с родственниками?

— У меня больше никого нет, — мягко возразила Мари, прикладывая пальцы к виску. После второго коктейля голова начинала ощутимо кружиться.

— А как же ваш брат? — спросил Ланфорд.

— Какой брат? — переспросила Мари. Ей вдруг захотелось выйти на свежий воздух, но она хорошо понимала, что сделать это в поезде никак не получится.

— Ваш брат, к которому вы едете, — пояснил Орсон. — Вы сами говорили об этом, несколькими днями ранее.

Мари перевела растерянный взгляд с одного мужчины на другого. Беседа перестала казаться ей приятной и стала походять на допрос.

— Простите меня, джентльмены, но боюсь, я уже очень устала. И за окном совсем темно, — пролепетала она. — Возможно, вы могли бы оставить меня...

— Нет, не могли бы, — резко выпалил Орсон, с угрожающим видом поднимаясь на ноги. — Месье Броуди, если девушка не понимает по-хорошему...

Ланфорд шумно вздохнул.

— Что происходит, месье? — испуганно спросила Мари. Она начала понимать, что это вечернее суаре было устроено не просто так. Неужели, Марлоу, успел рассказать им обо всем заранее?

— Орсон, оставь нас, — ледяным тоном приказал Ланфорд. Мари прежде не видела на его лице подобного стального выражения. Затаившись, как мотылёк, накрытый ладонью, она проследила взглядом за тем, как он провожает своего слугу и закрывает за ним дверь.

— Абигейл, — протянул он, повернувшись. — Давайте серьёзно.

— Вы знаете кто я? — дрожащим от напряжения голосом спросила Мари. — Давно?

Лицо Ланфорда чуть смягчилось, когда он подошёл и сел рядом с ней на диван.

— С самого начала, — сказал он, глядя ей в глаза. — Абигейл, дышите спокойно, я не причиню вам вреда. Вы меня понимаете?

— Пытаюсь понять, — прошептала Мари. — Откуда вы узнали?

— Ваш брат, Демиан — преступник. Он украл у корпорации нечто очень важное. Мы разыскиваем его уже три года. Когда Орсон ходил в купе бедняков, чтобы узнать подробности о бунте, он увидел вас и узнал. Вы с братом — одно лицо.

— Вот почему вы пригласили меня в ваше купе... — протянула Мари, стараясь не расплакаться вновь. Какой же она была душой, когда повелась на всю эту сказочную золотую мишуру!

— Ваш билет, который вы ищите весь сегодняшний день, — безжалостно продолжил Ланфорд.

— Салли принесла мне его в первый день вашего здесь пребывания. А Марлоу нарочно выронил ключ за обедом, чтобы вас проверить.

— И что теперь со мной будет?

— Абигейл, — печально улыбнулся Ланфорд, нежно проводя рукой по её волосам. — Все будет хорошо, если вы пообещаете лично мне не творить больше никаких глупостей. Вы небезразличны мне, поверьте. Но Марлоу, Орсон и сам Вестон — жаждут вашей крови. Пообещайте мне, Абигейл, и я смогу вас защитить.

— Я обещаю, — тихо сказала Мари.

— Разумный выбор, — чуть усмехнулся Ланфорд, и, поцеловав её в лоб, поднялся. — Мы прибудем в Кору через два дня, и все станет по-другому.

Когда он вышел, стал слышен звук поворачивающегося в замке единственного ключа. Так Мари вновь стала Абигейл Шерри и оказалась в ловушке.

На земляном полу, вокруг почти прогоревшей свечи были разложены плесневелые фолианты. Среди зеленовато-серых пятен налета пестрел мелкий рукописный шрифт, выведенный в стародавние времена неизвестными учеными мужами. Пергаментная бумага еще сохранила яркие гравюры, рассказывающие об утраченных эпохах и фантастических существах, забытых открытиях и опасных приключениях.

Наедине с этими книгами можно было провести не один вечер, расположившись в широком кресле у жаркого камина в кабинете отца. Но здесь, в логове Падальщиков, и речи не шло о том, чтобы уделить им должное внимание. Все, на что могли рассчитывать умирающие труды — это мимолетный взгляд напоследок.

«И королевство то погибло не от руки неприятеля, а от бездействия людского. И призраки слонялись по улицам, и глазницы их были пусты, и сердца. Король—мертвец отныне властвовал над всеми», — прочитал Дэй в большой книге, которую держал в руках. История оканчивалась на печальной ноте и продолжения не было — оставшуюся часть тома кто-то оторвал, и, вероятнее всего, уже уничтожил.

— А ты не очень-то расторопен, да, Ридд? — фыркнула Мэри, развалившись на соломенном тюфяке неподалёку. — Хочешь, чтобы мы все тут околели?

Вздохнув, Дэй отвлёкся от чтения и с треском вырвал страницу. Скомкав её в руках, он отправил легенду о призрачном королевстве туда же, куда и все остальные — в пыльную печь—толстобрюшку, стоявшую рядом.

Из дальнего угла подвала послышались рвотные потуги — Маркусу Фэлту было паршиво. Он стоял лицом к стене, опершись на нее руками и тяжело дышал. Лисс недовольно цокнула языком, а затем направилась к печке, шелестя грязными юбками.

— Не церемонься с ними, идиот! Целиком кидай, целиком! — скомандовала Мэри, продолжая наблюдать за Дзем. Лисс легко подняла с пола увесистый том и забросила его в печь, не испытав при этом, очевидно, никаких угрызений совести.

— Так они будут медленнее прогорать и тепла хватит на дольше, — сказала она. — Нет нужды экономить топливо. Этих библиотечных запасов там — как крыс.

Фэлт вновь издал утробные звуки, а затем послышался всплеск, и Лисс Делисс бросилась за тазиком и тряпкой, бормоча под нос ругательства. Дэй подозревал, что обязанность блюсти чистоту в логове лежала на ней, как на единственной девушке (Мэри была не в счет).

Цыганочка и без того сегодня находилась не в лучшем расположении духа. Как проснулась, она первым делом смочила цветастый платок в ледяной воде и сделала из него компресс, завязав на лбу, чтобы хоть как-то унять головную боль. Дэй отлично её понимал — его тоже мучало похмелье, как и всех обитателей подвала старше тринадцати лет.

Краем уха слушая Лисс, распекающую Маркуса, Дэй подкинул в «толстобрюшку» ещё три книги. Он заставил себя не думать о том, что уничтожает редчайшие экземпляры древней литературы, после чего сложил оставшиеся «дрова» в импровизированную поленницу в углу кухни. Там, один на другом, дожидались своей участи десятки томов. Некоторые из них уже были разорваны на куски.

— Олух ты! — рявкнула из угла подвала цыганочка, в очередной раз прогрев Фэлта половой тряпкой. — Какого рожна ты скурил сигару, если знал, что из-за нее тебе так поплохеет?!

— Прости, Лисс, прости... — блеял «Тень». — Это была последняя, я занюхал! Мне никогда еще не доставалась целая, вот я и решил, тайком...

— Вот потому и не доставалась! Мал ты еще, чтобы всякой дрянью без меры травиться! — Лисс швырнула тряпку и тазик в рвотную массу, которая уже начала впитываться в землю, — С места не сойдешь, пока все здесь не высоблишь!

Падальщики кутили два дня подряд, до этого утра. Когда Дэй только вернулся с добычей — бутылками пятидесятилетнего виски, сигарами и табаком с трубками, ему не сразу поверили. Но убедившись в том, что это не подделка, ребята принялись чествовать новичка, словно героя. Они пили и смолили во всю. Драгоценный «Грациано Малли», который даже в богатых домах пили по неполному бокалу раз в неделю, закончился уже через два часа. Затем Кроу притащил откуда-то бочонок крепкого джина, и веселье продолжилось. Морт был не очень рад подобному стечению обстоятельств, но в конце махнул на все рукой, решив, что небольшой отдых не повредит.

Дэй почти ничего не рассказал о том, как именно добыл дорогое пойло, и Падальщики принялись строить предположения, одно невероятнее другого. В итоге даже Кристиан согласился с тем, что идея Лисс — принять его в команду, была удачной.

Для Дэя, который только делал вид, что пьет, это была отличная возможность понаблюдать за новыми знакомыми и разведать подвал. Подземный этаж был таким же огромным, как и площадь библиотеки, а вот жилая часть оказалась небольшой, в виде буквы «П» с закутками для общей спальни и кухни; гостиная располагалась между ними. Всего здесь было три двери: одна — из спальни в нужник, и две из кухни, ведущие, по словам Олди, «в темный коридор и на склад». Последние запирались на простые навесные замки, взломать которые не представляло особой сложности.

Морт застал его крутящимся возле этих дверей и смерил подозрительным взглядом, в котором не было и намек на опьянение, потому пришлось вернуться в гостиную. Там, в клубах сигаретного дыма, словно в тумане, полулежала Лисс на плетеном кресле главаря. Одну ногу она перекинула через подлокотник так, что юбка задралась и обнажила голень с лодыжкой. В руке цыганочка изящно сжимала оловянную кружку с виски, словно это был хрустальный стакан, и не сводила масляных глаз с Кроу, сидевшего рядом на соломенном тюфяке. Парень что-то рассказывал ей, жестикулируя мускулистыми, волосатыми руками.

Все ее лицо будто бы светилось от восхищения, смешенного с искренней нежностью. Дело здесь было вовсе не в захватывающей истории. Но Кроу, увлекшись повествованием, не замечал ее чувств. Дэю стало жаль Лисс Делисс и он присел рядом.

— Кроу расписывает, как он в одиночку разделался с бандой «Змееголовых», — довольно сообщила Лисс. — Послушай и ты тоже, Дэй!

Весь рассказ состоял из фраз вроде «врезал по роже», «пнул ботинком» и «отмудохал по полной», потому Дэй довольно скоро утратил нить повествования. Кроу вел себя соответствующе грозной наружности, и его роль среди Падальщиков казалась однозначной. Он был бойцом-вышибалой, другого не требовалось. И только милая Лисс разглядела в этом громиле нечто большее.

Прервав Кроу, на стопку книг возле тюфяков повалилась пьяная Мэри, проходившая мимо. Чудом не покалечившись, она поднялась, оглядела всех троих мутным взглядом и хрипло расхохоталась.

— А я, между прочим, когда-то была аристократкой! — заявила Мэри, грузно садясь рядом. Она попыталась выпрямить спину и принять элегантную позу, как это делали знатные дамы, но выдала лишь жалкую пародию на леди. Достав из-за шали на поясе одну из своих вонючих самокруток, она закурила. — Вы что... не знали этого?

— Постыдилась бы, Мэри, — поморщилась Лисс, махая перед лицом рукой, чтобы разогнать едкий дым. — Я много лет работала на семью Ларга, и ни разу не слышала об аристократах по фамилии Спенс!

— Это все потому что... ик! Потому что родичей моих поубивали всех, а особняки разграбили! Да, мы были очень, очень богаты! — распялась Мэри. — Все у нас было, все что хочешь! Золотишка — полные комнаты, жратвы — во-о-о сколько! А наряды то, наряды...

— И что же, от такого богатства совсем ничего не осталось? — едко усмехнулась Лисс, залпом допивая свой виски. — Маленькую Мэри выкинули на бедные улицы в чем мать родила...

— А вот и выкинули! — прокричала Мэри, вскакивая на ноги. — Выкинули, представь себе, черномазая ты дрянь!

Она отбросила недокуренную сигарету в сторону, и уже готова была ринуться на миниатюрную Лисс. Дэй предусмотрительно подвинулся ближе, чтобы заслонить ее, но Кроу решил поступить иначе. Он неторопливо поднялся, подошел к Мэри, которая была ниже его всего на пару дюймов, похлопал по плечу и что-то сказал. Выражение лица Падальщицы чуть смягчилось.

Отводя ее к спальне, Кроу обернулся на Лисс и подмигнул ей. Цыганочка растянула губы в благодарной улыбке, которая исчезла сразу же, как парень пропал из поля зрения. Она сердито посмотрела на Дэя.

— С этой Мэри всегда так, — сказала она. — Несколько лет она сидела на настойке опия. Говорили, что душу готова за нее продать, не только все остальное. Вот рассудок и повредился, видимо.

— Тогда зачем Мэри нужна Падальщикам? — спросил Дэй, понимая, что на самом деле все не так просто, как хочет выставить рассерженная Лисс.

— Да она уже несколько лет как не употребляет! Эти самокрутки помогли ей избавиться от зависимости. То что, что она теперь пристрастилась к ним — другой вопрос, — неодобрительно покачала головой Лисс. — Мэри неплохо смыслит в цифрах, лучше всех нас. И это — ее единственное достоинство.

— Думаешь, она не могла быть аристократкой?

— Да ты посмотри на нее, Дэй! Ни внешности, ни манер. Родила Сэмми неизвестно от кого, и делает вид, будто это нормально. — Лисс вздохнула, — Хотя... Богатая семья, у которой я служила — не лучше.

— А что у тебя с ними произошло? — поинтересовался Дэй, и, тут же осекшись, коснулся ее руки. — Прости, что спрашиваю. Это глупо. У всех нас прошлое состоит из печальных историй. Лисс повертела в руках оловянную кружку и попыталась из нее отпить, но та оказалась пуста — виски закончилось. За новой порцией нужно было идти на кухню. Цыганочка сделала вид, будто ничего не произошло.

— Не переживай, — мягко улыбнулась она, касаясь его руки в ответ. — В моей истории все не так уж и плохо. Просто я с малых лет работала горничной у одной престарелой модистки, выполняла все ее прихоти — разжигала камин, стирала белье, выносила ночные горшки... И как-то раз подхватила лихорадку. Мадам Зои была так добра, что отправила меня в госпиталь. А вот за лечение платить не стала.

— Тогда, наверное, слетелись стервятники, — предположил Дэй, осторожно сжимая ее крошечные, как у ребенка, пальцы. Кожа на них была мягкой и гладкой, словно цыганочке никогда не приходилось работать.

— Они самые, — кивнула девушка. — Из тех, кто забирает юных девушек в дома терпимости. Они предложили заплатить за лекарства и врачей, с дальнейшей отработкой. Я отказалась, и как только почувствовала себя лучше, сбежала. Но вернуться на хорошую работу без рекомендаций от мадам Зои уже не смогла.

— А как же семья?

— Бабка с братом умерли, отца я знать не знаю. Мать и сейчас, наверное, работает кухаркой в каком-нибудь большом доме. Я даже не хочу ее искать. Представляю, что она скажет, когда узнает, что ее дочь — карманница со стажем, — невесело рассмеялась Лисс.

— У меня похожая ситуация, — проговорил Дэй, заглянув в ее черные глаза. — Я тоже не могу вернуться к семье.

Лисс Делисс резко отпрянула назад и высвободила ладонь из его пальцев. Чтобы скрыть возникшую неловкость, она улыбнулась и протянула Дэю оловянную кружку.

— Принесешь еще виски? — спросила она.

Дэй едва заметно вздохнул и поднялся на ноги. Взяв кружку, он сделал пару шагов в направлении кухни, а затем обернулся:

— Почему тебе так нравится Кроу?

Цыганочка нервно огляделась по сторонам, боясь, что кто-нибудь услышит. Но никого из Падальщиков поблизости не оказалась и она смягчилась.

— С ним я чувствую себя в безопасности, — просто ответила она.

Пробираясь в сигаретном дыму и потемках до кухни, Дэй пожалел о том, что вообще решил подсесть к Лисс так близко и начать эти расспросы о прошлом. И все же, она как будто напоминала ему кого-то, вычеркнутого из памяти очень давно.

За углом, около печки, громким шепотом спорили о чем-то Маркус «Тень» Фелт и аристократичный Кристиан. Дэй замер и прислонился спиной к стене, надеясь подслушать разговор. Любая информация сейчас могла оказаться нужной.

— Ты уже забыл, чем тогда все кончилось? — прошипел Маркус. — Был страшный пожар! И вся библиотека не сгорела только чудом!

— И кто же из нас двоих в нем был виноват? — парировал Крис. — Мы живем в этом подвале уже три года! Неужели тебе не надоело? Неужели ни разу не хотелось чего-нибудь большего?

— В отличие от тебя, я на жизнь не жалею, — буркнул паренек.

— Там, наверху, — десятки отличнейших комнат, — продолжал Кристиан, выдыхая дым от сигары. — Старинные ученые приборы, дорогая мебель, позолота! Может, и сейфы какие

остались невоскрытыми! Никто не суется в Лирский архив из-за Хранителя, которого считают не то монстром, не то — дьяволом. Никто там ничего не трогал!

— А Морт-то здесь причем? — начал злиться Маркус.

— Притом, что это он приказал нам не соваться наверх! Ему нравится жизнь здесь, во мраке, холоде и разрухе! Он считает ее «безопасной»! — повысил голос Крис. — Ну какой из него лидер?! Был бы я на его месте... Бам! И нет Хранителя! Да здравствует красивая жизнь наверху! Мы продали бы все что смогли и перебрались бы в настоящий, в свой дом. Выбрались бы из этого дерьма. Ты понимаешь?!

— Ты правда думаешь, что полиция и власти будут спокойно сидеть и смотреть, как ты распродаешь вещи и мебель из архива? — спросил «Тень». — Он закрыт, а не снесен! Значит, для чего-то еще им нужен! Ты не сможешь это скрыть, тебя поймают!

— О, можешь мне поверить, я что-нибудь придумаю, — усмехнулся Кристиан. — Я найду способ устроиться в этой жизни. А ты — забудь о том пожаре! Проболтаешься кому-нибудь — вылетишь из Падальщиков первым!

— Но ты-то будешь вторым, — упрямо сказал Маркус и сделал большой шаг из-за угла, чуть не врезавшись в подслушивающего новичка.

Напустив на себя придурковатый вид, Дэй пошатнулся с кружкой в руках, будто он налил виски не меньше Мэри и слегка улыбнулся «Тени».

— Граци... Грациано еще не весь выпили? — спросил он нарочито заплетающимся языком.

— Там, на ящиках, — махнул рукой паренек и прошел мимо, ничего не заподозрив.

Неровной походкой пройдя мимо курящего сигару Кристиана, Дэй сразу же нашел бутылку, стоящую на импровизированном столе. В ней оставалось меньше половины. Он наполнил кружку целиком, понимая, что за добавкой сбегать уже не удастся.

— Чего такой печальный вид, приятель? — спросил он Кристиана, поворачиваясь обратно.

«Аристократ» неопределенно покачал головой, думая о чем-то своем, и Дэю только и оставалось, что вернуться к Лисс. Но он был уверен — спор между Падальщиками определенно не был пустой, пьяной болтовней.

В похмельное утро, когда в логове обретались только Дэй, Лисс, Мэри и Маркус стало ясно — на улице холодает. Мрачный июль стал напоминать уже не сентябрь, а конец ноября. Казалось еще немного, и пойдет снег. Но Мэри, выглянувшая на улицу, сообщила, что в Брайпорт пришли холодные ветры, и ничего более не изменилось.

Натопив печку как следует, Дэй принялся помогать Лисс с уборкой после двухдневного кутежа. Он все еще раздумывал над тем, чтобы проникнуть в помещения, скрытые за дверными замками, но для этого ему нужны были отмычки или ключи.

Не обращая внимания на вернувшиеся симптомы болезни — першение в горле и слабость, Дэй послушно поправлял книжные кипы, служившие мебелью, передвигал соломенные тюфяки и следил за тем, чтобы огонь в печке оставался жарким. Наконец, уличив удачный момент, он спросил Лисс:

— Что находится за дверьми на кухне?

— Склад и «сокровищница», — буркнула Лисс, сгребая мусор в холщовый мешок. — Только не говори никому, что я тебе рассказала. Это приказ Морта — не говорить тебе.

— Не говорить о чем? — не понял Дэй.

— О сокровищнице, — раздраженно вздохнула цыганочка, все еще мучившаяся от головной боли. — Это место, где хранится наш «общак». Морт тебе пока не особо доверяет.

— Он правильно делает, — согласился Дэй, с трудом сдерживая подступивший кашель. Все как и предсказывал Олди — болезнь стремительно возвращалась. — Значит, ключи хранятся у Морта?

— Да. Так что если ты вдруг окажешься вором или шпионом, тебе не удастся нас обокрасть, — усмехнулась Лисс, всем видом показывая, что шутит. Но, продолжив ей помогать, Дэй оставался серьезным. Он разгадал не один десяток загадок, шифров и тайных знаков в отцовском блокноте. Все они вели в подвал Лирского архива не просто так, и отец не мог бросить важнейшее изобретение на видном месте. Поиски нужно было продолжить в дальних помещениях подвала. Возможно, ему все же придется «обокрасть» Падальщиков.

Книги в «толстобрюшку» нужно было подбрасывать каждые пятнадцать минут. Этим Дэй и занимался — разбирал вновь сложенные «столы» и «табуреты» из старых фолиантов и

отправлял их на растопку. Мэри первой начала ныть о том, что нее замерзли ноги, и о том, что в общей спальне вообще невозможно находиться. Потом пару крепких слов о «собачьем холоде» обронил Маркус, и запричитала Лисс, у которой совсем не было обуви. Мороз на улице крепчал, а дрова заканчивались.

Вскоре с дела вернулись Морт и Джошуа Олди. Их добыча была невелика — пара серебряных колец, да мешок картошки.

Пока девушки и «Тень» осаждали лидера Падальщиков с жалобами на сквозняк, Джошуа отозвал Дэя в сторону кухни. Когда тот подошел, паренек снял с пояса один из четырех ключей и открыл одну из дверей.

Заинтригованный, Дэй отправился следом. Пройдя короткий, темный коридор, он оказался в просторном зале с высокими потолками. Олди зажигал свечи, расставленные на ящиках и книжных кипах и смутные очертания предметов начали обретать яркость.

Почти все пространство занимала крытая повозка вроде фургона, запряженная настоящей механической лошадью. Дэй иногда встречал таких в Брайпорте возле крупных предприятий и лавок — они считались дорогой редкостью. Забреди богач на такой серебристой красавице в трущобы... Нищие набросились бы скопом и мигом разобрали бы ее на винтики, чтобы потом продать по деталям. А вот в богатых районах стальные жеребцы катали наездников и тянули за собой многочисленные кареты.

Он подошел ближе и провел рукой по холодной гриве. Автоматон стоял, опустив голову, и казалось, что он просто спит, в ожидании новой порции заряда. Круглое клеймо «Вестон Инс.» красовалось у нее на крупе. И хоть на некоторых сочленениях уже проступили следы ржавчины, механизм еще был на ходу — Падальщики явно о нем заботились.

Дэй вспомнил, как появились эти устройства — в год мора скота, когда всем стало ясно, что животным в Коре больше нет места. Смог в столице уже тогда был гораздо плотнее, чем в других городах. Животные здесь начали болеть и умирать один за другим. Люди тоже чувствовали себя плохо. Именно тогда Вестон показал всем свою первую разработку — маски с фильтрами для воздуха. Цена на них быстро взлетела и уже не опускалась. Корпорации было выгодно продавать защитные средства от смога толстосумам. Чуть позже появились механические животные — лошади для верховой езды и упряжек, певчие птицы, и даже домашние любимцы. Аристократы должны были чувствовать себя комфортно в этом темном городе, ни в коем случае не покидать ни его. Все их капиталы должны были оставаться внутри страны и работать на благо компании.

Это произошло шесть лет назад. И хоть уже тогда стало ясно, что привычный мир для империи изменится навсегда, в других уголках страны животные все же еще могли существовать. Ну а в Коре остались лишь голуби, крысы и насекомые.

— Чудная она? — поинтересовался Олди, глядя на Дея, рассматривающего механическую лошадь. — Ты слюни-то особо не распускай, Падальщикам она не принадлежит. Это собственность нашего нанимателя. Я зову ее Люси.

— Почему именно Люси? — спросил Дэй, подходя к пареньку. Джошуа разгребал ржавый хлам на рабочем верстаке.

— Знавал я однажды одну Люси, рыженькую такую, — уклончиво ответил он. — Но эта красавица нужна нам только в особых случаях. Видишь за ней ворота? Они выходят на Коппер-стрит. Мне кажется, раньше здесь у ученых был грузовой склад. Сюда доставляли упакованное оборудование, книги, и другие вещи. Но когда я нашел это место, тут остался один лишь мусор. — Теперь тут ваш склад?

— Все называют его так. Но я считаю это своей личной мастерской, — в голосе Джошуа послышалась гордость. — Разжиться здесь нечем, да и запасов, как таковых, у нас нет. Но каждая шестеренка здесь — это мое сокровище.

— Лисс сказала мне, что ключи от склада есть только у Морта, — нахмурился Дэй.

— У Морта, и у меня, — пожал плечами Олди. — Я хотел тебе кое-что показать. Раз уж ты стал одним из нас...

Он отложил в сторону смятые чертежи и протянул новичку некое подобие цельной маски, собранной из местами ржавого, местами обожженного металла, с трубками и темными окулярами. В ней не было отверстий для рта и носа — на их месте находилось нечто вроде самодельного респиратора.

Оценив недоуменное выражение на лице Дэя, Джошуа рассмеялся.

— Ты когда-нибудь видел защитные маски богачей? — спросил он.

— Видел, — ответил Дэй, почуввав неладное. — Небольшие такие, красивые, с золотом и бриллиантами. Еще я точно помню, что они закрывали лишь половину лица.

— Ну, а здесь лицо будет скрыто целиком, — невозмутимо проговорил Олди. — У тебя есть только один способ выздороветь — перестать дышать отравленным воздухом. Я собрал эту маску из того, что было. Еще она защитит твои глаза — пройдет раздражение.

Дэй молчал, не зная, что ответить. Болезнь могла усилиться, в один миг став смертельной. Но заслониться от мира душевной маской, через которую его и слышно то скорее всего не будет...

— Не над чем тут думать, — поморщился Олди. — Ты жил на самых загрязненных улицах, приятель, где все бедняки — сплошь с кровавым кашлем, язвами и наростами. Падальщикам повезло больше — в квартале архива все не так плохо. Давай хоть примерим?

Паренек притащил откуда-то шаткую табуретку, на которую усадил своего подопытного. Он прислонил маску к лицу Дэя и ловко стянул ремни на шее и затылке.

Весь мир потемнел и стал красно-черным. Остальные цвета исчезли. В ответ на осторожный вдох в респираторе закрутились мелкие шестеренки. Выдох отозвался тихим, едва слышным шипением. Маска давила на переносицу, плотно прилегала к коже, ограничивала обзор, но воздух впервые показался свежим, немного сладковатым на вкус. Им хотелось дышать без конца, вдыхая полной грудью, и наслаждаться.

— Как в ней говорить? — спросил Дэй спустя несколько секунд. Его голос звучал приглушенно, тембром чуть ниже обычного.

— Так же как и без нее, — улыбнулся Олди. — Респиратор можно слегка приподнять на время еды. Потом он защелкивается обратно. Ну что, снять ее?

— Поживем — увидим, — пробурчал Дэй, понимая, что вновь привыкнуть к отравленному воздуху вряд ли сможет. Так же считал и Джошуа, судя по его довольному лицу.

Лисс отреагировала на новую внешность Дэя гримасой ужаса.

— Это что, обязательно?.. — выдавила она, едва он только вернулся на кухню. Передвигаться в маске было непривычно. Дэй то и дело натыкался на стены, мебель и предметы. Олди, сопровождавший его по коридору, целых три раза извинился за то, что вместо обычных, прозрачных линз, нашлись только такие.

— Можно раздобыть защитную маску, как у богачей, она симпатичнее, — усмехнулся Дэй девушке и тут же осознал, что отныне никто не увидит его выражение лица. Это было бы грустно, если бы не несло очевидной пользы. Теперь преследователи никак не смогут его узнать.

— Я поговорю об этом с Мортотом, — серьезно произнесла цыганочка, не уловив в его новом голосе иронии, и тут же умчалась в поисках лидера. Но пообщаться с ним она не успела — Мортимер объявил о начале общего собрания. Пока Дэй и Олди возились с маской в мастерской остальные Падальщики уже успели вернуться.

Усаживаясь на привычный соломенный тюфяк, рядом с Лисс, Дэй увидел на стопке книг неподалеку свежую газету.

«ПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАЦИИ ВЕСТОНА СЪЕЗЖАЕТСЯ В КОРУ» — гласила заглавная статья.

Подвинувшись к ней, он смог разглядеть геротип, на котором был изображен пышный кортеж, растянувшийся от здания Большого вокзала.

«На ряде заседаний будут рассматриваться такие важные темы, как приезд принца Александра, а так же...»

Чья-то рука выхватила газету из под его носа. Дэй поднял голову и увидел Морта. Главари Падальщиков высокомерно усмехнулся и вернулся к своему креслу, откуда и начал свою речь.

— Друзья! — воскликнул он, взмахнув газетой. — Сегодня мне пришла весточка от нашего дорогого Брагса! Наш приятель, а так же пресса, утверждают, что знать вновь возвращается в Кору из своих тепленьких летних резиденций!

— Быть того не может! — пробасила Мэри, которая сидела на скрипучем ящике, по-мужски расставив ноги. — Неужто новое дельце?

— В феврале мы неплохо поживились на этой... как ее? — подал голос Кристиан, находившийся по правую руку от Морта. — Напомните мне ее имя?..

— Леди Харрингтонс, — хищно улыбнулась Лисс.

— Спасибо принцу, переполюшил корпорацию! — хохотнул Кроу.

— Друзья, — сверкнул глазами Морт. — В этот раз наш клиент будет сложнее и солиднее, чем та мамзель. Намечается грандиозный прием, и мы приглашены.

Падальщики ответили бурными овациями. Дэй обводил их растерянным, скрытым за красными окулярами, взглядом, не поняв ничего из слов лидера. Но остальные точно знали, о чем идет речь. Когда шум немного поутих, Морт продолжил:

— В этот раз я немного изменил расстановку. Я и Крис пойдем наверх, Лисс и «Тень» останутся внизу. Кроу и Мэри — на подхвате. — Он окинул всех красноречивым взглядом. — Все ясно?

— А как же я, Морт? — подал голос Олди.

— Ты подготовишь Люси к путешествию, и останешься в штабе, вместе с новичком, — сказал лидер. Паренек, услышав это, обиженно насупил.

— Это дело, — Морт ткнул пальцем в газетную статью, — должно стать для нас самым важным, поэтому отнеситесь к нему ответственно. Не так, как всегда, Крис.

— Мамзель была мной просто очарована, — фыркнул Кристиан. — Хочешь поспорить?

— В ближайшие дни Брагс пришлет Список и подробные указания, — повысил голос Морт, не обращая внимания на друга. — До того момента — сидите тихо и не высовывайтесь. Как можно меньше мелькайте в городе. Все должно пройти идеально. Вопросы?..

Лисс неуверенно огляделась по сторонам.

— Нельзя ли сделать что-нибудь с этим холодом? — спросила она. — Я просто не чувствую ног!

— Вопросы по делу, — усмехнулся Морт. Цыганочка покачала головой и все остальные тоже молчали.

— Мы должны заготовить как можно больше топлива. Ведь, как Лисс верно заметила, в убежище холодает, — насмешливо проговорил лидер. — Сейчас уже темнеет, значит, Хранитель проснулся. Займетесь этим завтра, тихо и без лишней суеты. Нужно забить книгами все пустые полки на складе. В городе считают, что потепление придет не скоро.

— Откуда ему взяться, если солнца нет? — проворчал Олди, и на этом собрание было завершено.

После похлебки из репы и картофеля, приготовленной Лисс, Дэй затащил в общую спальню соломенный тюфяк и ящик, чтобы обустроить свое спальное место. Лежа на жесткой мешковине и глядя в ставший темно-красным потолок из-за маски, он думал о дне, когда все Падальщики отправятся на «дело». В штабе останется лишь Джошуа, с ключами от всех дверей. Заполучить их будет несложно. Значит, именно тогда он наконец обследует весь подвал и найдет изобретение, которое положит конец монополии Корпорации на свежий воздух. Всего несколько дней отделяло Дэя от этого момента, а пока можно было побыть простым Падальщиком и почувствовать себя среди друзей. Ведь уже скоро он вновь станет опасным диссидентом, разыскиваемым за преступления против власти.

Следующим утром, поев печеной в кожуре картошки, все принялись выполнять указание Морта. И делали это с большим рвением, ведь каждый из Падальщиков, проснувшись, обнаружил тонкую корку льда на своем матрасе. «Тень» вдруг начал кашлять и захлебываться в собственных соплях, потому Лисс вновь пришлось вспомнить о целебных рецептах своей бабки.

Остальные же поднялись по выщербленным ступенькам, ведущим из гостиной, и распахнули потайную дверь в читальный зал. Там их уже ждал мелкий Сэмми, пропавший из виду на пару дней. Мэри шепотом отчитала его, чтобы не разбудить Хранителя, и малыш стал таскать книги наравне со всеми. Маркус «Тень» следил за печкой, чтобы она всегда оставалась хорошо натопленной.

Дело продвигалось медленно — некоторые книги были слишком сырыми, другие рассыпались в труху. Вытащив один из фолиантов, Лисс Делисс наткнулась на огромное крысиное гнездо и завизжала, когда его обитатели с воинственным писком бросились на нее. Послышался топот и рев Хранителя — работу пришлось остановить.

Вечером Джошуа, Лисс и «Тень» перетаскивали свои спальные тюфяки ближе к печи, чтобы не околеть в общей спальне. Места для других на кухне не осталось, но больше никто не рвался к теплу. Мэри достала откуда-то большую вонючую шкуру, вроде той, что лежала на кресле Морта и решила укрываться на ночь ей, в обнимку с Сэмми. Дэй соорудил себе покрывало из мешковины. Каждый придумывал сам, как спастись от холодов.

Утром нового дня работы по заготовке «дров» были продолжены, и этот раз прошел без чрезвычайных происшествий. Книгами забили склад и часть гостиной, а Морт назначил график дежурств у печи, как это бывало зимой.

За обедом, грызя сырую морковь, Дэй вновь сидел рядом с Лисс. Они только что узнали о том, что информация от нанимателя, Браггса, дошла до Морта. Мэри и Кроу лидер приказал менять тент на фургоне, а сам, вместе с Крисом отправился за «униформой». Другие должны были сидеть и думать о своих «ролях».

— Не слишком ли туманно он выражается? — поинтересовался Дэй у цыганочки, когда поблизости никого не было.

— Это для конспирации, — пожалла плечами Лисс. — Мы проворачивали подобные дела уже три раза. Первый был, когда этого убежища еще даже не существовало. Часто так делать, конечно, нельзя... Иначе — могут и поймать.

— Нельзя делать что?..

— Грабить богатые особняки, естественно, — хихикнула девушка. — Проще всего это делать в больших домах, где иногда требуется дополнительная прислуга. Морт и Крис — вырядятся лакеями, я и «Тень» будем работать на кухне, а Мэри и Кроу станут бакалейщиками. Ну, они будто-то бы привезут еду на фургоне. Лакеи будут тайно передавать награбленное нам, а мы — относить к повозке. Главное, чтобы остальная прислуга нас не заподозрила. Но, когда они бегают, как обычно, в мыле, становится не до нас.

— И вы выносите все подряд? — удивился Дэй.

— У нанимателя имеется список того, что ему нужно. Он откуда-то узнает, что в каких домах находится. Но никто не запрещает нам брать то, что понравится. Это платье, например, я стащила в первом доме, — поделилась цыганочка. — Жаль немного было его хозяйку.

Слышала, она потом выбросилась с крыши. Не пережила расставания с драгоценностями. Дэй хотел сказать что-то сочувствующее, но тут со склада послышался радостный вопль и топот. Через секунду на кухню влетела Мэри и мелкий Сэмми, следом за ней.

— Скорее, все наружу! — скомандовала девушка, и оттолкнув Дэя, бросилась к веревочной лестнице, ведущей к люку.

— Что случилось? — переполошилась Лисс.

— Сами увидите, скорее-скорее, — пропищал малыш Сэмми, карабкаясь за матерью. Мэри дернула рычаг люка и подвал заполнил ярчайший свет. На шум выбежали Олди, «Тень» и Кроу — все последовали за ними. Дэй оказался последним в очереди.

Когда его руки коснулись холодной мостовой, чтобы подтянуться, он все понял, и в глазах потемнело, несмотря на царящую вокруг белизну, выглядевшую сквозь маску ослепительно-красной. Его план провалился. Он не успел. Самые страшные предсказания из дневника отца начали сбываться.

Лисс протянула ему руку, и Дэй выбрался наружу, неловко поднявшись на ноги. Его взгляд в панике метался вокруг, перескакивая с счастливого Сэмми, кружащегося посреди улицы, на радостную улыбку цыганочки, и Олди, раскрывающего рот, как жаба.

В Брайпорте шел снег.

Крупные мокрые хлопья вихрились в воздухе, собирая на себя дым и смог, и падали на прохожих и лоточников, остановившихся, чтобы поглядеть на небывалое для июля действо. Небо над Корой посветлело и стало молочно-серой дымкой. Дэй обреченно опустил голову. Не видя выражения его лица, Лисс дергала друга за рукав рубашки, а «Тень» запустил в него снежком.

Дэй приложил ладонь к виску, но наткнулся на холодный металл маски. Сквозь окуляры ему показалось, что с неба капает кровь. Он отошел в сторону.

Из-за угла дома напротив показались Крис и Морт. Даже их лица посветлели от увиденного. Кристиан увлеченно ловил снежинки ладонью. Лисс Делисс замахала им, подзывая ближе. Горожане не скрывали эмоций — они восхищались наперебой, веселясь, словно дети. Дэй понял: они думают, что смог отступил, и теперь все станет хорошо. Наивные.

— Дэй, ну что ты там стоишь?! — подбежала к нему Лисс Делисс. Ее волосы, собранные в два хвоста, припорошило снегом, а на ресницах таяли снежинки. — Это такое чудо! Когда еще мы увидим снег посреди лета?

— Это не чудо, — выдавил Дэй. — Это начало конца.

— О чем ты, Дэй? — захлопала глазами цыганочка. Дэй молчал и улыбка на ее лице погасла. — Это всего лишь снег!

— Лисс... Эти заморозки начались не только в Коре, — проговорил он. — Думаю, что это происходит по всей стране, везде, где есть фабрики Вестона.

— Не понимаю, — нахмурилась девушка. — Выкладывай, что знаешь. Если хочешь, я никому не скажу.

— Ты смотришь на снег и радуешься ему, а в эту минуту погибает весь урожай за год. — Дэй понизил голос. — Через два месяца, после праздника Жатвы, начнется голод в деревнях, и крестьяне станут забивать скот, чтобы выжить. Император прикажет Вестону открыть зернохранилища и начать закупать продовольствие в соседних странах, даже в Градаре, но они не смогут прокормить нас всех. Тогда еду будут распределять только в крупные города и в шахтёрские посёлки, чтобы не останавливать производство. Когда об этом узнают выжившие из деревень, они начнут осажать городские магазины и склады, провоцируя конфликты. К следующему лету часть населения умрёт от истощения. Начнется гражданская война.

— Но ведь снег... Снег скоро прекратится, — прошептала Лисс Делис. В ее голосе слышался испуг.

— Снег прекратится, — сказал Дэй. — А вот морозы — нет.

Глава 8. Дом для куклы

Абигейл встряхнула пуховку из лебяжьего пуха и в воздухе заплясали невесомые частицы, переливающиеся на свету подобно мельчайшей бриллиантовой крошке. Эти румяна изготавливали из жемчужин, растворенных в кислоте, а затем добавляли красный кармин — краситель из перетертых редких жуков кошенили для насыщенного оттенка. Так сказала Салли, когда принесла их в золоченой коробочке, перевязанной атласной лентой. Вывод из ее слов можно было сделать только один — стоили румяна очень дорого. Как, впрочем, и все, что дарил Ланфорд.

Лебяжий пух нежно окрасил щечки и сделал Эбби почти неотличимой от хорошенькой фарфоровой куколки, сидящей на игрушечном диванчике в углу комнаты. Такие же золотистые кудряшки у лица, белоснежная кожа, и светло-коралловое, в оборках, выходное платье. Новые покои были ей подстать — щедро украшенные позолотой, розовым мрамором и лепниной. Абигейл вздохнула и подняла взгляд к расписному потолку, где в облаках порхали стыдливые амуры.

В поезде месье Броуди ясно дал понять, что люди из корпорации Вестона желают ей смерти. К чему теперь продолжать эту игру, с манерными речами и сантиментами, будто ничего не изменилось? Этому Эбби никак не могла понять. Еще покровитель велел слушаться. И она слушалась, не задавая вопросов. Однако обман мерещился теперь повсюду, не оставляя ни на секунду. Особенно в новом доме.

В четырех комнатах, выделенных ей, мог уместиться весь особняк отца из деревеньки Лан-Ланн. Кроме невероятных размеров спальни, здесь были туалетная комната, гардеробная, кабинет, личная столовая и салон для приема гостей. А последних обнаружилось немало. Кроме Катарины Соланж, заезжавшей каждый день на чай, заходили Ланфорд с Орсоном и Марлоу, а так же люди, подсланные им — модистки, парикмахеры, аптекари и танцмейстеры.

Расписание дня Салли составляла таким образом, чтобы Абигейл не оставалась ни на минуту наедине с собой — будто это могло спровоцировать появление нежелательных мыслей.

Сбежать было нельзя. Покои находились на третьем этаже, под окнами — колючие розовые кусты, заново высаживаемые садовниками каждый третий вторник.

Она закрыла румяна и вернула их на туалетный столик. Перед зеркалом в несколько рядов выстроились пузырьки, флаконы, баночки с духами и косметикой. А на комодике неподалеку лежала сверкающая серебром защитная маска, в которой ее приволокли сюда, точно в наморднике, сняв с поезда на конечной станции.

С чувством безысходности Абигейл вспоминала последние дни на «Виктории». Она так и просидела в своем купе, навещаемая лишь Салли и Ланфордом. Много плакала и почти ничего не ела. Тогда ей было страшно, а теперь стало почти все равно. В день прибытия в Кору горничная собрала ее вещи, затем неожиданно для всех пришел Марлоу. С кривой ухмылкой он сообщил, что не держит зла за обман и происшествие в багажном отделении, и надеется на плодотворное сотрудничество.

Когда состав остановился, Абигейл вышла на перрон под руку с ним и Ланфордом. Вместе они сели в экипаж, запряженный механической лошадейю, и направились сюда, в район Свифт–Гарден. Больше она с Марлоу не встрчалась. Этот факт радовал ее теперь даже больше, чем все подарки.

Поднявшись из мягкого кресла, Эбби потянулась до хруста в суставах, и не торопясь прошла из спальни до салона, под мерный гул воздушных фильтров, размещенных под потолком.

Заточение в богатом доме казалось ей почти приятным, но невозможность размять ноющие мышцы становилась все более тягостной. В деревне она каждый день бегала с поручениями от гувернантки Рины и отца — то до бакалейной лавки за покупками, то на поля, чтобы доставить запасные детали для машин. Теперь же, после недельного путешествия на поезде, она чувствовала себя болезненной и слабой — как полагается настоящей леди.

Салли появилась с точностью до секунды — Абигейл проверила по новеньким наручным часам, сверкавшими драгоценностями вместо цифр. Распахнув двустворчатые двери, горничная возглавляла колонну пяти молоденьких служанок — они несли скатерти, столовые приборы, и серебряные подносы, накрытые блестящими колпаками.

— Достаточно румян, Салли? — спросила Эбби, пока девушки относили все в столовую. — Платье не помялось?

— Сегодня все как нужно, мадемуазель, — кивнула Салли. — Одна из моих подопечных шепнула мне, будто в разговоре с месье Броуди вы назвали меня «горничной». Это так?

— Может и так, Салли, — пожалала плечами Абигейл.

— Попрошу называть меня отныне камеристкой, и не портить мою репутацию в глазах слуг, — поджала губы девушка. — Камеристка — это значит старшая горничная, которая прислуживает хозяйке дома.

— Я знаю, что означает это слово, Салли.

«Камеристка» едва заметно нахмурилась и подала знак одной из служанок. Та принесла большую коробку из голубого картона и протянула ее Абигейл.

— Месье Броуди не хочет, чтобы вы чувствовали себя здесь одиноко... — сказала Салли. — И выражает надежду, что вы будете чаще улыбаться.

С равнодушным видом Эбби подняла крышку, ожидая увидеть внутри очередную безделушку или куклу, но в коробке оказался живой котенок, с белоснежной шерсткой и любопытными голубыми глазками. Охнув от удивления, она осторожно подняла его и прижала к груди.

Пушистый малыш звонко пискнул и тут же замурчал. Улыбка сама выступила на лице узницы. Все-таки Ланфорд умел пробивать дорогу к ее сердцу, всеми доступными способами.

Спустя несколько минут, когда прибыла Катарина, они все вместе расположились в столовой — круглый стол там уже был накрыт на две персоны.

Мадам Соланж, одетая сегодня в бежевое платье с гобеленовой вышивкой, не сводила изумленных глаз с котенка. К неудовольствию Салли, он лакал сливки прямо из фарфорового блюдечка возле тарелки Абигейл.

— Теперь я готова поверить любым слухам, — жеманно протянула Катарина, пока хозяйка разливала чай по чашкам. Сделать это, не пролив содержимое на белоснежную скатерть, оказалось непросто.

— Каким, например? — поинтересовалась Абигейл, убирая наполовину опустевший чайник в сторону. Она раздумывала, что взять с хрустальной этажерки — бисквит с клубникой и сливочным кремом, фруктовый пирог или сэндвич с фуагра? Еще там были кокосовые шарики, тоже довольно вкусные, но уже немного надоевшие.

— Например тем, в которых утверждают, будто месье Броуди в тебя влюблен, — промурлыкала мадам Соланж. Рука Эбби, потянувшаяся было за бисквитом, замерла в воздухе.

Катарина насладились изумленным видом собеседницы и продолжила, как ни в чем ни бывало:

— После такого подарка я в этом уверена. Котенок в Коре... Домашних животных здесь не было со времен Великого Мора. — Маркиза положила на тарелку маленький треугольный сэндвич и отпила чай.

— Ланфорд рассказывал мне о том, как в тот год погибли животные. Но в этом особняке стоят отличные фильтры, не хуже тех, что были на «Виктории», — проговорила Абигейл. Ее щеки все еще пылали от внезапных слов подруги. Но в этом была вся Катарина — она любила наносить точные, колкие удары и любоваться произведенным эффектом. — Этому малышу здесь ничего не грозит.

— В моем особняке таких хороших фильтров нет. Да и мой муж не состоит в верхах корпорации, — заметила мадам Соланж с нескрываемой завистью. — Зато у меня есть два пса-автоматона. Две гончие, изготовленные Вестоном по специальному заказу. Можно я... поглажу твоего котенка?

Абигейл улыбнулась и положила на тарелку бисквит и кокосовый шарик.

— Конечно, можно, — сказала она. — Когда я жила в деревне, у нас тоже был кот. Месье Джинглс, так его звали. Он был уже старым, совсем не ручным, и гулял где хотел. Завести котенка мне не позволяли...

— Вот она — прелесть пасторальной сельской жизни, — манерно вздохнула Катарина, осторожно касаясь пальцами белоснежного меха малыша. Она провела рукой по холке, почесала котенка за ушком и заулыбалась. Эбби поняла, что видит такую искреннюю эмоцию на лице подруги впервые. — А ты так и не рассказала, почему решила сменить имя. Хотя «Мари» мне нравилось больше, «Абигейл», на мой взгляд, звучит аристократичнее.

— Я хотела начать в Коре новую жизнь, — протянула Эбби, глядя как котенок разваливается на скатерти, подставляя для поглаживаний розоватый животик. — Но мне не позволили.

— А как ты хотела, ведь ты же девушка. Незамужняя девушка в строгом, патриархальном мире, — насмешливо проговорила мадам Соланж. Она подхватила котенка, поднесла к своему и лицу и поцеловала его в нос. — Какое же, все-таки, чудо!

Когда чай был допит и закуски съедены, Абигейл предложила подруге прогуляться по особняку.

— Можешь взять с собой котенка, если хочешь, — добавила она, видя, что Катарина ни на секунду не выпускает питомца из рук. Маркиза играла с ним, нежно гладила и шуточно тискала. Малыш, кажется, был в восторге от подобного внимания.

Когда они вышли из покоев в широкий коридор, освещенный газовыми лампами, котенок задремал под шелест пышных юбок и цоканье каблучков по паркету. Горничная Салли сопровождала их, держась на почтительном расстоянии позади.

— Твои комнаты, конечно, чудесные, но сам особняк мрачноват, — сказала мадам Соланж, обводя взглядом темные, старинные картины и сеть медных вентиляционных труб под потолком. — Вспомнить хотя бы его историю.

— Какую историю? — спросила Абигейл, сворачивая за угол в светлую галерею с высокими окнами и зеркалами — она вела к парадной мраморной лестнице.

— Этот особняк был построен в прошлом веке и первая семья, занимавшая его, умерла в одну ночь. А несколько лет назад здесь жила молодая вдова леди Латур. С ней произошел ужасный случай, — Катарина облизнула губы, подкрашенные розовым, — Хитроумные грабители, притворяющиеся благопристойными людьми, втерлись к ней в доверие и вынесли все подчистую. Драгоценности, дорогую мебель, даже некоторые предметы декора. А затем — исчезли, оставив ее без денег, зато с огромными долгами бывшего мужа. Иного выхода, кроме как разбежаться посылнее и прыгнуть с крыши, она найти не смогла.

— Так уж и прыгнуть? — поразилась Эбби. — А что же ее родственники и друзья?

— Она была сиротой, а друзья, узнав о ее наивности, от нее отвернулись. Вот и нашелся только один выход. Что же еще делать в подобной ситуации воспитанной девушке, оставшись без средств к существованию?

— Она могла пойти работать, — пожалала плечами Абигейл. Катарина насмешливо фыркнула и остановилась.

— И какую же работу могла найти красивая, молодая, но абсолютно нищая девушка без образования, особых умений, и без связей? — спросила маркиза, когда Эбби на нее оглянулась.

— Это Кора, Абигейл. Не будь наивной, как та вдова, это не приведет тебя ни к чему хорошему. И никому здесь не доверяй, даже друзьям.

Прижав сонного котенка к груди, Катарина пошла вперед. А Эбби думала о том, как сильно трезвая маркиза отличается от той капризной и легкомысленной красотки, которой она казалась в поезде.

Они спустились по парадной лестнице на второй этаж и уже планировали попросить Салли принести защитные маски, чтобы выйти на террасу, ведущую в сад, как из южного крыла показался сам Ланфорд Броуди. Он был одет в серые брюки и белую рубашку, что для него означало выглядеть просто, по-домашнему.

— Мадам Соланж, — сдержанно улыбнулся Ланфорд. — Вижу мой подарок для Абигейл пришелся вам по вкусу.

— О, мистер Броуди, вы знаете, я бы все отдала за то, чтобы вы подарили мне такого же, — кокетливо наклонила голову набок Катарина. — Жаль Абигейл не ценит того, что вы для нее делаете!

— Надеюсь, милая Катарина, что вы все же ошибаетесь насчет своей компаньонки, — с легкой усмешкой проговорил мужчина. — Ведь так, мадемуазель Абигейл?

— Думаю, что ошибается, месье Броуди, — включилась в привычную игру Эбби. «Он влюблен в тебя» — вспомнила она слова подруги и вновь почувствовала, как краснеет.

Ланфорд распорядился подать в гостиную на первом этаже шампанское, и так они провели еще четверть часа — за пустым флиртом и праздной болтовней. Когда пришло время расставаться с котенком, Катарина чуть не плакала. Заметив встревоженный взгляд Эбби, она вовремя перевела все в шутку, и легкой походкой покинула особняк. Должно быть, маркизе было очень одиноко в своем доме, без детей, друзей и питомцев. С одним лишь мужем, для которого она не представляла никакого интереса.

Салли провела Абигейл в ее покои, где в салоне уже ждал аптекарь. Он принес последний заказ — специально изготовленные крема для тела, а так же соль и масло для ванны. По его заверениям, эти средства должны были превратить ее бледную кожу в сияющую и бархатистую, так, что любая принцесса позавидовала бы.

В уборной комнате, располагавшейся позади гардеробной, стояла большая медная ванна с эмалированным вкладышем. Вода в нее подавалась уже горячей из большого бойлера, оснащенного газовой горелкой. Нагреваясь, он грохотал и фырчал, всегда пугая Эбби как в первый раз. В деревне Лан-Лаин о таких новшествах не знали, и пользовались переносными ваннами, воду в которые приходилось таскать обычными ведрами.

Абигейл смешала черную соль с маслом плюмерии и флердоранжа — тропических цветов, привозимых с островов Куантаис, а затем высыпала все в воду. Проверив ее температуру градусником, она вновь отваживалась забраться в эту странную «газовую ванну». Аптекарь не обманул — аромат масел и вправду оказался приятным, непохожим ни на один другой. Время, проводимое в этой комнате, с розовой мозаикой на стенах и большим полукруглым окном, занавешенным белыми шелковыми портьерами, стало для Эбби самым любимым. Салли не заходила сюда, ожидая хозяйку в гардеробной, и можно было думать о чем угодно. Например о том, чтобы как-нибудь улизнуть из особняка и отправится на поиски брата. Мечта о том, чтобы вновь увидеть лицо Демиана стала совсем призрачной, и почти недостижимой. Что же он мог украсть? Чем так насолил корпорации, что они взяли ее вместо него в заложники?

Да и образ далекой деревни Лан-Лаин становился в голове все размытее. С трудом можно было представить, как отец, прочитавший прощальное письмо, бросился на поиски дочери. Скорее всего, он просто вздохнул, как делал это всегда, когда был чем-то расстроен, и вернулся к своим механизмам. Так он отреагировал на пропажу Демиана.

Брат исчез ночью из общей спальни, так тихо, что даже Абигейл не проснулась. Утром мама плакала и винила себя в произошедшем. Тогда было не понятно, в чем кроется ее вина. Но теперь можно было подозревать, что в этом замешано темное прошлое Элизабет Шерри и таинственный проект «Сент-Эрис», бумаги о котором хранились в багажной ячейке Марлоу. Стоило попытаться счастья, расспросив об этом Ланфорда за ужином.

Когда Салли принялась требовательно стучать в дверь, Эбби решила, что так и сделает.

Стоило ключу повернуться в замке, и горничная с привычным рвением взялась за дело. Она растерла Абигейл дорогими кремами, завернула в большое полотенце и отправила в спальню — отдыхать. После получасового сна распорядок дня начался заново.

Заклоченную одели в новое платье — теперь в небесно-голубое, причесали, накрасили и велели ждать нового посетителя.

Сидя на диване, Эбби с тоской смотрела на большой кукольный дом, стоящий в углу. В нем все было как настоящее — целых три этажа с паркетом, обоями и мебелировкой. На столах стояла игрушечная посуда с игрушечной едой, в игрушечных шкафах — игрушечные книги, а игрушечные кровати заправлялись игрушечными, но мягкими пуховыми одеялами. Все это подарил ей Ланфорд, после того, как она вскользь упомянула о том, что в детстве у нее были только тряпичные, самодельные куклы.

Теперь, глядя на фарфоровых красоток, сидящих за столом, и понарошку пьющим чай, Абигейл поняла, что ничем от них не отличается. Она — точно такая же кукла, живущая в кукольном доме. Ее привезли и поселили здесь, в облачно-розовом царстве, наряжают, нежат и балуют. Вопрос был только в одном — что произойдет, когда «хозяева» с ней наиграются?

В комнату вошел танцмейстер, чтобы провести очередной скучный урок балльных «па». Живя в деревне, она редко выбиралась на званые вечера, а если и выбиралась, то там танцевали лишь мазурку и кадрили. Других танцев Абигейл не знала, до того момента, как месье Броуди не захотел научить ее. Но и теперь она не особо желала танцевать, как пойманные птицы не желали петь в клетке.

Обучение закончилось к вечеру, и Салли ненадолго оставила Эбби одну, чтобы та поправила макияж и прическу. А затем вернулась, чтобы проводить хозяйку в крыло, где располагались покои Ланфорда. Ужин должен был состояться в его личных покоях.

Вместе они прошли знакомым маршрутом по галерее, в зеркалах которой причудливо отражался свет газовых ламп, спустились на второй этаж и оказались на половине месье Броуди. Стены коридора здесь обрамляли темные деревянные панели и изумрудная парча. Сколько всего у покровителя имелось комнат, Абигейл не знала. Большая часть дверей была закрыта, а вездесущая Салли не позволила бы свершиться неуместному проявлению любопытства. Поэтому для пленницы существовал лишь этот длинный коридор, заканчивающийся гостиной с камином и картинами, изображавшими боевые сражения. Далее шла короткая анфилада, окна которой выходили в город. Оттуда можно было полюбоваться на Адамант-стрит — широкую улицу, вымощенную белым камнем. Даже сейчас, когда стемнело, на ней было многолюдно. По тротуарам центральной аллеи, в свете газовых фонарей прохаживались богатые леди и джентльмены в изящных защитных масках, а по обе стороны от них проезжали богато украшенные экипажи, запряженные механическими лошадьми. Наконец, горничная распахнула дверь в столовую Ланфорда — небольшую квадратную комнату, с большой золоченой люстрой и камином в углу, а затем удалилась. Стол здесь, как и в комнате Эбби, был круглым.

Покровитель, облаченный в серый смокинг, уже ждал ее, стоя у окна. Заметив появление гостьи, он передал недокуренную сигару лакею. Абигейл нахмурилась, поняв, что слугой был не Орсон, а другой мужчина. Не осмеливаясь радоваться этому преждевременно, она села за стол, пребывая в некотором замешательстве. Своим неприятным видом и наглым поведением валет месье Броуди подпортил ей немало ужинов, которые могли стать весьма приятными в его отсутствие.

— Ваш учитель сказал мне, что вы делаете успехи в фигурах контрданса, — сказал Ланфорд, присаживаясь за стол и расстелив салфетку на коленях.

— Это тоже самое, что кадрили. В деревне ее очень любили, — ответила Эбби, бросая короткий взгляд на нового лакея. Его лицо оставалось отстраненно-равнодушным, и к ее присутствию, и к ее словам.

— И все же, меня радует, как легко вам дается обучение, — мягко заметил мужчина. — Вижу, вас заинтересовал мой новый слуга?

— Я... лишь хотела поинтересоваться, куда исчез Орсон, — тихо проговорила Абигейл, смутившись. Она не хотела, чтобы покровитель узнал, что она недовольна нанятыми им людьми.

— Он ненадолго отбыл по делам корпорации, — спокойно сообщил Ланфорд, принимая из рук молчаливого лакея бокал белого вина. На секунду отойдя до бокового столика, слуга подал вино и госте.

— Выходит, он и ваш валет, и служащий корпорации одновременно? — спросила Эбби, осторожно принимая бокал за тонкую ножку. Свет, прорывающийся сквозь тонкие грани хрустала, бросал на скатерть яркие отблески.

— Проще называть его моим личным помощником, — усмехнулся мужчина. Абигейл слегка улыбнулась в ответ на эти слова, радуясь про себя о том, что сегодня наконец сможет расслабиться и поесть спокойно.

За первым блюдом — белым супом с курицей и горошком, они обсуждали сегодняшний приезд Катарини и ее привязанность к котенку.

— Вот что происходит с женщиной в бездетном браке, — сказал Ланфорд, окуная в густой суп кусочек обжаренной в масле гренки. — Ослепительная красавица на балах, мечта любого кавалера. А на самом деле — одинокая страдалница, топящая грусть в шампанском и интрижках.

— Я подумала сегодня о том же, — кивнула головой Эбби. — Хотела бы я знать, почему она выбрала себе именно такого мужа...

— Катарина — дочь владельца «Вестника Коре» — крупнейшего газетного магната и моего делового партнера. Он хотел отдать ее замуж за Марлоу, но она отказалась и поступила ему наперекор.

— За Марлоу! — воскликнула Абигейл, забыв о хороших манерах. — Да кто же, в здравом уме, согласится...

— Милая Абигейл, — рассмеялся Ланфорд. — Конечно, нехорошо потешаться над своим коллегой, но здесь я с вами соглашусь. Он совершенно не умеет общаться с женщинами, в отличие от меня.

Почувствовав на себе его откровенный взгляд, Эбби вновь покраснела и опустила глаза.

Положение спас лакей, забравший тарелки из-под супа, и принесший горячее.

Перед гостьей появилась большая тарелка с лобстером на зелени. Такое кушанье было популярно в ее деревне, располагавшейся возле моря. Так же как и здесь, там его запекали со сливочными маслом, чесноком и петрушкой, а затем щедро сдабривали лимоном. Эбби очень его любила, но сейчас ей трудно было проглотить даже кусочек — так сильно билось ее сердце. «Некоторые утверждают, будто месье Броуди в тебя влюблен» — вновь звучали в ее голове слова Катарини.

— Для чего вы привезли меня сюда, Ланфорд? — осмелилась спросить Абигейл, для храбрости вновь хватаясь за ножку бокала.

— Я уже говорил вам о причинах, — пожал плечами мужчина, подцепляя белоснежное мясо на вилку. — Чтобы в Коре с вами не случилось какой-нибудь неприятности. После того, как я спас вас от толпы бедняков, я чувствую... некую ответственность за вашу судьбу. И не могу позволить вам бродить по трущобам, в поисках брата-преступника.

— Но ведь вы держите меня здесь взаперти...

— Ну что за глупые мысли, Абигейл? Вы можете гулять по особняку и по саду, — заметил Ланфорд. — А если желаете пройтись по городу, по крайней мере, приличным его районам... Сообщите мне, и я с радостью составлю вам компанию. В крайнем случае, можно попросить об этом Катарину или Салли. Вы здесь не пленница, а гостья. Вы же сообщили об этом в письме своему отцу?

Эбби пристыженно вздохнула и отпила глоток вина. Будто бы прочитав ее мысли, покровитель усмехнулся.

— Вы до сих пор не написали ему, не так ли, Абигейл? — спросил он, пристально глядя на нее.

— И кто кого загоняет в клетку?

— Простите меня, — прошептала Эбби. — Мне стыдно за то, что я могла про вас плохо думать. Но то, что вы сказали о корпорации и о моем брате... А еще, если бы вы позволили мне прогуляться одной, хотя бы по саду, без этой Салли...

— Хорошо, я передам ей, чтобы она поубавила свое рвение в работе, — насмешливо проговорил Ланфорд. — Я хочу, чтобы вы чувствовали себя здесь как дома.

— Но... почему вы этого хотите? — не успокаивалась Эбби — она твердо решила все выяснить.

— А как вы думаете, Абигейл? — спросил мужчина, и его темные глаза сверкнули в свете ламп.

— Уверен, вы сами порой не замечаете, насколько милы и очаровательны. Вы краснеете из-за всего подряд, скромны и не избалованы мужским вниманием. Это удивительные качества, которых не встретишь в высшем свете Коре. Вы отличаетесь от всех знакомых мне девушек, и это стало ясно еще при первой встрече в поезде. Скажите... Я нравлюсь вам?

Сердце Эбби словно подпрыгнуло в груди и забилось сильнее прежнего. Она отвернулась, обдумывая услышанное. Никто и никогда не учил ее разговаривать с мужчинами на подобные темы. Правил приличия для таких ситуаций она не знала.

— Нравитесь, — проговорила она.

— В жизни каждого человека наступает момент, когда вопрос одиночества встает слишком остро, — тихо произнес он и отчего-то показался грустным. — Особенно актуальным он становится под конец.

— О чем вы говорите, Ланфорд?

Мужчина невесело усмехнулся и попросил у слуги сигару. Лишь закурив, он ответил:

— Вам не зачем знать о том, чего еще может и не случиться, милая Абигейл. Но я рад слышать о том, что мои чувства к вам взаимны.

Он накрыл ее ладонь своей и несколько мгновений они сидели в тишине, прерываемой лишь потрескиваем дров в камине и легким шипением тлеющего табака. После настало время для десерта — летних груш в шоколаде. К нему подали искристое шампанское, а разговор стал более непринужденным и обыденным.

От ужина у Эбби остались противоречивые чувства. Об этом она думала, когда лежала в своей мягкой постели, не в силах заснуть. Ланфорд буквально развеял все ее страхи и признался в своих чувствах (чего она так страшилась, и в тайне надеялась), но между ними еще осталось что-то неговоренное. Важная тема, ускользнувшая из ее внимания.

Возле кровати послышалась возня, и милый питомец вскарабкался по одеялу наверх. Абигейл рассеянно погладила котенка по голове. Сегодня она надеялась поговорить с Ланфордом о бумагах Марлоу, но, неожиданно для себя, получила ответы совсем на другие вопросы...

Котенок теплым комочком свернулся возле ее шеи и тихо мурлыкал, пока она не уснула.

Утром, поднявшись необычно поздно, Эбби почувствовала себя окрыленной, с желанием полюбить и обнять весь мир, чего с ней не происходило уже очень давно, с тех самых пор, как не стало Демиана. Кто знает, может теперь сам Ланфорд решится помочь ей в поисках? Она убедила бы брата вернуть похищенную вещь, если покровитель пообещал бы простить его. Эта новая мечта казалась очень наивной и даже детской. Но кто знает, что ждет их всех впереди?

Салли принесла ей роскошный букет южных цветов, ярких, как радуга, которой уже много лет не видели в Коре, и прямоугольную коробочку, перевязанную лентой. В ней лежали печенье, покрытые разноцветной, ажурной глазурью, съедобным бисером и шоколадом. Абигейл распорядилась поставить цветы в вазу на комод, принести сливок для котенка и горячего какао к печеньям. Так она и позавтракала в спальне, хрустя изысканным лакомством и играя с котенком ленточкой от коробки.

Решив проверить, выполнил ли Ланфорд свое обещание, Эбби попросила горничную принести ей свежую газету.

— Я собираюсь прочитать ее во время прогулки в саду, — добавила она. — А ты пока можешь принести чемодан моего отца из чистки.

— Как будет угодно, мадемуазель, — кивнула Салли. — Но ваш чемодан, боюсь, еще не готов.

— Что значит «не готов»? — нахмурилась Абигейл. Чемодан, как и отцовский цилиндр у нее отобрали по приезду сюда для того, чтобы «починить их и вычистить». Горничная обещала, что они станут как новенькие. Но без любимых вещей, напоминающих о доме, их хозяйка чувствовала себя не совсем спокойно.

— Ваш чемодан очень старый, мадемуазель, — пролепетала служанка. — Нужно еще несколько дней, чтобы привести его в опрятный вид.

— Только не очень уж старайся, Салли, — смягчилась Эбби. Что ж, для начала ей хватит и простого разрешения гулять в одиночку.

Горничная выбрала из гардероба прелестное светлое платье в крупную клетку, и длинный кейп мятного оттенка. После всех приготовлений, Абигейл натянула белые перчатки до локтя, терпеливо подождала, пока Салли застегнет застежку защитной маски, взяла газету и отправилась вниз.

Она спустилась по мраморной лестнице на второй этаж и вышла на террасу. Сделав несколько шагов по гранитной плитке, она неуверенно оглянулась, чтобы проверить — не увязалась ли за ней горничная. Но Салли нигде не было, и Эбби вздохнула с облегчением. Ланфорд не соврал. Сегодня было на редкость прохладно. Ветер колыхал верхушки старых деревьев, чьи ветки были совсем голыми, как зимой. Новые растения, привозимые сюда регулярно, чтобы радовать меесь Броуди зеленью и красочными цветами, не могли прожить здесь и месяца. Причина была одна — все тот же воздух, который отравлял жизнь горожанам и животным. Абигейл прошла до конца террасы и облокотилась на мраморный бортик, глядя вниз, на редкий сад и старый

фонтан, в чаше которого плавали увядшие листья. Аллеи и клумбы заканчивались высоким забором, скрывавшим земельный участок от глаз любопытных прохожих. Идея прогуляться здесь была не лучшей, и хорошее настроение, согревавшее ее всего час назад, стало рассеиваться.

Это гнетущее ощущение серости мира было главной особенностью Кору. Оно же стало первым впечатлением, когда «Виктория» приближалась к вокзалу, минуя промышленные зоны и районы бедноты. Эбби, прилипшая было к окну купе, осталась разочарованной — столица показалась ей мрачной, темной и грязной. Позже она поняла, что вся яркость и блеск здесь скрывались внутри богатых домов, и снаружи делать было совершенно нечего.

Вздыхнув, она спустилась к фонтану, прошлась по гравийной дорожке и присела на одну из мраморных скамеек. В ее руках по-прежнему была газета — Абигейл старалась следить последними новостями.

По развернув ее, и пробежавшись глазами по верхней строчке, Эбби сердито пождала губы — газета оказалась трёхдневной давности. Вот чем решила отомстить ей противная горничная! Об этой черте прислуги Салли так же стоило поговорить с Ланфордом.

Но делать было нечего — можно было прочитать и этот выпуск. Выяснилось, что его Абигейл еще видела. Главная статья — «ПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАЦИИ ВЕСТОНА СЪЕЗЖАЕТСЯ В КОРУ» — была не очень интересной.

Все это Эбби знала и так. Пару дней назад она слышала разговор Ланфорда с Орсоном — о том, что принц Александр ужасно докучает корпорации, требуя незамедлительно решить проблему с выбросами заводов. Но быстро такие вопросы не решаются. Требовалось провести совет и проголосовать за один из вариантов, с тщательным обсуждением каждого из них. Принц распространял среди народа слухи о том, будто Вестон равнодушен к тому, что у крестьян погибают посевы и скот, а рабочие умирают от болезней и тяжелых условий труда. Это было неверно.

Каждый день месье Броуди, как правая рука Вестона, закрывался в своем рабочем кабинете, иногда даже пропуская ужин с Абигейл, и в поте лица трудился, для того, чтобы решить насущные проблемы страны.

Другая статья, размещенная почти в конце, заинтересовала Эбби больше.

«АУДИЕНЦИЯ ПРИНЦА ОТМЕНЕНА ПО ПРИЧИНЕ БОЛЕЗНИ ИМПЕРАТОРА.

Встреча, назначенная на ближайший четверг, была перенесена на неопределенный срок.

Придворный врач сообщил, что Его Величество Император подхватил легкую форму простуды, и отныне должен соблюдать постельный режим.

— В таком почтенном возрасте люди должны более тщательно следить за своим здоровьем, — сообщил газете лекар месье Бенар. — Иначе даже легкая инфекция может стать для них смертельной.

Напоминаем нашим уважаемым читателям, что 25 ноября правителю империи исполнится 78 лет. Принц Александр отказался от развернутого комментария в связи с переносом аудиенции, сказав лишь, что «большого от отца не ждал». Но заверил нашу редакцию в том, что желает монарху скорейшего выздоровления. Пожелаем и мы того же! Надеемся, что свежий воздух Горного замка лишь поспособствует этому».

Абигейл торжествующе усмехнулась, вспомнив разговор с поезде со старичком Питером. Она была права, сказав, что «к императору никого не пускают». Монарх был уже слишком стар для политических игр и серьезных потрясений вроде приезда мятежного сына, один раз уже серьезно разочаровавшего его. Ведь ходили слухи о том, что именно Александр поднял восстание рабочих, после которого и был изгнан из страны.

Почувствовав на своем лице холодную каплю, Эбби смахнула ее и засобиравшись домой.

Начинался дождь, а зонта с собой не было. Проходя мимо розовых кустов, она посмотрела на небо, которое показалось гораздо светлее обычного. Сейчас оно было скорее молочно-белым, чем серым, каким являлось всегда.

В одну секунду в воздухе пролетело нечто неуловимое, вроде пушинки. Затем пушинок стало все больше и больше. Абигейл хотела прижать ладонь ко рту, но почувствовала лишь холодную маску. Поверить в происходящее было почти невозможно — в Коре шел снег.

Ощувив весь ужас заморозков в июле, Эбби вспомнила об отце, и о бескрайних полях ржи, погибающей сейчас в деревне Лан-Лаин. Но, может, ненастье обрушилось лишь на столицу? Ведь если нет, то что начнется по всей стране после такого?!

Сорвавшись с места, Абигейл бросилась вверх по каменным ступенькам и вмиг оказалась на террасе. Распахнув стеклянную дверь в особняк, она вручила уже поджидавшей ее Салли газету и маску, а затем побежала в сторону покоем Ланфорда. Ей нужно было срочно обсудить с ним увиденное. Горничная не последовала за ней, так и оставшись стоять в растерянности.

Она промчалась по темному коридору и оказалась в анфиладе с большими окнами. Там она остановилась, чтобы отдышаться и привести себя в нормальный вид перед встречей с покровителем. Отсюда ей хорошо было видно Адамант-стрит и хлопья снега, покрывающие мостовую. Экипажи останавливались посреди дороги. Их пассажиры выходили наружу. Никто не мог поверить в то, что возможен снег посреди лета.

Тяжело вздохнув, Абигейл свернула в сторону кабинета месье Броуди, надеясь застать его там. Но подойдя ближе, она заметила, что дверь была открыта, а из-за нее раздавались голоса.

Входить посреди разговора показалось ей невежливым, и она решила подождать паузы. Со своего места ей было хорошо слышно, о чем спорили мужчины. Ланфорд и Марлоу.

— Сколько фильтров вы уже успели поставить?! — гневно переспросил месье Броуди.

— Чуть более пятидесяти процентов предприятий уже охвачено, — отвечал Марлоу, чуть более спокойным, но все же встревоженным голосом.

— Этого мало, — разочарованно выпалил Ланфорд. Послышался скрип, будто он с размаху сел в свое высокое кресло. — Мы не успели.

— Кто знал, что на это отведено так мало времени... — пробормотал Марлоу.

— Я подозревал это, и говорил Вестону, что нельзя с этим тянуть. Его можно понять — технология изготовления подобных фильтров весьма трудоемкая и дорогостоящая. Он боялся, что корпорация понесет колоссальные убытки. Теперь бояться нужно уже не этого. Каковы прогнозы? Когда рассеется смог?

Ответом была тишина. Сейчас Эбби могла бы зайти, но страх заставил ее сильнее прижаться к стене. Интуиция подсказывала ей — они обсуждали падающий снег!

— Марлоу! — рявкнул мужчина. — Слишком поздно заламывать руки! Мне нужны конкретные ответы! Когда прекратятся эти заморозки?!

— Группа ученых, которых мы собрали, считают что... Вот, подождите, сейчас я найду нужную бумагу, — мямлил Марлоу. — Вот она, кажется, нужная. Металл, используемый нами в тяжелой промышленности, известный как сентерий, наравне с другими тяжелыми металлами, попадает в верхние слои атмосферы в виде частиц, где задерживается, образуя смог и препятствуя проникновению ультрафиолета. Избавление от смога невозможно из-за частиц этого металла в воздухе.

— Невозможно, Марлоу?!

— В данный момент мы не располагаем такой технологией, которая могла бы помочь...

Возможно, проект «Сент-Эрис»...

— Мы работаем в этом направлении как можем, и ты об этом прекрасно знаешь! — отрезал Ланфорд. — Что еще тебе известно?

— На данный момент темные тучи покрывают большую часть нашей страны. И... ближайшие десять лет это не изменится. По мнению наших ученых, выбросы повлекли необратимые изменения климата на всей планете.

— Значит другие континенты, и острова?..

— Так же будут накрыты тучами в скором времени.

Ланфорд шумно вздохнул. Послышались шаги, будто кто-то наматывал круги по кабинету.

— Сколько у нас времени до того, как начнутся волнения в обществе? — спросил месье Броуди.

— Я телеграфирую начальнику полиции сразу же, как уйду от вас. Нужно чтобы они успокоили людей, хотя бы на время. Но после праздника Жатвы, на котором не будет урожая...

— Значит, у нас осталось полтора месяца, чтобы спасти мир от гибели.

В кабинете вновь стало тихо. Эбби позволила себе несколько осторожных вдохов, пытая переварить услышанное. В этот момент в дверном проеме показалась фигура Ланфорда.

— Абигейл, из вас не выйдет хорошей шпионки, я заметил вашу тень. Войдите внутрь. Нам нужно поговорить о вашем брате.

Глава 9. Незванный гость

Абигейл усадили в кресло перед широким дубовым столом и попросили Салли принести воды. Теперь, глядя на этот хрустальный стакан, одиноко стоящий на серебряной поставке, она понимала — разговор будет серьезным.

Ланфорд вернулся на свое место за столом и теперь возвышался над Эбби, словно судья во время слушания. Обвиняемая же старалась выглядеть спокойно. Она выпрямила спину, чтобы не опираться на подушки и вскинула подборок, показывая, что не боится. Но все же, против ее воли, пальцы сами перебирали тонкое кружево на юбке.

Марлоу подвинул тяжелый стул ближе и сел справа от месье Броуди.

— Итак, Абигейл. Полагаю, вы слышали достаточно, чтобы уяснить суть, — начал Ланфорд. — Я не спрашивал об этом раньше, а зря. Жалел ваши нежные чувства. Как Демиан связался с вами?

— Нет нужды просить вас отвечать честно? — криво ухмыльнулся Марлоу.

Бросив на него короткий взгляд, Абигейл вздохнула и посмотрела на Ланфорда.

— Он прислал мне короткое письмо. Оно было напечатано на машинке, — сказала она. — Демиан сказал, что ему требуется моя помощь...

— Где и когда вы должны были встретиться? — спросил месье Броуди. Такое выражение его лица Эбби видела лишь раз — в поезде, когда он сообщил, что раскрыл ее настоящую личность. Тогда она испугалась его взгляда. Страшно ей было и теперь.

— Там не было указано место, месье. Сказано лишь, что в центре, — пролепетала Абигейл, опуская глаза.

— Центральных районов у нас несколько, — скривился Марлоу. — Это Свифт-Гарден, и Гоббс-Корт, Брайпорт, трущобы Гримсби... А еще Хог-Террас, который хоть и находится на возвышении, но тоже частично относится к центру.

— Я не знаю, какой район имелся в виду, месье.

— И где же теперь это письмо? — уточнил Ланфорд, прищуриваясь, как хищник, почуявший добычу.

— Я порвала его и бросила в огонь, чтобы отец не узнал, — сказала Эбби. Она ощущала тяжесть медальона, висящего на шее под платьем. Там, под часовым механизмом лежало скомканная записка, спешно спрятанная перед выходом из поезда. О тайном содержимом медальона не знал никто, даже Салли. Ведь для того, чтобы его открыть, нужно было повернуть четыре крошечных колесика в определенной последовательности. Для всех это была лишь обычная безделушка.

«Найди меня в столице, в старом центре», — писал Демиан. Сердце подсказывало, что стоит произнести эти слова вслух — и быть беде. Она не могла позволить людям Вестона найти брата, пока не знала, какую судьбу они ему уготовили.

— Значит, информации у нас по-прежнему нет... — проговорил Марлоу.

— Месье, быть может, если вы объясните мне, в чем вина моего брата, я смогу вам помочь? — спросила Абигейл.

Ланфорд вздохнул и выдвинул верхний ящик стола. Эбби подумала, что он хочет показать ей какие-то документы, но покровитель лишь достал очередную сигару. Откусив кончик с помощью механической гильотины, он чиркнул спичкой и подпалил ее.

— Когда-то давно совет ученых всех мастей придумывал избавление от этой напасти, — начал он.

— От холода? — уточнила Абигейл.

— От холода и от смога, — кивнул месье Броуди, выдыхая дым. — Их решение было слишком сложным и дорогостоящим. Оно многим пришлось не по вкусу. Совет пришлось распустить. Теперь же наши технологии позволяют воплотить этот проект в жизнь.

— Проект «Сент-Эрис», — догадалась Эбби, нервно ерзая на стуле.

— Да, так его называли. Результатом их труда стало изобретение, которое может нас спасти. Вот только, — Ланфорд впился в нее колючим взглядом, — ваш брат похитил важные данные о нем. Это произошло в тот же день, когда мы их обнаружили. Их не успели скопировать и сохранить. Теперь остается лишь догадываться...

— Разве вы не можете найти ученых, работавших над проектом?

— Работа была сверхсекретной, как вы могли догадаться, мадемуазель. А закрытие проекта пришлось на смутное время. Восстание рабочих под тайным предводительством Александра тогда спутало карты многим. Ученые разбежались, опасаясь за свою жизнь. Кто-то из них прячется до сих пор, кто-то уже умер. — Ланфорд печально покачал головой.

— Моя мама работала над проектом, — тихо сказала Абигейл и посмотрела на Марлоу. — Я видела это в ваших бумагах. До этого я не знала, что она была ученым.

— И ваша матушка, к несчастью, уже скончалась, — ухмыльнулся он.

— Я не понимаю... Почему Демиан так поступил? Для чего ему нужна была информация об изобретении? — спросила Эбби, пропуская замечание мужчины мимо ушей. Она решила, что из разговора выйдет больше толку, если она станет обращаться лишь к покровителю.

— Думаю, Демиан решил, что может выгодно ее продать, мадемуазель, — сверкнул глазами Ланфорд. — Он преступник, как я уже вам говорил. И он отправится на эшафот сразу же, как его обнаружат.

— Но сначала нужно выбить из него нужные сведения, — осклабился Марлоу.

Абигейл перевела взгляд с одного мужчины на другого. Выходит, уже все было решено? И участь для Демиана была уготована...

— Вам следует вести себя очень осторожно, чтобы подобное родство не повлияло на вашу репутацию, — добавил Ланфорд. — И я говорю это сейчас, поскольку искренне желаю вам счастья. А не смерти от руки палача.

Поспешно кивнув, Эбби быстро вытерла вспотевшие ладони о юбку. Они уговаривали ее сдать брата на смерть.

— Я больше ничего не знаю, клянусь вам, — выпалила она. — Я рада была бы помочь... Но, видимо, Демиан и меня опасался, раз не сообщил в письме ничего важного.

— Тогда, мадемуазель, вы можете идти, — проговорил Ланфорд. — Оставьте вашего брата нам и забудьте об этом разговоре. Мы прошерстим весь центр, если сможем...

Обреченно взглянув на него, Эбби поднялась с места и вышла за дверь. Разговор продолжился без нее, но слов уже было не разобрать.

Возвращаясь в свои покои, Абигейл молила лишь о том, чтобы центральные районы Кору оказались обширными и запутанными. Ведь даже под угрозой конца света она не желала брату смерти.

В полном забытьи Эбби пообедала и даже не обратила внимания, что именно клала в рот и пережевывала. В мыслях она вновь перенеслась в деревню Лан-Лаин. Она гадала, зачем Демиану понадобилась убежать из дому в Кору и совершать там преступление? Конечно, жили они всегда небогато... Но неужели он мог поступить так подло ради денег? Украсть важные исследования в тот момент, когда мир отчаянно в них нуждался...

Кто знает, может он сумел их продать, и теперь наслаждался роскошной жизнью на островах Куантаис. Зачем тогда ему понадобилось вызывать сестру в столицу? Чем сильнее не сходились между собой факты, тем больше Абигейл убеждалась в своих мыслях — в победе брата было замешано прошлое матери.

Бумаги Марлоу не оставляли простора для фантазии. «Найти и устранить немедленно», «мертва, угрозы не представляет» — эти страшные строчки впились в память. Несмотря на заверения Ланфорда, люди Вестона уже давно отлавливали ученых и избавлялись от них, чтобы те не разболтали правду.

— О том, что мир скоро умрет, — одними губами прошептала Эбби, догадавшись, и прижала ладонь ко рту.

Вот в чем был весь смысл! Корпорация так боялась за свое положение, что не позволяла никому узнать реальное положение вещей. Она пыталась исправить ситуацию... Ланфорд пытался... Но лишь тайком. Ведь если бы простые люди узнали о том, что это из-за Вестон воздух стал отравленным и холодным, они растерзали бы и его, и все правление.

Целых два дня с начала зимы Абигейл была предоставлена только самой себе. Больше не было ни уроков, ни посетителей. Она читала авантюрные романы, найденные в библиотеке, играла с куклами и котенком, примеряла дорогие наряды, пытаясь отвлечь себя от мрачных мыслей. Обсудить их было не с кем — Ланфорд покидал особняк с рассветом и возвращался к полуночи.

Салли сообщала, что господин находился не в духе. Он не мог решить все проблемы разом и за короткий срок, как того требовалось. Но плохое настроение месье Броуди означало еще и то, что Демиана до сих пор не нашли. И это было единственной радостью для Эбби.

Заставив этим утром горничную трижды сменить ей платья — с салатового на серо-голубое, а затем на перламутровое с вышитыми цветами — она прохаживалась по личной гостиной под треск поленьев в камине. Из окон этой комнаты ей был виден сад. Снег, укутавший погибшие растения, пробыл белоснежным совсем недолго. Сквозь образовавшиеся проталины была видна покрывшаяся инеем земля, а сами сугробы приобрели неприятный желтовато-серый цвет. Такого оттенка, должно быть, казался смог над Корой, если посмотреть на него с высоты полета дирижабля.

В последнее время, когда позволяла чистота неба, Абигейл замечала эти огромные летательные аппараты возле причальной мачты, возвышающейся на северо-западе от особняка. Все они были с логотипами Корпорации. Возможно, на одном из них сейчас находился Ланфорд в обществе ученой комиссии.

Она хотела бы помочь им... Но невозможно было найти брата первой так, чтобы никто об этом не узнал. Мог ли Демиан знать, что от него зависела судьба всего мира?

— Гонг, мадемуазель, — тихо произнесла Салли, появляясь из спальни — там она прибиралась после последнего переодевания. Прислушавшись, Эбби смогла различить гулкий повторяющийся звук, доносившийся с первого этажа.

— Не понимаю, почему я не могу пообедать в личной столовой, как обычно? — поинтересовалась она, проходя к дверям. Горничная шла следом.

— Сегодня месье Марлоу составит вам компанию, — ответила Салли. — Он не любит маленьких помещений.

Услышав столь нелюбимое имя, Абигейл вздохнула, но ничего не ответила. Еще в поезде она поняла, что коллеге Ланфорда доставляет особое удовольствие портить аппетит и настроение молодым девушкам. Полчаса наедине с Марлоу предстояло вытерпеть, как неприятную медицинскую процедуру — отказаться было нельзя. Вопрос состоял в том, что ему здесь понадобилось? И... знает ли месье Броуди об этом визите?

Горничная отвела ее в парадную столовую, предназначенную для больших приемов. Стол, рассчитанный на восемьдесят гостей, сейчас был накрыт с одного конца лишь на троих.

Абигейл была здесь впервые.

Стены, украшенные белоснежной парчой, лепниной, и картинами в золоченых рамах, должны были освещать три огромные люстры на десятки свечей. Но сейчас была зажжена только одна из них, и столовая предстала перед гостьей в несколько мрачном виде. Было件нятно, что слуги готовили эту залу в спешке, едва узнав о желании Марлоу. Они даже забыли развести огонь в большом камине, располагавшемся напротив окон, и потому было прохладно.

Обхватив предплечья руками, Эбби прошла к своему месту и попросила Салли принести теплую шаль. Марлоу появился в тот момент, когда горничная выходила из столовой.

— Мадемуазель, — сухо произнес он, не удостоив ее даже кивком. Абигейл натянуто улыбнулась и старалась сохранять доброжелательный вид, пока он подходит и присаживается рядом.

— Новость о том, что вы прибудете была довольно... неожиданной, — сказала она, снимая серебряное кольцо с салфетки, и расстала ее поверх юбки. — Что привело вас сюда?

— Уже примеряете на себя роль хозяйки? — Марлоу усмехнулся. Он тряхнул сальными волосами — от них отделились мельчайшие светлые частички и приземлились на тарелку. — Я пригласил вас на этот обед только для того, чтобы не оскорблять Ланфорда. Будь моя воля, вас бы заперли в камере на хлебе и воде, до тех пор, пока эта ситуация не разрешится. Потом уже стало бы видно, куда бы вы отправились — приговоренной на эшафот или судомойкой на кухню.

— Рада, что мы это прояснили, — тихо произнесла Эбби. — Кто будет третьим гостем?

— Мой давний друг, — проговорил Марлоу. Он собирался сказать что-то еще, но лакеи уже начали подавать еду. На середину стола поставили гренки со спаржей и ветчиной, а тарелкам разложили салат из свежей зелени и свеклы.

Поковырявшись в нем вилкой, Абигейл обнаружила в салате мягкий сыр с грецкими орехами, плавающими в лимонно-горчичной заправке, и подумала, что это блюдо — не лучший выбор для холодной погоды. С куда большим удовольствием она бы сейчас съела обжигающее

перченое овощное рагу, приготовленное старенькой кухаркой под присмотром гувернантки Рины. Она отпила холодное вино из бокала, и поняла, что вконец озябла. Салли не торопилась выполнить ее приказ, так же, как и не спешил друг Марлоу к ним присоединиться. Лакеям пришлось унести блюдо нетронутым. Взамен него преподнесли соте из почек и картофельный гратен. От них шел пар и чудесный аромат, но вкус телячьих почек, пусть даже в белом соусе, пришлось Эбби не по душе. В этот момент она подумала, что Марлоу сговорился с поварами, чтобы окончательно вывести ее из равновесия. Она жевала картофель, запеченный в сливках и специях, и искоса наблюдала за мужчиной, так рьяно расправлявшимся с обедом, что капли и крошки разлетались во все стороны по белоснежной скатерти. Только десерт — молочный пудинг с цветами бузины — смог немного приподнять ей настроение. Тогда же вернулась и горничная с теплой шалью в руках. Абигейл накинула мягкую шерстяную ткань на плечи и почувствовала себя лучше. Но не успела она съесть последней ложки сладкого лакомства, как дверь столовой распахнулась еще раз. Деловито осмотревшись, к столу поспешил упитанный мужчина в черной сутане. Его круглое, чисто выбритое лицо и сверкающая лысая макушка показались Эбби знакомыми.

— Простите меня, друг мой Марлоу, и милая мадемуазель, — проговорил он, с размаху присаживаясь на стул, скрипнувший под его весом. Лакей поспешил подать ему шампанское и десерт. — Мой экипаж наткнулся на баррикады из хлама на Кэт-стрит. Когда карета оказалась в западне, бродяги набросились на лошадь и кучера с дубинами, а еще залили ее красной краской! Можете себе представить, во сколько теперь мне встанет ремонт?

— Эти оборванцы совсем распоясались, — цокнул языком Марлоу. — Как же вы выкрутились?

— Вышел из кареты, только-то и всего! — хохотнул толстяк. Абигейл вдруг поняла, что уже виделась с ним, в вагоне-ресторане «Виктории». Этот человек отвлек Марлоу, что позволило ей выкрасть ключ! — Они сразу же меня узнали и долго извинялись. Но я остался милостив. Я сказал им: «Я прощаю вас, сыновья мои, идите же, и не грешите более!» А вот лиц, к большому сожалению, запомнить не успел!

— Где вы говорите, располагались эти баррикады? — переспросил Марлоу, со звоном опуская пустую креманку на тарелку.

— На Кэт-стрит, это в Гоббс-Корте, через два квартала к востоку от рынка, — с набитым ртом проговорил мужчина. Его рука только и делала, что успевала зачерпывать ложкой новую порцию пудинга.

— Что ж, я распоряжусь, чтобы туда направили дополнительные патрули, — медленно произнес Марлоу. — Люди начинают подозревать.

— Прощу прощения, мадемуазель, — мужчина посмотрел на Эбби и вытер губы салфеткой, — я совсем забыл представиться. Гион Дюран, к вашим услугам.

— Проповедник Гион? — не поверила Абигейл. Впервые она услышала это имя в бедной части поезда. И бедняки тогда превозносили его как надежду для всех обездоленных в это темное время. Затем то же имя обнаружилось в письме, когда она обыскивала купе Марлоу. Тогда Гион представился двуличным обманщиком, человеком, падким до наживы. Но ни в одно из представлений не вписывалось то, что великий проповедник — невысокий, суетливый толстячок.

— Он самый, милая леди, — подмигнул месье Дюран и, залпом выпив бокал шампанского, поднялся на ноги. — Ну-с, Марлоу... Раз на обед я опоздал, быть может мы пройдемся по особняку? Я слышал, что месье Броуди прячет здесь весьма примечательную часовню. И мадемуазель Абигейл, конечно же, пойдет с нами? Серьезный разговор будет протекать куда более приятно в компании такого очаровательного создания.

— Как вам будет угодно, — фыркнул Марлоу. — Главное не слишком отклоняться от темы беседы.

Властным жестом мужчина приказал прислуге удалиться с глаз, и даже вездесущая Салли не решилась следовать за хозяйкой. Втроем они покинули столовую и направились вперед по темным коридорам первого этажа. Высокие окна здесь были частично занавешены тяжелыми портьерами. Эбби была уверена, что это сделали для того, чтобы скрыть от господского взгляда погибшие розовые кусты, которые теперь не имело смысла пересаживать. Съезжившиеся и потемневшие бутоны, поникшие под снежной шапкой, приобрели цвет запекшейся крови, грозясь вот-вот опасть на землю.

— Месье Вестон сообщал мне, что нынешняя ситуация может потребовать дополнительных мер, — начал Гион Дюран. — Как вы собираетесь все объяснять?

— В вечерней газете выйдет статья о извержении вулкана на одном из островов Катиды. Он необитаем, равноудален от континентов, от сухоходных путей, и потому нам подходит, — проговорил Марлоу. — А вот объяснять людям все придется вам, мой друг.

— Вы хотите сказать всем, что похолодание началось из-за извержения вулкана? — удивился проповедник и бросил быстрый взгляд на Абигейл, скромно идущую позади. — Не из-за ошибки Корпорации, а из-за какого-то... пепла?

— Мои ученые выяснили, что при сильных извержениях это возможно. Вулканический пепел способен задерживаться в верхних слоях атмосферы на долгое время, перекрывая доступ солнцу.

— Насколько долгое? — наморщил лоб Гион.

— Ну, скажем, на год, месье Дюран, — усмехнулся Марлоу. — Год — вполне достаточный срок, чтобы люди задумались не над самим вопросом, а над его решением.

— Но если самого извержения не будет... — робко подала голос Эбби, не поднимая глаз. — Разве Градара и другие страны не усомнятся в ваших словах?

Марлоу остановился и посмотрел на нее с нескрываемой ненавистью.

— Какая умная мысль, мадемуазель Шерри, — почти прошипел он.

— Девушка говорит верные вещи, — примирительно сказал Гион, подталкивая Марлоу под локоть. — Я вынужден повторить ее вопрос. Что если Империю заподозрят во лжи?

— Мои люди направили дирижабль на Катиды в тот же день, когда началась зима, — отрывисто проговорил Марлоу. — Они уже вызвали извержение... искусственно. Особого вреда атмосфере это не принесло, а столб дыма и пепла до сих пор виден всем проходящим мимо судам.

— Что ж, экстренные времена требуют экстренных мер, — сказал месье Дюран. Он остановился перед невысокими двустворчатыми дверями, украшенные витражным стеклом. — Думаю, мы пришли.

Абигейл вошла внутрь вслед за мужчинами. Помещение оказалось совсем крошечным, в половину ее спальни. Не предполагалось, чтобы часовня принимала много посетителей за раз — перед алтарем разместилась всего одна короткая скамейка. Но архитектор, создавший ее, потрудился на славу. Стены и потолок были расписаны красочными фресками, а по бокам у стен стояли золоченые статуи ангелов, распростерших руки к небу.

Проповедник Гион отошел в сторону и покрутил ручку, встроенную в стену. Откуда-то заиграла нежная музыка, и свет газовых светильников на стенах будто бы стал ярче. Эбби на секунду показалось, что она попала в огромную музыкальную шкатулку.

— Да, весьма примечательная часовня, — довольно изрек месье Дюран. — Отличная технология! Так остроумно! И можно не тратить на церковный хор.

В дверь постучали, и Марлоу, отвлекшись от созерцания, вышел к посетителю. Сквозь щелку Абигейл видела, как он о чем-то переговаривается с лакеем.

— Ланфорд вернулся, — громко сообщил Марлоу из коридора, не утруждаясь входить внутрь.

— Как наиграетесь с музыкальным автоматом, приходите в кабинет, Гион. В одиночку.

Поморщившись, проповедник захлопнул за ним дверь.

— До чего неприятный человек, этот Марлоу, — пожаловался он Абигейл, проводя пальцами по витражу на стекле. — Хотя в моменты, когда не идет речь о работе, он может казаться довольно интересным.

Эбби обратила внимание на перстень с печаткой на его руке — такой же, как у покровителя.

— Значит, вы тоже служащий Корпорации? — спросила она. — Но ведь вы церковник!

— Церкви, как таковой, в Империи уже не осталось, мадемуазель, — пожал плечами мужчина. — Но людям до сих пор нужно во что-то верить.

— Например в то, что Корпорация приносит добро? — горько усмехнулась Абигейл.

— Корпорация приносит отличные доходы для тех, кто знает, как к ним подобраться. Есть такие люди, их немного... Можете называть их «избранными». Они... Нет, мы, — единственные достойны того, чтобы вкушать лучшие плоды современной цивилизации, — сказал Гион. — И посмотрите на бедняков-рабочих! Они — всего лишь шестеренки в отлаженном механизме, большего от них не требуется. Они и не хотят большего. А если им дать все блага, то они не справятся с ними и только все испортят.

Заметив недоуменный взгляд Эбби, проповедник ухмыльнулся и его лицо приобрело неприятное снисходительное выражение.

— Попробуйте взять макаку, нарядить ее по фрак и запустить в накрытый банкетный зал или в картинную галерею. Увидите что будет. Так и с рабочими, — сказал он. — Наша система хороша тем, что для каждого в ней есть четко отведенное место и роль. Корпорация делает все для того, что поддерживать существующий порядок. Иначе — наступит хаос.

— Я не понимаю, почему люди слушают вас, — выпалила Абигейл. — И не понимаю, как вам удастся казаться добрым, хотя таким вы, конечно, не являетесь!

— Успокойтесь, Абигейл, — чуть повысил голос проповедник. — Люди верят только в то, что сами хотели бы услышать.

— Теперь вы будете поддерживать мифы Корпорации о ее невинности в холоде и о каком-то там вулкане?! Ведь вы приехали сюда сегодня для того, чтобы быть уверенным в том, что ваш разговор с Марлоу не подслушают. И в кабинете вы втроем придумаете отличный рассказ для серии проповедей! — сама того не желая разгорячилась Эбби. — Их хватит как раз до праздника Жатвы...

— Будьте осторожны, — проговорил Гион, сощурился. — Не то может показаться, будто вы на другой стороне... Молитесь об этом. Как можно больше молитесь.

Он вышел из часовни, громко хлопнув дверью. Абигейл осталась наедине с нарастающим чувством стыда за свою несдержанность. Слова проповедника о неравенстве стали последней каплей, и позволили выплеснуть накопившееся за эти дни напряжение. Ведь мысли о том, что должна победить справедливость, а не Корпорация, не отпускали ее.

На следующее утро Абигейл первым делом взглянула на свежую газету. Статья «ИЗВЕРЖЕНИЕ ВУЛКАНА НА БЕЗЫМЯННОМ ОСТРОВЕ АРХИПЕЛАГА КАТИДЫ» — размещалась на первой полосе. Тоскливое чувство вызвали раздумья о том, что Ланфорд Броуди, ее покровитель, который не так давно признался в своих чувствах, виновен в сокрытии страшной правды. Он не только поддерживал чудовищные методы корпорации Вестона, но и разрабатывал новые идеи.

Эбби присела на подоконник и с грустью посмотрела в окно. У черного входа в особняк, который был виден совсем немного слева, царило небывалое оживление. Возле нескольких повозок толпились люди, разгружали тяжелые ящики и таскали мешки.

— Что там происходит? — спросила она Салли, появившуюся из гардеробной с утренним платьем для завтрака.

— Вечером состоится званый ужин в честь того, что все правление Корпорации собралось в Коре, — сообщила Салли. — Я уже подобрала вам платье — цвета морской волны, с серебряной вышивкой и очень пышными юбками. А Ланфорд прислал к нему платиновое кольцо и серьги. Там очень подходящие изумрудные подвески.

— Я не хочу на него идти, Салли, — пробормотала Эбби. — Если можно, я просто почитаю у себя в комнате.

— Господин Броуди будет сильно оскорблен, — нахмурилась горничная. — Ведь в приглашениях вы отмечены хозяйкой вечера.

— Значит найду место где-нибудь в уголке, — вздохнула Абигейл, вновь ощущая себя пленницей в клетке. Наверняка об ужине было известно заранее — ведь нужно было все подготовить и разослать приглашения, но никто не подумал предупредить об этом ее.

— Вам будет весело, мадемуазель, — заверила ее Салли. — Вот увидите. Сейчас я принесу вам особый тонизирующий чай и настроение сразу к вам вернется.

После легкого завтрака и горьковатого чая, Эбби и вправду немного повеселела. И хоть это казалось ей немного странным, она решила, что не произойдет ничего страшного, если она позволит себе немного повеселиться.

Она так и не поговорила с Ланфордом вчера и не знала, рассказал ли ему о произошедшем Гион, но, тем не менее, заранее придумывала извинения. Все время до вечера она провела в покоях, рассматривая роскошное бальное платье, каких раньше не носила, и подбирая к нему прическу и макияж.

Приготовления закончились уже тогда, когда фонарщики начали зажигать фонари на улице возле особняка. Абигейл, нарядная и сияющая, как королева, была готова к выходу. На ее щеках

мерцали мельчайшие блески из слюды, в тон переливающимся драгоценностям. Ланфорд встретил ее на парадной лестнице.

— Вы настолько ослепительны, что рядом с вами померкнет даже райская птица, — прошептал мужчина, осторожно беря ее за руку, облаченную в атласную перчатку. Сам он был одет в черный смокинг и цилиндр, и этот цвет делал черты его лица более резкими.

Чувствуя, как сердце начинает биться чаще, Эбби спустилась вместе с ним в холл, где им предстояло встречать почетных гостей.

— Месье... — тихо начала она, глядя как валет Орсон распахивает парадную дверь перед пожилым мужчиной в изумрудном костюме. — Вы не сердитесь на меня из-за вчерашнего?

— Из-за того, что вы указали Гиону на его двуличность? — с усмешкой уточнил Ланфорд. — Ничуть. Но сегодня постарайтесь быть пайнкой, прошу вас. Поздоровайтесь с Норманом Вестоном.

Абигейл не успела понять чему поразила ее больше — поддержке покровителя в таком щекотливом вопросе или внезапному появлению «зла во плоти». Она никогда прежде не видела, как выглядит владелец Корпорации. Месье Вестон оказался очень высок и худощав. Зеленый, в тон костюма, цилиндр скрывал зальсину у висков, а впалые щеки придавали ему сходство со скелетом. Он производил впечатление то ли очень скупого, то ли смертельно больного человека, и смотрел на всех, как на грязь под ногами.

Удостоился подобного взгляда и Ланфорд. Коротко поприветствовав его, Вестон проигнорировал реверанс Эбби, и направился напрямик в гостиную, будто дорога туда ему была давно известна. За ним последовали Марлоу и Гион, модистка Зои Ларга, Катарина Соланж с мужем, молодой граф Джеймс Ламберт и много других высоких гостей. С некоторыми из них Абигейл уже успела познакомиться в поезде, и потому не чувствовала неловкости в общении.

Перед банкетом подали разноцветные коктейли, украшенные живыми цветами и сливками. Эбби угостилась напитком лавандового цвета и приняла комплимент от Зои, похвалившей ее платье. Модистка была одета в очередную свою фантазию — наряд болотно-зеленого цвета с кожаными вставками и оторочкой из лисьего меха.

После к хозяйке вечера подошел Орсон и сообщил, что в столовую ее будет сопровождать сам Вестон. Даже будучи чуть захмелевшей, Абигейл стало страшно. Когда зазвучал гонг, она нашла глазами сэра Норманда — он стоял возле камина. Почувствовав на себе ее взгляд, он повернул голову и посмотрел на нее, а затем неторопливо подошел.

— Мадемуазель, вы позволите? — хрипло спросил он с отстраненным выражением лица и подал ей руку. Эбби торопливо кивнула, гадая сколько ему лет. Семьдесят, восемьдесят? Глава Корпорации наводил на нее ужас. Каждый шаг в его присутствии длился целую вечность. Спросит ли он ее о Демиане? Скажет ли что-нибудь о его преступлении? Но столовая оказалась ближе, чем она представляла, а Норманд явно был не в настроении обсуждать государственные тайны на званом вечере.

В этот раз банкетный зал предстал перед ней во всей красе. Всюду были расставлены вазы с роскошными букетами, а начищенные люстры сверкали сотнями свечей. Десятки вышколенных лакеев выстроились вдоль стены. Ланфорд и Зои Ларга заняли центральные места по правой стороне стола, тогда как Абигейл с Норманом Вестоном расположились на левой. Рядом с ней сидела Катарина, и это немного притупило страх.

— Месье Броуди неплохо раскошелится, — с веселой улыбкой шепнула ей подруга, перед тем как подали первую перемену блюд, поразившую Эбби до глубины души. Она еще не видела такого размаха и дороговизны. Все блюда, кроме одного, выставлялись на стол разом. Там были устрицы, палтус в чесночном соусе, пирамидки из лосося, осетр с розмарином...

Но Абигейл не смогла удержаться от удивленного возгласа, когда перед ней на тарелку поставили большой панцирь, наполненный коричневым супом. Она проследила за лакеями — каждый из гостей получил персональную порцию. Восемьдесят черепов были убиты и сварены ради одного этого ужина! Эта неприятная мысль определила для нее настроение вечера. И находиться здесь стало неудобно.

Вестон громко похвалил идею подачи блюда, и другие гости подхватили его восторженные слова. Вторая перемена состояла из мяса и дичи. Лакеи унесли недоеденные деликатесы и принесли новые: седло барашка в карамели, оленину в красном вине, жареную утку с

апельсинами и мармеладом, перепелок в кунжуте с имбирным соусом, и еще больше мелких закусок. Абигейл позволила себе немного поесть и выпить шампанского.

Катарина без умолку щебетала о своих любовных похождениях и расспрашивала ее о жизни в особняке. Эбби отвечала односложно, без особого желания.

Наконец наступило время десерта. И пока слуги расставляли крем-брюле с ягодами, миндальные и шоколадные торты, а так же разнообразные пудинги, Ланфорд произнес речь. Абигейл слушала ее вполуха, размазывая по тарелке лимонный крем. Она снова вспоминала дом, где званые вечера были скромными по бюджету и меню, но куда более веселыми. Складывалось впечатление, что действие волшебного чая Салли заканчивалось, и Эбби все больше погружалась в уныние, охватившее ее утром. Ей остро захотелось сбежать отсюда. Месье Броуди поблагодарил всех за визит и заверил, что Корпорация сделает все, чтобы помочь жителям империи Реган в это непростое время.

— А все неприятности, связанные с этим вулканом, я уверен, скоро исчезнут! — закончил он и поднял тост. Абигейл со вздохом выпила. Ее покровитель — тот еще лжец.

Через четверть часа гости разошлись кто куда. В большой гостиной их ждали музыка и пение, в бальной зале — танцы. В малой гостиной занавесили окна и погасили лампы — там должен был проходить спиритический сеанс. В каминном зале мужчины обсуждали последние новости в компании сигар и виски, в библиотеке дамы читали вслух отрывки из модных романов. В картинном салоне играли в карты и рулетку.

Там Эбби наткнулась на Катарину. Она жаловалась на то, что среди закусок, разносимых лакеями не было ее любимых пирожных.

— Зато есть свежие ягоды с мороженым и взбитыми сливками, — поделилась Абигейл. — Я видела их в большой гостиной.

Таким образом избавившись от общества подруги, она уже намеревалась тайком отправиться в свои покои, но Ланфорд сумел перехватить ее на полпути.

— Думали убежать от меня, милая Абигейл? — шепнул он ей на ухо, рывком подхватывая ее за талию и кружа посреди зеркальной галереи. В этот момент он казался таким радостным, что Эбби невольно заразилась его настроением. Она никогда не видела его столь красивым и... влюбленным?

Под перешептывание гостей, удивленных таким открытым показом чувств, они отправились в бальную залу. Но счастье Абигейл точила страшная мысль: хорошее настроение покровителя равнялось неприятностям для брата. Что если он сумел найти Демиана? И в этот момент ее брат-близнец уже сидел в темнице, ожидая страшного приказа...

Оркестр для гостей в танцевальной комнате заменял огромный деревянный шкаф, размером со всю стену. Сквозь стеклянные вставки можно было наблюдать как движутся точные механизмы — натягиваются пружины, раздуваются меха духовых, маленькие молоточки бьют в барабаны, а цепкие, словно паузы, металлические лапки перебирают струны. Два специально обученных лакея следили за ходом автоматической машины и только и успевали вовремя заменять одни бумажные свитки с перфорацией на другие. Ноты известных мелодий звучали громко и немного хрипло одновременно, а к звукам инструментом примешивались пощелкивания шестеренок.

— Это — оркестрион. Моя гордость, — сказал Ланфорд, помогая спутнице протиснуться сквозь толпу гостей. Из всех комнат особняка этот зал с механической музыкой пользовался особой популярностью.

— Я заметила, что вы любите часовые механизмы, — протянула Абигейл, проходя мимо раскрасневшейся Зои Ларга шествовавшей под руку с графом Ламертом.

— И у меня имеется лучший мастер в стране. Он изготавливает такие необычные вещи только для меня, — чуть усмехнулся мужчина.

Они начали танцевать серию контрдансов, над которыми Эбби так упорно трудилась вместе с танцмейстером. Месье Броуди танцевал весьма сдержанно, но не скованно, и многие фигуры получались у него гораздо лучше, чем у партнерши.

Глядя на пестрое море шуршащих юбок и дорогих костюмов, Абигейл невольно вспоминала балы в деревне Лан-Лаин. Ее отец, бывало, перебрав ликера, распевал одну бульварную песенку, под хохот гостей, пускавших в пляс. Какие же в ней были слова?.. Времена проведенные с семьей казались слишком далекими, утратившими четкость.

«
Гуляли мы под сенью крон,

И выдался нам шанс

Пойти всем в карточный салон,

Сыграть там в преферанс...
»

Голос отца звучал в ее голове эхом, словно со дна глубокого колодца. Смешиваясь с механическими звуками адской машины и гомоном блистательных гостей, он складывался в довольно фантазмагорическую картину. Эбби почувствовала, как перед глазами все плывет.

«
Открыв бутылку, налили мы вина,

Но тут подсел к нам пьяный граф,

А в след за ним пришла жена...
»

(Стихотворение @ksenya_g)

— Абигейл, — с улыбкой позвал Ланфорд. Встряхнув головой, Эбби обнаружила, что музыка уже затихает и гости расходятся для другого танца. Сегодня она и вправду чувствовала себя необычно. Все началось с самого утра и тонизирующего чая Салли. — Сейчас будет вальс.

— Мой любимый танец, — прошептала Абигейл, когда покровитель резко прижал ее к себе, обняв за талию. Они начали медленное движение под первые ноты композиции. В деревне вальс считался довольно вульгарным, но в Коре, судя по количеству гостей, высыпавших на паркет, он пользовался большой любовью.

— У меня возникла одна мысль, — проговорил Ланфорд, склонившись к ее уху. — Слишком дерзкая даже для меня...

— О чем вы, месье? — спросила Эбби, тяжело дыша. Ей отчаянно не хватало кислорода, хоть воздушные фильтры в зале были запущены на полную мощность.

— Выходите за меня замуж, Абигейл?..

От удивления она чуть было не разжала руки, но вовремя спохватилась и заглянула в его серые глаза.

— Вы это серьезно, месье? — прошептала она так тихо, что сама не услышала слов.

— Как никогда, мадемуазель. — Сейчас он выглядел хищником, нагоняющим свою жертву. Он словно так и предвкушал предстоящую победу. — Я бы встал на одно колено прямо сейчас, посреди этого зала, если бы не одно «но»...

Он ловко закрутил ее, поддерживая за руку, а затем вновь обнял.

— Здесь собралось все правление Корпорации... Они не будут рады нашему союзу пока ваш брат не найден, — продолжил Ланфорд, ничуть не сбив дыхание в танце. — Если бы вы только могли помочь мне... Дать хоть одну, крошечную подсказку...

Абигейл запнулась, запутавшись в собственных юбках, и посмотрела на мужчину. Должно быть в ее глазах отразился весь ужас, который она так тщательно пыталась скрыть, потому что лицо покровителя тут же помрачнело.

— Нет. — Это слово вырвалось у нее раньше, чем она успела его обдумать. Как же мог Ланфорд так поступать с ней? Предлагать брак, но лишь с условием, что она поможет убить

Демиана?.. Абигейл, отстранилась и убежала прочь раньше, чем мужчина успел сказать хоть что-нибудь еще.

Аккуратно обходя гостей, она шла по анфиладе комнат. Ее щеки пытали от стыда и от ярости, а руки дрожали. Ведь не мог же месье Броуди играть с ее чувствами, чтобы добиться желаемого для Корпорации? Или... все же мог? Сегодняшний день представлял собой что-то невообразимое. Да и вся эта поездка с самого начала показалась странной, словно подстроенной.

Она нашла Катарину возле библиотеки, с тарелкой мороженого в руках. Подруга была в хорошем расположении духа — наверное уже успела закадрить очередного молодого аристократа. Абигейл настойчиво взяла ее за локоть и отвела в сторону.

— Почему ты со мной дружишь? — прямо спросила она.

— Почему я с тобой дружу? — рассмеялась маркиза Соланж, и зачерпнула серебряной ложечкой крупную клубнику. — У тебя все нормально, Абигейл?

— Все отлично. Так почему?

Катарина перестала смеяться. Ее взгляд стал обеспокоенным. Прожевав клубнику, она вернула ложечку на тарелку, а потом отдала несъеденный десерт проходящему мимо лакею.

— Потому что месье Броуди платит мне за это, дурочка, — тихо сказала она. — Только не говори никому, что я тебе это сказала...

— Спасибо, — произнесла Абигейл и направилась к лестнице на второй этаж. Все ее мысли смешались в этот момент.

Эбби понимала только одно — она оказалась в ловко подстроенной, чудовищной западне.

Нужно было бежать из этого лицемерного царства, как можно дальше, и как можно скорее.

Оказавшись на лестничной площадке возле зеркальной галереи, она немного отдышалась и, услышав шаги очередных гостей, юркнула в темный, плохо освещенный коридор, ведущий к покоям покровителя. Ей не хотелось, чтобы аристократы доложили Ланфорду, что она отправилась к себе. Если она сможет добраться незамеченной и собрать только самые нужные вещи...

— Абигейл... — послышался знакомый голос совсем рядом.

— Вы меня преследуете, — обреченно вздохнула она, оборачиваясь, и глядя на месье Броуди.

Он закрыл дверь, отсекая свою половину от основной части особняка.

— Вы опять говорите глупости, — заметил он, подходя. — И как будто боитесь меня.

От него сильно пахло виски, чего Эбби не чувствовала во время танца.

— Я хотела бы пойти к себе, — твердо сказа она, пытаясь его оттолкнуть, но Ланфорд вновь прижал ее к себе. — Мне нехорошо.

— Вы врете не только мне, но и себе, — усмехнулся мужчина, оттесняя Абигейл ближе к стене. Когда отступить стало некуда, он впился своими губами в ее. Его руки сами нашупали шнуры на ее корсете.

Тщательно пытаясь высвободиться, Эбби поняла, что чувствует лишь одно — отвращение. Все не должно было быть так. И по настоящему влюбленный человек не стал бы позволять себе такое. К горлу подступила тошнота и еще больший страх.

— Отпустите меня, — всхлипнула она, сглатывая слезы. — Пожалуйста. Отпустите!

Взглянув на нее потемневшими от злости глазами, Ланфорд зажал ей рот и рванул декольте платья. Дорогая ткань затрещала, порвавшись в нескольких местах. Абигейл что есть силы укусила мужчину за руку, прижимая к груди спадающий корсет. Он зарычал от боли, и в тот же момент в его лицо прилетел мужской кулак.

Месье Броуди с грохотом повалился на пол, а Эбби в ужасе осела на пол, глядя на своего внезапного спасителя. Это был молодой парень-лакей, невесть что забывший в покоях господина. Он и сам, казалось, пришел в ужас от того, что сделал.

Абигейл взглянула на него с мольбой и, подавшись вперед, ухватила за полы его камзола.

— Спаси меня, — скороговоркой прошептала она, с ужасом оглядываясь на лежащего Ланфода.

— Меня зовут Гейл, я здесь пленница. Мне нужно отсюда сбежать.

Лакей коснулся ее руки и тут же отдернул ее, когда позади него послышался какой-то шум. Из гостиной появился второй лакей, рыжеволосый. Охажкой он держал серебряные графины, кубки и золоченую статуэтку лучника.

— Твою же мать, Морт! — прошипел он, в панике бросая все вещи разом. Подбежав к товарищу, он рванул его за рукав, и потянул за собой по коридору.

